

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС | НОВОСИБИРСК

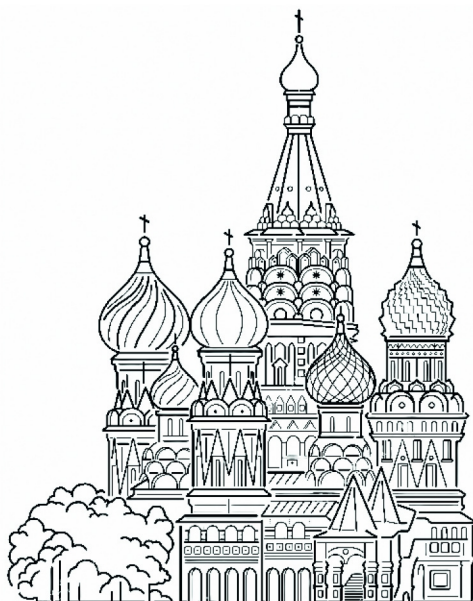

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2024 №1 (5)
ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2024

№ 1 (5)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Yuri P. Ivonin, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Türkan Olcay, Doctor of philological sciences, professor, Istanbul, Republic of Turkey
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Historical Sciences, Russia, Moscow
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Executive Secretary *S.M. Koba*
Editors: *T.V. Borodina*, *N.A. Zolotenina*
Technical Editor *O.A. Gladunova*
Translation by *M.A. Markdorf*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The mass media registration certificate *ПН № ФС77-83738 dated August 5, 2022*, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

Release date 29.03.2024. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 14,0. Publisher's signature 15,2. Edition of 500 copies. Order 8.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2024

№ 1 (5)

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Ивонин Юрий Перфильевич, доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Стамбул, Турецкая Республика
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Россия, Москва
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Т. В. Бородина*, *Н. А. Золотенина*
Технический редактор *О. А. Гладунова*
Перевод *М. А. Маркдорф*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации *ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.*, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.
При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Дата выхода в свет 29.03.2024. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 14,0. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 500 экз. Заказ 8.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophy, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophy, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philology, Professor, Russia, Novosibirsk

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of History, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial.....	8
RUSSIAN EMIGRANTS ABROAD.....	10
Bykova A.S.	
Russian emigration in Ireland: mid-19th — second third of the 20th century	10
Djordjevic A.	
Participation of Russian refugees of the first wave in the creation of the ballet	
«The Legend of Ohrid» by S. Hristich	24
Zivanovic M.	
Piece of the Russian World: Russian Public Library in the Russian House in Belgrade	34
Sorokina M.Yu.	
Red Generation of White Emigration: Union of the Soviet Patriots in Belgrade in October —	
November 1944.....	43
PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: THE RUSSIAN FOOTPRINT	54
Smedegaard Ju.	
Searching for Russian graves in the UK: problems and experiences.....	54
Talalay M.G.	
Russian world of Milan: a new visit.....	63
DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE.....	82
Campos R.H.F.	
Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context	
of Brazilian Education.....	82
Olçay T.	
Russian language teaching in Turkey: history and modernity	98
Cherkazyanova I.V.	
Russian language textbooks in schools of German colonists (the last third of the 19th —	
early 20th centuries).....	109
RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHT: THEORY AND PRACTICE	118
Mandel N.V.	
Model of correction and developmental work on the development of children with autism	
spectrum disorders	118
Krasovitskaya T.Yu.	
Transformation of the Russian World in the Early Soviet Period	128
ARCHIVAL MATERIALS VS FALSIFICATION OF HISTORY	142
Ivanov V.A.	
Patriotism of Soviet women during the war as a historical fact:	
Evdokia Vladimirovna Visikirskaya, a participant of the Sevastopol Underground	142
AUTHOR AFFILIATIONS	153
INFORMATION FOR AUTHORS	155

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	8
РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЗА РУБЕЖОМ.....	10
Быкова А. С.	
Русская эмиграция в Ирландии: середина XIX — вторая треть XX в.....	10
Джорджевич А.	
Участие русских беженцев первой волны в создании балета «Охридская легенда»	
С. Христича.....	24
Живанович М.	
Частица русского мира: Русская публичная библиотека в Русском доме в Белграде	34
Сорокина М. Ю.	
Красное поколение белой эмиграции: Союз советских патриотов в Белграде в октябре — ноябре 1944 г.....	43
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РУССКИЙ СЛЕД.....	54
Смедегаард Ю.	
Поиск русских могил в Великобритании: проблемы и опыт	54
Талалай М. Г.	
Русский мир Милана: новое посещение	63
РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	82
Кампос Р. Х. Ф.	
Елена Антипова (1892—1974): синтез швейцарской и советской психологии в контексте бразильской образовательной системы.....	82
Олджай Т.	
Обучение русскому языку в Турции: история и современность	98
Черказынова И. В.	
Учебники русского языка в школах немецких колонистов (последняя треть XIX — начало XX в.).....	109
РУССКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	118
Мандель Н. В.	
Модель коррекционно-развивающей работы по развитию детей с расстройствами аутистического спектра.....	118
Красовицкая Т. Ю.	
Трансформация Русского мира в раннесоветский период	128
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ VS ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ.....	142
Иванов В. А.	
Патриотизм советских женщин в годы войны как исторический факт: Евдокия Владимировна Висикирская, участница севастопольского подполья.....	142
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	153
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	155

От редакции

Тема этого номера — мягкая сила России, рассматриваемая в историческом, философском, образовательном аспектах на протяжении большого исторического периода, в течение которого не раз менялись политическая и государственная системы, но сохранялись русская история и культура, русские традиции, русское мировосприятие, объединявшие приверженцев России в один большой Русский мир. Этот концепт появился в отечественном политическом и научном дискурсе сравнительно недавно. Речь идет не просто о российской диаспоре за рубежом, а в целом о российской идентичности, о феномене русской культуры, о месте достижений российского государства в мировой цивилизации.

Свой вклад в российскую историю и культуру на протяжении веков вносили как русские, так и иностранцы. Находясь на службе в Российской империи, они стали русскими людьми по отечеству, по культурной принадлежности, по духу. Их именами гордится Россия. Частью Русского мира были и те, кто, выехав из страны в различные исторические периоды, сохранил знание русского языка, а вместе с ним в разной степени лояльность своей исторической родине и привязанность к России. Это были русские эмигранты, те, кто возвращался в Советский Союз после окончания Второй мировой войны, и те, кто не вернулся на родину, но остался верен русской культуре и науке. К Русскому миру сегодня относят многих выходцев из постсоветских стран, независимо от их национальной принадлежности.

Прервать историческую память невозможно. В современном мире русский язык и российская (в том числе советская) культура объединяют многие народы и страны, и не только на постсоветском пространстве. Русский язык, русскоязычная культура и история сегодня стали основополагающими факторами не только привлечения внимания к Русскому миру, но и вхождения в сферу его влияния многих стран и народов.

На страницах этого номера нашли отражение проблемы фальсификации истории и вопросы необходимости защиты, сохранения исторической памяти, в том числе культурного наследия русской эмиграции в различных странах. Освещаются вопросы, связанные с развитием русской гуманитарной мысли, российский и зарубежный и опыт в системе образования.

Темой следующего номера журнала станут миграционные явления и процессы в СССР, России и зарубежных странах. Актуальность проблемы современной миграции обуславливает разностороннее исследование ее причин, форм, влияния на социальную обстановку, взаимоотношений мигрантов и коренного населения, социальных, экономических и политических ее последствий и других аспектов этого явления. Всестороннее изучение миграции, дискуссия представителей различных гуманитарных дисциплин необходимы для понимания и разрешения современных российских и международных проблем в этой области.

Основная идея номера — представить обсуждение исследователями проблем миграции, иммиграции, эмиграции в различные исторические периоды. В очередном выпуске журнала предполагается рассмотрение следующих вопросов:

- процессы формирования и реализации миграционной политики СССР, России и иных государств;
- государственное управление миграционными процессами;

— влияние миграционных процессов в Российской империи, СССР, Российской Федерации на ситуацию в современной России, анализ проблем и перспектив преодоления их негативных последствий;

— советское, российское, зарубежное законодательство об эмиграции граждан;

— миграционные последствия Второй мировой войны;

— «вольные» и «невольные» переселенцы;

— конфессиональные миграции;

— межрегиональные миграции;

— проблемы нелегальной миграции иностранной рабочей силы в России и зарубежных странах;

— исторический опыт приема беженцев;

— правовое регулирование положения чужестранцев в разных странах;

— факторы массовой миграции;

— социокультурные проблемы взаимодействия мигрантов и местного населения;

— проблемы социокультурной адаптации иммигрантов, эмигрантов в иноязычной, иной этнокультурной среде;

— влияние иммигрантов на идентичность российских народов в советское и постсоветское время;

— управление миграционными процессами;

— педагогические проблемы работы с иммигрантами: российский и зарубежный опыт;

— проблемы обучения иностранных студентов в Российской Федерации.

Эти и иные вопросы, посвященные историческим, философским и педагогическим аспектам миграционных проблем, предполагается обсудить на страницах очередного номера нашего журнала.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЗА РУБЕЖОМ

RUSSIAN EMIGRANTS ABROAD

Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 10—23.
Siberia Humanitarian. 2024;(1):10—23.

Русские эмигранты за рубежом

Научная статья
УДК 325.25, 94(417)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-10-23

Русская эмиграция в Ирландии: середина XIX — вторая треть XX в.

Анна Сергеевна Быкова

Независимый исследователь, Грейстоунз, Республика Ирландия, abykovaireland@gmail.com

Аннотация. В статье дается общая картина истории русской эмиграции в Ирландию с середины XIX до второй трети XX в. включительно. Под «русской эмиграцией» в данном контексте понимаются выходцы из Российской империи и советской России. Обозначаются основные волны эмиграции, их состав и главные особенности. Названы самые яркие представители русского эмигрантского сообщества, что способствует более точному пониманию такого многогранного феномена.

Ключевые слова: русские эмигранты в Ирландии, белая эмиграция, русские беженцы, русское зарубежье

Для цитирования: Быкова А. С. Русская эмиграция в Ирландии: середина XIX — вторая треть XX в. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 10—23. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-10-23.

Russian emigrants abroad

Original article

Russian emigration in Ireland: mid-19th — second third of the 20th century

Anna S. Bykova

Independent researcher, Greystones, Republic of Ireland, abykovaireland@gmail.com

Abstract. The article gives a general picture of the history of Russian emigration to Ireland from the mid-19th to the second third of the 20th century inclusive. By “Russian emigration” in this context are meant the natives of the Russian Empire and Soviet Russia. The main waves of emigration, their composition and main features are outlined. The most prominent representatives of the Russian emigrant community are named, which contributes to a more accurate understanding of this multifaceted phenomenon.

Keywords: Russian emigrants in Ireland, white emigration, Russian refugees, Russian abroad

For citation: Bykova A.S. Russian emigration in Ireland: mid-19th — second third of the 20th century *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):10—23. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-10-23.

Ирландия не была страной массовой, в том числе русской, эмиграции в силу ряда причин: она не была привлекательна экономически, в ней не было государственных программ по привлечению эмигрантов и поддержке беженцев. Наоборот, после обретения независимости в 1922 г., официальная политика долгое время была направлена на то, чтобы свести количество иностранцев к минимуму. Тем не менее выходцы из Российской империи и позднее из советской России на острове Ирландия были. И были в заметных количествах, что позволяет говорить о нескольких волнах эмиграции.

Первая волна русской эмиграции в Ирландию приходится на 1880—1910-е гг. Согласно переписи населения 1881 г., 198 человек указали, что родились на территории Российской империи. Известно, что из них 49 были моряками, 7 — студентами или учеными [1, р. 26].

Интересно проследить, как менялся состав и численность населения Ирландии в обозначенный период, согласно данным переписей 1891, 1901, 1911 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения Ирландии в 1880—1910 гг., человек
Dynamics of the population of Ireland in 1880—1910, people

Категория населения	Перепись 1891 г.*	Перепись 1901 г.**	Перепись 1911 г.***
Население Ирландии, млн человек	4,7	4,46	4,39
В том числе иностранцы, всего	12 900	16 541	18 905
Из них из России	1 111	1 966	1 985

* [2, р. 29]; ** [3, р. 28]; *** [4, р. xxxiii].

Анализ данных показывает, что первая волна русской эмиграции в Ирландию происходила на фоне снижения численности населения Ирландии. При этом выходцы из Российской империи были в Ирландии самой большой группой иностранцев из Европы.

Данные переписей также дают возможность проследить род деятельности российских эмигрантов (табл. 2).

Таблица 2

Род занятий российских эмигрантов в Ирландии
Occupation of Russian emigrants in Ireland

Категория лиц	Перепись 1891 г.*	Перепись 1901 г.**	Перепись 1911 г.***
Коробейники	227	223	124
Студенты и ученые	190	200	Н/д
Торговцы мануфактурой	125	261	210
Коммивояжеры	39	88	63
Держатели небольших магазинов	32	64	120
Портные	Н/д	72	128
Домашняя прислуга	Н/д	66	Н/д
Краснодеревщики и драпировщики	Н/д	Н/д	43

* [2, р. 29]; ** [3, р. 28]; *** [4, р. xxxiii].

Как видим, деятельность российских эмигрантов в основном была связана с торговлей и сферой услуг. Между тем были среди них и люди, оставившие заметный след в культуре и истории Ирландии.

В середине XIX в. самым знаменитым русским на Изумрудном острове был Владимир Сергеевич Печерин (1807—1885), член ордена редemptористов, католический священник. Для русского читателя он скорее поэт, переводчик и автор мемуаров «Замогильные записки», состоявший в переписке с видными интеллектуалами своего времени. Такой «маленький заблудившийся человек», воплощение литературного лишнего человека. Для Ирландии он прежде всего яркий католический проповедник, бывший «под самым жалким судом, по самому жалкому обвинению» за публичное сжигание протестантской Библии (напомним, что суд присяжных его полностью оправдал), известный священник из ордена редemptористов, оставивший орден и служивший капелланом в больнице Богоматери милосердия в Дублине, запомнившийся своим аскетизмом и преданным служением.

Другой заметной фигурой, уже в светском мире Ирландии конца XIX — начала XX в., в литературных и музыкальных кругах была Наталья Эспозито (1858—1944) (фото 1). Наталья Петровна Хлебникова, двоюродная сестра известного русского поэта Велимира Хлебникова, вышла замуж за итальянского пианиста и композитора Микеле Эспозито и сделала многое для его карьеры. Биографы Эспозито отмечают, что именно жена убедила его занять пост профессора-преподавателя фортепиано в Королевской ирландской академии музыки в 1882 г., первое время выступала для него переводчиком, держала положенный ее статусу салон, наносила визиты и организовывала обеды [5, р. 41—42]. В 1901—1903 гг. Наталья Петровна состояла в переписке с Иваном Буниным, тогда еще молодым начинающим писателем. Его рассказы настолько тронули ее сердце, что она осмелилась ему написать и открыть душу, и он ей отвечал. Через двадцать лет, уже будучи в эмиграции, Бунин использует ее письма для написания рассказа «Неизвестный друг» (1923). В контексте нашей статьи нам наиболее интересно письмо, датированное 31 декабря 1901 г., в котором она пишет: «...я единственная русская не только в Дублине, но и во всей Ирландии, так что говорить по-русски не с кем» [6, л. 2]. Конечно, Наталья Петровна имела в виду свой круг общения. Русские на тот момент на острове были, причем в заметном количестве.

CENSUS OF IRELAND, 1901.											
FORM A.											
RETURN of the MEMBERS of this FAMILY and their VISITORS, BOARDERS, SERVANTS, &c., who slept or abode in this House on the night of SUNDAY, the 31st of MARCH, 1901.											
NAME AND SURNAME.	RELATION to Head of Family.	RELIGION.	PROFESSION.	EDUCATION.	AGE.	SEX.	RANK, PROFESSION, OR OCCUPATION.	MARRIAGE.	WHERE BORN.	IRISH LANGUAGE.	IF Deaf and Dumb.
1. Michael Esposito	Head of Family	Catholic	Read and Write	45	M	Professor of Music	Married	Italy			
2. Nathalie Esposito	Wife	Greek Church	Read and Write	43	F	Married	St. Petersburg				
3. Blanche Esposito	Daughter	Catholic	Read and Write	21	F	Undergraduate	not married	Paris			
4. Vera Esposito	Daughter	Catholic	Read and Write	17	F	Scholar	not married	Co. Dublin			
5. Maria Esposito	Son	Catholic	Read and Write	13	M	Scholar	not married	Co. Dublin			
6. Nina Esposito	Daughter	Catholic	Read and Write	11	F	Scholar	not married	Co. Dublin			
7. Eliza Gallagher	Servant	Catholic	Read and Write	56	F	Cook - domestic	not married	Co. Carlow			
8. Ellen McIlroy	Servant	Catholic	Read and Write	38	F	Housemaid - 30	not married	England			

Фото 1. Карточка переписи населения 1901 г. семьи Эспозито
Photo 1. Census card of the Esposito family, 1901

Первую волну русской эмиграции составили в основном евреи из Литвы, Латвии и меньшей часть из Эстонии. То есть те люди, которые бежали от еврейских погромов в Российской империи и дискриминационных ограничений для евреев на получение образования, ведение бизнеса и проживание. Проживало еврейское население в основном компактно своими общинами в крупных городах, таких как Дублин, Белфаст, Корк, Лимерик. Они имели свои магазины и свои клубы. Не все шло гладко: встречались эмигрировавшие евреи и с предвзятым отношением католического большинства.

Из добившихся успеха на новом месте отметим троих. Луис Букман (ур. Бухгалтер, 1890—1943) — выходец из Литвы, ювелир. Ирландцам он запомнился своими успехами сразу в двух видах спорта — в футболе и крикете. Наибольшей же славы добился Роберт Бриско (1894—1969) — сын еврейских эмигрантов с севера Литвы. Всегда подчеркивал, что «наша религия и наша любовь к Ирландии... никогда не мешали друг другу» [7, р. 9]. Он активно участвовал в борьбе за независимость Ирландии, занимался закупками вооружения и контрабандой доставлял его для ирландской республиканской армии, позднее был среди основателей партии Фианна Фейл, а в 1956 г. стал первым лордом-мэром Дублина (фото 2).

В художественном мире Ирландии преуспели уроженец Одессы Павел Гугович Нитше/Нитче (1850—1950) — живописец и график, организатор и участник художественных выставок, художественный критик и Гарри Кернофф (1900—1974). Гарри Аарон Кернофф — сын Исаака Карнова, краснодеревщика из Витебска [8], прославился жанровой живописью, изображением сцен городской жизни Дублина, портретами его жителей и ирландскими пейзажами, часть работ имеют явную еврейскую тематику. Был избран в Royal Hibernian Academy¹. В 1930—1931 гг. был с визитом в СССР, по возвращении выступал с лекциями о революционном искусстве и организовал выставку советского плаката.

Стоит также отметить деятельность представителей социалистического движения. Ирландцы хорошо знают имя Ивана Бешова (1884—1987) благодаря популярной сети ресторанов и рыбных магазинов *Beshoff*. Иван называл себя последним выжившим с броненосца «Потемкин»². После посадки в Румынии он служил матросом на разных кораблях, в Лондоне встречался с Владимиром Лениным и лидером ирландских коммунистов Джимом Ларкиным, после чего в 1913 г. отправился в Ирландию и там

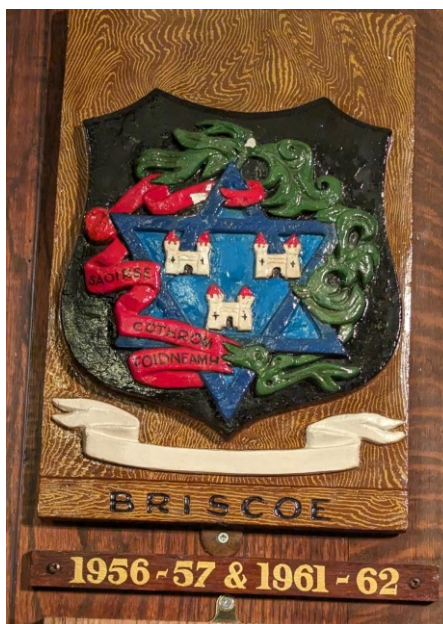

Фото 2. Герб лорда-мэра Дублина Роберта Бриско
Photo 2. Coat of arms of Lord Mayor of Dublin Robert Briscoe

¹ Ирландская академия искусств — престижное учреждение, занимающееся продвижением современного ирландского искусства.

² Мы не смогли найти подтверждение данной информации в доступных источниках. Скорее всего, Иван Бешов тогда имел документы на другое имя. В Ирландии он также пользовался удостоверением на имя Джона Поркка.

Фото 3. Ресторан Beshoff в центре Дублина
Photo 3. Beshoff restaurant in the center of Dublin

остался. Работал в компании *Russian Oil Products* («Русские нефтепродукты»), дважды его арестовывали по подозрению в работе на советскую разведку — в 1922 и 1932 гг., каждый раз отпускали за отсутствием доказательств. Он посещал Советский Союз как минимум три раза. А после Второй мировой войны открыл закусочную, которую его сыновья превратили в весьма успешный бизнес (фото 3).

В социалистическое движение был вовлечен также Владимир Иванович Мартинсон (1882—1935). Что интересно, его первая жена Кэтлин Мэри Шеннон была суфражисткой, подругой и соратницей известной ирландской суфражистки и основательницы Ирландского профсоюза трудящихся женщин Ханны Шихи-Скеффингтон.

Нельзя обойти вниманием и Конрада Петерсона (1888—1981) — социалиста и революционера, борца за независимость Латвии, гражданского инженера, проводившего большую часть жизни в Ирландии.

Следующая волна эмиграции связана с Октябрьской революцией 1917 г. Несмотря на

крушение Российской империи, наплыва эмигрантов из России не случилось. Приехало немного. В Ирландии было неспокойно: шла борьба за независимость, потом гражданская война (1922—1923), начиналось строительство нового государства. Так как Британская империя занималась репатриацией своих подданных, на остров вернулись ирландки, которые были замужем за подданными Российской империи, например вдова Александра Николаевича Потехина, экстраординарного профессора Казанской духовной академии, статского советника Эмма Эдуардовна Потехина (ур. Пит, 1871—1947) и вдова основателя Черноморско-Дунайского пароходства, капитана 2-го ранга, князя Феофила Евгеньевича Гагарина Мэри Сьюзан Гагарина (ур. Гиллеспи, 1859—1951).

Встречались среди ирландцев смелые мужчины и женщины, которые решались на брак с подданными более не существующей страны, не имеющими ни гроша за душой. Так, в 1925 г. в Париже русский дворянин, выпускник Николаевского военного училища, гусар Михаил Сергеевич Попов (1896—1984) женился на внучке девятого графа Вестмита Мэри Терезе Ньюжент, вместе они долгие годы прожили на ферме в графстве Килдэр, а потом в Дублине. Их имена мелькали в светской хронике, также они активно участвовали в помощи русским эмигрантам, помогали устраивать их судьбу. Михаил Сергеевич участвовал в делах православной общины. Другой белоэмигрант Владимир Андреевич Кедров (1897—1958), работавший в Брюсселе таксистом, женился в том же 1925 г. на ирландке Констанции Мэй О'Салливан, работавшей гувернанткой. Они переехали на родину жены, где он работал автомехаником и слесарем. Лидия Степановна Прескотт (ур. Кислякова, 1901—1987) в 1920 г. в Севастополе вышла замуж за британского офицера и вместе с ним и своей сестрой прибыла в Ирландию. После смерти мужа она подрабатывала преподаванием языков, благодаря чему обрела высокопоставленных друзей, которым запомнилась знанием шести языков и изысканными манерами.

Русскому эмигранту Баяну Ивановичу Жильцову (1909—1977) графство Виклоу обязано топонимом *Old Russian Village* («Старая русская деревня»). В 1933 г. в Англии он женился на ирландке Уне Мэри Ирен Кеох, первой женщине — члене Дублинской фондовой биржи. После их переезда на родину Уны он занимался строительством и перестройкой старых домов и на юго-востоке Ирландии построил группу домов, как считается, в стиле старых русских дач, откуда и пошло название «Старая русская деревня». Недавно рядом построили новую группу домов, которую назвали *New Russian Village* («Новая русская деревня») (фото 4).

Фото 4. Вывеска района *New Russian Village* («Новая русская деревня») в графстве Виклоу
Photo 4. Signage for the *New Russian Village* neighborhood in Wicklow

Помнят в Ирландии и имя Павла Павловича Родзянко (1880—1965), племянника председателя Государственной думы М. В. Родзянко и одного из лучших конников мира начала XX в. Почти четыре года, с сентября 1928 по май 1931 г., он работал в Дублине в Ирландской армейской школе верховой езды. Его пригласили как зарубежного инструктора, чтобы за короткий срок подготовить ирландскую команду для участия в соревнованиях по конкуру. В своих мемуарах Павел Родзянко пишет, что через две недели его тренировок ирландская команда взяла кубок Ага-Хана¹ в Дублине [9, р. 277]. Это историческое для ирландской школы верховой езды событие произошло в августе 1928 г. Тогда Павла Родзянко пригласили как инструктора по прыжкам на лошадях, именно в таком качестве он проработал с сентября 1928 по июль 1929 г. С 10 октября 1929 г. он был назначен на три года директором школы верховой езды под контролем генерала-квартирмейстера [10]. Всеми последующими успехами вплоть до 1939 г. ирландская команда обязана налаженной Родзянко системе подготовки и отбору рекрутов, а также лошадей.

Другой русский эмигрант — Николай Иванович Курис (1895—1977), получивший предложение о работе на куриной ферме в деревне Коллон, графство Луф, приехал в Ирландию в 1931 г. Вскоре он занялся уже собственной фермой и выращивал грибы на продажу, что было для Ирландии делом новым. Дом Курисов сразу стал местом русского сообщества.

Тогда же приехала и графиня Марфа Апраксина (1913—1968), дочь графа Петра Николаевича Апраксина. Позже она окончит медицинский факультет Национального университета Ирландии, магистратуру в UCD и будет работать врачом.

Также с Курисами жил князь Павел Павлович Ливен (1875—1963), его младший сын Александр Ливен (1919—1988) учился в Тринити-колледже в Дублине, будучи единственным русским в этом университете в конце 1930-х гг. [11, с. 40]. После Второй мировой войны, когда в мире повысился интерес к изучению русского языка, Николай Иванович с женой Ксенией Николаевной Бибиковой (1894—1966) откроют в своем доме школу рус-

¹ Кубок Ага-Хана (The Aga Khan Nation's Cup) — приз, вручаемый на Кубке наций Ирландии по конкуру, который ежегодно с 1926 г. проводится во время Дублинской конной выставки. Учрежден Ага-Ханом III, 48-м имамом исмаилитов и страстным лошадиником, его внук Ага-Хан IV продолжил традицию.

Фото 5. Отец Николай Курис на пороге дома в Дублине, 1972.
Фотография Н. Мабина

*Photo 5. Father Nicholas Kuris on the threshold of the house
in Dublin, 1972. Photo by N. Mabin*

ского языка с проживанием для британских и ирландских военных, дипломатов и представителей академических кругов. После смерти жены Николай Иванович станет священником Русской православной церкви за рубежом, единственным постоянно проживающим в Ирландии и прослужит десять лет с 1967 по 1977 г. (фото 5). До сих пор его с большим уважением вспоминают русские, румынские и греческие эмигранты, также его помнят многие ирландцы.

Нельзя среди российских эмигрантов не упомянуть и двух сестер — Зинаиду и Ксению Башкировых —

представительниц высшей русской аристократии, внучек графа Павла Феликсовича Сумарокова-Эльстона и племянниц Феликса Юсупова. Зинаида Алексеевна Башкирова (1908—1996) попала в Ирландию в 1925 г. благодаря стараниям своей бывшей гувернантки, служившей нескольким поколениям семьи Сумароковых-Эльстонов. Племянница гувернантки согласилась принять Зинаиду у себя и платить за ее обучение. В 1929 г. Зинаида Башкирова вышла замуж за Джеймса Бёрка, ирландского политика и члена парламента, она принимала активное участие в культурной жизни, у Бёрков был большой круг общения среди художников, писателей, поэтов, издателей, они коллекционировали картины, преимущественно ирландских художников. Обретя некоторую финансовую свободу после замужества, Зинаида пригласила свою сестру Ксению (1915—1950) к себе, чтобы обеспечить ей достойное обучение. В 1937 г. Ксения вышла замуж за Гарольда Мэйо Кроссли, прожила она всего 34 года. Когда в 1940-х гг. карьера Бёрка сошла на нет, Зинаида с мужем переехали в Англию, где со временем она стала успешным художником-керамистом. Особой популярностью пользовались сделанные ею фигурки животных. В 1960 г. Зинаида опубликовала мемуары «Серп и урожай» [12] (*Nights are longest there* — «Там самые длинные ночи» — в американском издании [13]) о своих детских годах в России, о Февральской и Октябрьской революциях, о последовавших изменениях в стране (фото 6). Чем особенно интересна ее книга, так это подробным рассказом о том, как проходила национализация собственности в Нижегородской губернии, как поместье ее бабушки, княгини Марии Александровны Чегодаевой-Саконской, превращалось в совхоз, как на ее глазах разграблялось и уничтожалось богатое хозяйство, как они пережили несколько раз выселение, голод 1920-х гг. и последовавшие за ним эпидемии.

Если обратиться к данным переписи населения 1936 г., мы увидим, что на территории Ирландского свободного государства проживало 483 уроженца СССР (России), 172 — Литвы, 88 — Латвии, 25 — Эстонии и 183 — Польши [14, р. 143]. Невозможно определить, на каких именно территориях они родились, но стоит иметь в виду, что часть из них были в свое время подданными Российской империи. Мужчин и женщин среди эмигрантов было примерно поровну, хотя мужчин несколько больше. Подавляющее большинство проживало в Дублине и его окрестностях.

а

б

Фото 6. Мемуары Зинаиды Башкировой: а — изданные в Лондоне (1960);

б — изданные в Нью-Йорке (1961)

Photo 6. Photo 6. Memoirs of Zinaida Bashkirova: a — published in London (1960);

b — published in New York (1961)

Конечно, количество приехавших в Ирландию в послереволюционные годы несравнимо с количеством приехавших в Турцию, Грецию, Францию, Германию, Великобританию, Сербию, Бельгию и другие страны русского исхода, для многих эмигрантов Ирландия была временным прибежищем или местом работы, но именно представители этой волны оставили в Ирландии значимый след.

Следующая волна эмиграции приходится на 1939—1941 гг., т. е. на предвоенный период и начало Второй мировой войны. В данный период в Ирландию попадают моряки из Балтийских стран, которые оказались в море во время присоединения Прибалтики к СССР и не захотели возвращаться. Также прибывают беженцы из Европы в основном с намерением переждать войну. Вынужденно остаются в Ирландии не прошедшие проверку пассажиры, следующие на кораблях в Америку и остановившиеся в Ирландии в ожидании виз. К сожалению, у нас нет данных о количестве таких эмигрантов.

В качестве примера приведем две истории российских эмигрантов, прибывших из Франции в Ирландию спасаясь от войны. Алексей Алексеевич Есаулов (1898—1963) — капитан императорской гвардии во Франции, участник движения русских бойскаутов, художник, фотограф, скульптор. Много путешествовал по Европе и Востоку, рисовал посмертный портрет короля Александра для королевы Югославии, портрет папы Пия XI и др. В мае 1940 г. бежал из Франции, работал матросом и стюардом на различных кораблях, пока в феврале 1941 г. не попал в Ирландию. Делал модели самолетов, рисовал картины и портреты, участвовал в выставках, был избран членом Royal Hibernian Academy. Но работы его не ценились, последние годы работал в фотомастерской. Также в 1941 г. в Ирландию прибыл корабельный инженер Палладий Максимович Воронич (1878—1953) с намерением переждать войну и вернуться во Францию, где у него остались жена и дети. Сначала работал по специальности, потом пытался управлять закусочной, но дело не пошло, зарабатывал починкой обуви у себя в комнате, давал уроки русского языка и даже подрабатывал уборщиком. Вернуться во Францию, как планировали, никому из них не удалось.

Всего, по данным переписи населения 1946 г., в стране находилось 653 выходца из СССР [15, р. 74]. Так же как и ранее, мужчин и женщин было примерно поровну с некоторым преобладанием мужчин.

После окончания Второй мировой войны можно отметить следующую волну эмиграции, представленную перемещенными лицами, называемыми ди-пи (от англ. DP — displaced persons), и беженцами из Китая. Организацией переезда перемещенных лиц на работу в Ирландию занимался Ирландский Красный Крест. Процедуры получения разрешения на работу и визы были довольно затянуты, и опять же Ирландия была совсем непопулярна у беженцев. Создается впечатление, что в Ирландию приезжали либо те, кто получил отказ в переезде других, более привлекательных стран, либо те, кому было совершенно все равно, куда ехать. Известны случаи, когда «ди-пи» скрывали свое происхождение, назывались фальшивыми именами и выдавали себя, например, за поляков. К сожалению, переписи населения последующих лет не дают нам никакой информации о выходцах из Российской империи и СССР, их количество становится незначительным по сравнению с другими группами мигрантов и они попадают в категорию «и другие».

Для размещения беженцев создавались специальные дома. Так, в 1951 г. по инициативе и на средства Объединенного совета христианских церквей Ирландии в Дублине был основан дом для европейских беженцев

The Haven (англ. «убежище»). От подобных домов в Европе его отличало то, что он был приспособлен для проживания семейных пар. Домом занимался комитет, объединяющий протестантские церкви Ирландии, он всегда существовал за счет добровольных пожертвований. Принимал он пожилых людей, в том числе имеющих проблемы со здоровьем, и служил, скорее, домом престарелых: постояльцев приглашали туда провести последние годы жизни в комфорте и с достоинством. Первыми постояльцами в доме стали пожилые белоэмигранты, выходцы из Латвии, Литвы, Эстонии, Венгрии, из лагерей для беженцев в континентальной Европе. Затем на освободившиеся места стали приезжать пожилые европейские беженцы из Китая. Также в дом попадали эмигранты, приехавшие в Ирландию на работу, но из-за возраста и появившихся проблем со здоровьем не способные более обеспечивать себя. В итоге 31 русский эмигрант мог назвать *The Haven* своим ирландским домом [16, с. 421—448]. В 1985 г. дом прекратил свое существование (фото 7).

а

б

Фото 7. Захоронения русских эмигрантов — жителей дома для беженцев *The Haven* на кладбище Маунт Джером, Дублин:

а — индивидуальные; б — коллективное

Photo 7. Burials of Russian emigrants — residents of *The Haven* refugee home in Mount Jerome Cemetery, Dublin: a — individual; b — collective

Второй дом для беженцев — «Сент Эндрюс» — открыл свои двери для жильцов в ноябре 1957 г. [17, с. 414—438] Чтобы организовать этот дом, в Ирландию специально приезжал в 1953 г. замдиректора Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев М. Генри Тремо. Он убедил ирландское правительство поучаствовать в программе по размещению «трудных случаев», на покупку и оборудование дома Управление выделило 20 тыс. долларов. Ирландское правительство согласилось принять 40 пожилых европейских беженцев, имеющих проблемы со здоровьем, все еще находящихся в Китае. Ирландское правительство настояло на том, что количество беженцев в доме не будет превышать 20, и новые беженцы будут прибывать только в случае освобождения мест (в связи со смертью или отъездом из страны кого-либо из жильцов), не более 40 в целом [18]. На содержание дома и его жильцов, если потребуется, правительство обещало выделять ежегодно грант не более 5 тыс. фунтов. С самого начала собственником дома был Ирландский Красный Крест, который им полностью управлял. В «Сент Эндрюс» в разные годы вплоть до его продажи в 1984 г. проживало 26 русских эмигрантов.

Самое громкое имя среди жителей этого дома носил граф Владимир Владимирович Татищев, князь Соломерский (1901—1970). Он покинул Россию в январе 1919 г. как второй секретарь дипломатической миссии Крымского правительства, его жизнь была насыщена переездами и сменами сфер деятельности, с 1935 г. обосновался в Шанхае. Трижды был женат. В сентябре 1956 г. в Китае приговорен к четырем годам тюрьмы за контрреволюционную деятельность, а в 1961 г. по такому же обвинению — к пяти годам, освобожден в 1964 г. [19] Более четырех лет Совет церковей и Управление по делам беженцев пытались найти страну, которая приняла бы графа. Отказы следовали один за другим. Наконец Республика Ирландия согласилась принять у себя Татищева.

Ирландцам запомнилась такая обительница дома «Сент Эндрюс», как Екатерина Александровна Кардашевская (ур. Михайлова, 1891—1979). Отступив вместе с частями белой армии в Китай, они с мужем и ее матерью обосновались в русском Шанхае. После смерти мужа Екатерина Александровна давала частные уроки музыки, русского и французского языков, преподавала русский язык в коммерческом колледже, затем в государственном институте [20]. В Ирландии она продолжила подрабатывать уроками русского языка. На учеников она смогла произвести впечатление своей красотой, элегантностью и редким сочетанием бодрости и достоинства, несмотря на возраст и одолевавшие ее болезни.

Нам известно только об одном деле, выполненном Ирландским советом по еврейским беженцам по программе помощи беженцам из Северного Китая. Хаю Шапиро (ур. Гордон, 1880—1960) привезли из Гон-Конга в Ирландию в 1957 г. и разместили в Еврейском доме престарелых в Дублине, где она прожила чуть менее трех лет.

Продолжают приезжать в Ирландию и другие русские эмигранты. Так, мало известен факт о том, что в Ирландии провел последние годы жизни признанный искусствовед и историк искусств Павел Павлович Муратов (1881—1950). Жил он в имении своего друга Билла Аллена «Вайтчёрч Хауз» в графстве Вотерфорд. И тут сложился такой интересный парадокс. В России и Италии его помнят как прославленного сына Серебряного века, автора «Образов Италии», специалиста по итальянскому искусству и искусству допетровской Руси и почти не знают о его трудах по военной истории, тогда как в Великобритании и Ирландии его скорее вспомнят в связи с его совместными с Биллом Алленом трудами о битвах за Кавказ [21] и советско-немецких сражениях Второй мировой войны [22 ; 23].

Елизавета Константиновна Случевская (1885—1965), дочь великого поэта Константина Константиновича Случевского, и вдова ее двоюродного брата Мария Ильинична Разумихина (1879—1969) оказались в Ирландии после Второй мировой войны, думая, что Изумрудный остров станет транзитным пунктом. Они «надеялись попасть в Америку, куда были приняты послушницами в монастырь... <...> ...Доедем до Ирландии... Оттуда моя сестра (Александра Коростовец — А. Б.) сейчас же „выхлопочет” нас в Англию. В Англии русских много, „авось” как-нибудь устроимся» [24, с. 265]. Но ни то ни другое не случилось. Жили они в Дублине, получали помощь от Ирландского Красного Креста. Елизавета Константиновна подрабатывала уроками русского языка, потом их принял протестантский дом престарелых «Брабазон Хауз».

Опытом Николая Куриса по проживанию в ирландской глубинке и созданию школы русского языка вдохновился его старый друг по Александровскому лицу Михаил Павлович Голенищев-Кутузов-Толстой (1896—1980). Он и его жена Мириам, бельгийская графиня, искали на Изумрудном острове покоя и тишины, желая быть подальше от разворачивающейся в Европе холодной войны. Сначала они жили в той же деревне Коллон рядом с Курисами, жили за счет сада, продавая на рынке по субботам овощи, грибы, цветы, помидоры, сваренные ими джемы, чатни. Мириам, одна из первых в Ирландии, стала делать йогурты по бельгийскому рецепту, в то время это был новый продукт. Свободные комнаты использовали для размещения студентов, изучающих русский язык. После получения Мириам наследства они переезжают на юго-восток Ирландии, в деревню Делгани, графство Веклоу, где создают школу языков «Истон Хауз». Их школа работает как гостевой дом, и за отдельную плату предлагаются уроки языков — английского, русского, немецкого и французского. Михаил Павлович оставил мемуары «История моей жизни» [25], также ирландцы помнят его выступления на радио в еженедельной программе для женщин *Between Ourselves* (англ. «между нами»), которые были посвящены русской истории и культуре.

Барон Алексей Петрович Врангель (1922—2005), младший сын барона Петра Николаевича Врангеля, был женат вторым браком на ирландке Диане Сильвии Конолли-Кэрю, известной спортсменке, участнице Олимпийских игр 1968 г. в конном спорте. Проживали они в Таре, графство Мит. Служил в военно-воздушных силах США и на дипломатической службе, любил лошадей и понимал в них, написал несколько книг.

В Донеголе провел последние годы своей жизни Сергей (Серж) Сергеевич Самарин (1924—1995), внук гродненского и тульского губернатора Михаила Михайловича Осоргина. Работал переводчиком ООН, руководил переводческой службой в Международном агентстве по атомной энергии. Женился на ирландке Мэри О'Лири. Писал стихи и романы, причем на французском и русском языках.

Конечно, мы не можем в рамках данной статьи упомянуть всех выходцев из Российской империи и СССР, которые проживали на территории Ирландии. Мы назвали только тех, чьи имена отзываются в русском сердце, и тех, кто оставил существенный след в истории принявшей их страны. Некоторых упомянули в качестве примера эмигрантских историй. Наряду с успешными историями, когда эмигранты сумели найти достойное место в ирландском обществе, были и трагичные, когда люди не смогли устроиться так, как им хотелось. Мы можем утверждать, и не без гордости, что русская эмиграция внесла свой вклад в развитие Ирландии, без нее страна была бы немного другой.

Есть русские эмигранты на острове и сейчас, согласно результатам последней переписи населения в Республике Ирландии, прошедшей 3 апреля

2022 г., в стране находится 2 939 граждан Российской Федерации [26]. При этом количество человек, постоянно проживающих в Ирландии и использующих русский язык как язык домашнего общения, составляет 10,57 тыс. человек [26]. Современная Ирландия уже не пытается закрыться от иностранцев, наоборот, «земля тысяч приветствий»¹ с 1990-х гг. стала привлекательна для трудовых мигрантов, правительство приняло меры по управлению иммиграцией, была разработана политика помощи просителям убежища и беженцам, ускорен процесс получения ирландского гражданства.

Список источников

1. Census of Ireland, 1881. Part II. General report, with illustrative maps and diagrams, tables, and appendix. Dublin : Alexander Thom & Co., 1882. 428 p.
2. Census of Ireland, 1891. Part II. General report, with illustrative maps and diagrams, tables, and appendix. Dublin : Alexander Thom & Co., Ltd., 1892. 588 p.
3. Census of Ireland, 1901. Part II. General report, with illustrative maps and diagrams, tables, and appendix. Dublin : Browne & Nolan, Limited, 1902. 640 p.
4. Census of Ireland, 1911. General report, with tables and appendix. Athlone : The Athlone printing works company, Limited, 1913. 606 p.
5. Dibble J. Michele Esposito. Dublin : Fields Day Publications, 2010. 220 p.
6. Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева. Ф. 14. Оп. 5. ОФ-3209/5.
7. Briscoe R., Hatch A. For the Life of Me. London : Longmans, 1959. 340 p.
8. Harry Kernoff // Irish Jewish Museum. URL: https://jewishmuseum.ie/jews-of-ireland/prominent_people/harry-kernoff/ (дата обращения: 28.01.2024).
9. Rodzianko P. Col. Tattered Banners. An Autobiography. London : Seeley Service & Co., Ltd., 1938. 288 p.
10. The Minister for Defence with Colonel Paul Rodzanko Agreement, 1929 // Military Archives of Ireland. DOD-2-26448.
11. Lieven D. Princess Lieven: A Family History // Русское наследие в современном мире. Русские в Великобритании и британцы в России : сб. науч. тр. IV междунар. науч.-практ. конф. (г. Лондон, 20 декабря 2018 г.). Лондон, 2018. С. 35—43.
12. Bashkiroff Z. The Sickie and the Harvest. London : Neville Spearman, 1960. 224 p.
13. Bashkiroff Z. Nights are longest there. New York : Holt, Rinehart & Winston, 1961. 280 p.
14. Ireland. Census of population, 1936. Vol. III. Dublin : The Stationary Office, 1939. 226 p.
15. Census of population of Ireland, 1946. Vol. III. Dublin : The Stationary Office, 1952. 132 p.
16. Быкова А. С. Русские могилы на кладбище Маунт Джером (Дублин, Ирландия) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2019. С. 421—448.
17. Быкова А. С. Русские жители ирландского дома для беженцев "Сент-Эндрюс" // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2021—2022. С. 414—438.
18. Letter from H. Trémeaud, Deputy Director, Office of the High Commissioner for Refugees, to Mr. Butler, Ministry for External Affairs, from 25 September 1953 // National Archives of Ireland NAI. 419/33/6 1.
19. International Tracing Service Archives. 3.2.3.2./81635551.
20. International Tracing Service Archives. 3.2.3.2./81586028.
21. Allen W. E. D., Muratoff P. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border (1828—1920). Cambridge : University Press, 1953. 690 p.
22. Allen W. E. D., Muratoff P. The Russian Campaigns of 1941—1943. Harmondsworth, Middlesex, England : Penguin Books, 1944. 192 p.
23. Allen W. E. D., Muratoff P. The Russian Campaigns of 1944—1945. Harmondsworth, Middlesex, England : Penguin Books, 1946. 332 p.
24. Иванченко И. Е. Родов связующая нить: хроника русских семей в документах, фотографиях, дневниках, воспоминаниях и в эпистолярном наследии. СПб. : Алетей, 2011. 640 с.
25. Голенищев-Кутузов-Толстой М. П. История моей жизни / пер. с англ. и ком. А. С. Быковой, М. Г. Талалая. М. : Старая Басманная, 2020. 184 с.

¹ «Земля тысяч приветствий» (англ. the land of a thousand welcomes) — поэтическое название Ирландии, подчеркивающее репутацию страны как дружелюбного и гостеприимного места для приезжих.

26. Census 2022. Profile 5 — Diversity, Migration, Ethnicity, Irish Travellers & Religion // An Phríomh Oifid stadrimh. URL: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-cpp5/census2022profile5-diversitymigrationethnicityirishtravellersreligion/citizenship/> (дата обращения: 27.01.2024).

References

1. Census of Ireland, 1881. Part II. General report, with illustrative maps and diagrams, tables, and appendix. Dublin, Alexander Thom & Co., 1882, 428 p.
2. Census of Ireland, 1891. Part II. General report, with illustrative maps and diagrams, tables, and appendix. Dublin, Alexander Thom & Co., Ltd., 1892, 588 p.
3. Census of Ireland, 1901. Part II. General report, with illustrative maps and diagrams, tables, and appendix. Dublin, Browne & Nolan, Limited, 1902, 640 p.
4. Census of Ireland, 1911. General report, with tables and appendix. Athlone, The Athlone printing works company, Limited, 1913. 606 p.
5. Dibble J. Michele Esposito. Dublin, Fields Day Publications, 2010, 220 p.
6. Orlovskiy ob"edinenny gosudarstvennyy literaturnyy muzey I.S. Turgeneva [Orel United State Literary Museum of I.S. Turgenev], coll. 14, coll. 5, OF-3209/5.
7. Briscoe R., Hatch A. For the Life of Me. London, Longmans, 1959, 340 p.
8. Harry Kernoff, *Irish Jewish Museum*. Available at: https://jewishmuseum.ie/jews-of-ireland/prominent_people/harry-kernoff/ (accessed: 28.01.2024).
9. Rodzianko P.Col. Tattered Banners. An Autobiography. London, Seeley Service & Co., Ltd., 1938, 288 p.
10. The Minister for Defence with Colonel Paul Rodzanko Agreement, 1929, *Military Archives of Ireland*, DOD-2-26448.
11. Lieven D. Princess Lieven: A Family History, *Russkoe nasledie v sovremennom mire. Russkie v Velikobritanii i britantsy v Rossii, sbornik nauchnykh trudov IV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (London, 20 dekabrya 2018 g.) [Proc. IV International Scientific and Practical Conference «Russian heritage in the modern world. Russians in Great Britain and the British in Russia» (London, December 20, 2018)]*. London, 2018, p. 35—43.
12. Bashkiroff Z. The Sickie and the Harvest. London, Neville Spearman, 1960, 224 p.
13. Bashkiroff Z. Nights are longest there. New York, Holt, Rinehart & Winston, 1961, 280 p.
14. Ireland. Census of population, 1936, vol. III. Dublin, The Stationary Office, 1939, 226 p.
15. Census of population of Ireland, 1946, vol. III. Dublin, The Stationary Office, 1952, 132 p.
16. Bykova A.S. Russkie mogily na kladbishche Maunt Dzherom (Dublin, Irlandiya) [Russian graves in Mount Jerome Cemetery (Dublin, Ireland)], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna [Yearbook of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad. Alexander Solzhenitsyn]*, 2019, p. 421—448.
17. Bykova A.S. Russkie zhiteli irlandskogo doma dlya bezhentshev «Sent-Endryus» [Russian residents of Ireland's "St. Andrews" refugee home], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna [Yearbook of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad. Alexander Solzhenitsyn]*, 2021—2022, p. 414—438.
18. Letter from H. Trémeaud, Deputy Director, Office of the High Commissioner for Refugees, to Mr. Butler, Ministry for External Affairs, from 25 September 1953, *National Archives of Ireland NAI*, 19/33/6 1.
19. International Tracing Service Archives, 3.2.3.2./81635551.
20. International Tracing Service Archives, 3.2.3.2./81586028.
21. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border (1828—1920). Cambridge, University Press, 1953, 690 p.
22. Allen W.E.D., Muratoff P. The Russian Campaigns of 1941—1943. Harmondsworth, Penguin Books, 1944, 192 p.
23. Allen W.E.D., Muratoff P. The Russian Campaigns of 1944—1945. Harmondsworth, Penguin Books, 1946, 332 p.
24. Ivanchenko I.E. Rodov svyazuyushchaya nit': khronika russkikh semey v dokumentakh, fotografiyakh, dnevnikakh, vospominaniyakh i v epistolyarnom nasledii [A Tie that Binds the Clans: A Chronicle of Russian Families in Documents, Photographs, Diaries, Memoirs, and Epistolary Legacy]. Saint Petersburg, Aleteyya, 2011, 640 p.
25. Golenishchev-Kutuzov-Tolstoy M.P. Istoriya moey zhizni [Story of my life]. M., Staraya Basmanaya, 2020, 184 p. (in russ.)
26. Census 2022. Profile 5 — Diversity, Migration, Ethnicity, Irish Travellers & Religion // An Phríomh Oifid stadrimh. Available at: <https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-cpp5/census2022profile5-diversitymigrationethnicityirishtravellersreligion/citizenship/> (accessed: 27.01.2024).

Информация об авторе

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Республика Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Information about the author

Anna S. Bykova — Candidate of Political Studies, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Republic of Ireland. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 07.02.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 07.02.2024.

Русские эмигранты за рубежом

Научная статья
УДК 94(497.1-25)-054.7(=161.1)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-24-33

Участие русских беженцев первой волны в создании балета «Охридская легенда» С. Христича

Александра Джорджевич

Белградский университет, Белград, Республика Сербия, alexys_cello@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается участие русских деятелей балета, работавших в белградском Национальном театре, в создании югославского балета «Охридская легенда» С. Христича. От идеи, зародившейся в 1924 г., до премьеры балета в четырех действиях, состоявшейся в 1947 г., русские участвовали на каждом этапе процесса его реализации. В культурологическом аспекте обсуждается взаимодействие русской и сербской культур в создании одного из пяти югославских балетов в период между двумя мировыми войнами.

Ключевые слова: русская эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев / Югославия, балет, «Охридская легенда», Стеван Христич, Национальный театр Белграда

Для цитирования: Джорджевич А. Участие русских беженцев первой волны в создании балета «Охридская легенда» С. Христича // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 24—33. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-24-33.

Russian emigrants abroad

Original article

Participation of Russian refugees of the first wave in the creation of the ballet «The Legend of Ohrid» by S. Hristich

Aleksandra Djordjevic

University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia, alexys_cello@yahoo.com

Abstract. The article deals with the participation of Russian ballet artists, who worked at the National Theater in Belgrade, in the creation of the Yugoslav ballet “Ohridska Legend” by S. Hristich. From the idea originating in 1924 to the premiere of the ballet in four acts in 1947, Russians participated in every stage of the process of its realization. From a cultural perspective, it discusses the interaction of Russian and Serbian cultures in the creation of one of the five Yugoslav ballets between the two world wars.

Keywords: Russian emigration, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia, ballet, «The Legend of Ohrid», Stevan Hristic, National Theater Belgrad

For citation: Djordjevic A. Participation of Russian refugees of the first wave in the creation of the ballet «The Legend of Ohrid» by S. Hristich. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):24—33. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-24-33.

Введение

Становление и развитие балета в Белграде начались в период между двумя мировыми войнами [1—7]. Русские балерины, танцовщики, балетмейстеры и сценографы, приехавшие в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) (после 1929 г. Королевство Югославия) в числе других 40 000 беженцев [8—10], сразу получали место в белградском Национальном театре. Балет, последний из основанных департаментов белградского Национального театра, практически создали русские балетные деятели, оказавшиеся за пределами своей родины после Октябрьской революции и Гражданской войны. Не существовавший до приезда первых русских беженцев балет за несколько театральных сезонов прошел большой путь от первого танцевального эпизода в опере «Евгений Онегин» П. И. Чайковского в мае 1920 г.¹ до постановок первых балетов мирового репертуара в хореографии русской прима-балерины Е. Поляковой² [4, с. 22—23 ; 5 ; 11, с. 235 ; 12, с. 231 ; 13—15 ; 16, с. 5—7] и танцовщика русско-польского происхождения А. Фортунато [4, с. 23 ; 11, с. 236—237 ; 16, с. 7—8 ; 17—21]). Русские сразу стали принимать участие во всех балетных спектаклях, в том числе и из национального югославского репертуара. Не только в белградском, но и в других театрах страны они становились руководителями, хореографами, прима-балеринами, первыми танцовщиками, сценографами. Цель этой работы — обсудить взаимодействие русской и сербской культур в процессе создания балета «Охридская легенда» («Охридска легенда») С. Христича, имея в виду степень присутствия русских деятелей балета в иерархии балетной труппы Национального театра Белграда в межвоенный период.

Первые шаги

Балет «Охридская легенда» является вторым из пяти национальных балетов югославских композиторов, созданных в период между двумя мировыми войнами. После загребской премьеры первого югославского балета «Лицитарско срце» («Пряничное сердце») К. Барановича в 1924 г. в белградском Национальном театре достаточно быстро укрепилась идея о необходимости обогащения музыкально-сценического репертуара национальными произведениями. Это было особенно привлекательно в балете, который до приезда русских артистов был совсем новым и недостаточно известным видом сценического искусства для белградских композиторов и театралов. Кроме того, автором первого национального балета, созданного в Королевстве СХС, был композитор хорватского происхождения Крешимир Баранович и его произведение «Лицитарско срце» опирается на фольклор хорватского народа, это мотивировало руководство белградского театра поспешить с подготовкой балета по мотивам сербской национальной истории.

От идеи до постановки финальной версии балета в четырех действиях прошло больше двадцати лет, и первые шаги в реализации этого проекта занимают особое место в истории сербской музыки. Современные сербские музыковеды изучают разные аспекты создания музыкальной части первого сербского балета и его подготовки к премьере в межвоенный период [4 ; 19—21]. Первый из них — история балета и хронология его создания. Противоречивые высказывания, информация, полученная из газет и воспоминаний самих участников, ставят вопрос, в каком точно году началась подготовка к премьерному показу спектакля. Так, о подготовке националь-

¹ Титул первой белградской балерины принадлежит Марии Яковлевне Бологовской (1900 — ?). В 1920 г. она исполнила балетные номера в операх «Евгений Онегин» П. И. Чайковского и «Миньон» А. Томаса. На смену ей пришли новые танцовщицы, оказавшиеся в эмиграции, но она постоянно работала в Народном театре в период между двумя мировыми войнами. О балетной карьере Бологовской писали в газете «Политика» 30 апреля 1940 г. [2]

² В 1923 г. Полякова поставила одноактные балеты «Сильфида», «Щелкунчик» и «Шехерезада».

ного балета с элементами фольклора Южной Сербии газеты писали еще в сентябре 1924 г., его премьеру в газетах композитор Христич назначил на театральный сезон 1926/27 г. [20, с. 121], а до официальной премьеры первого действия не дошло раньше апреля 1933 г.

Важно отметить, что белградский балет с первых шагов в 1920 г. поднялся на более высокий уровень с приездом танцевальной пары Александра Фортунато и Нины Васильевны Кирсановой [4, с. 23—24 ; 11, с. 233 ; 16 ; 22, с. 184—185 ; 23]. В сезоне 1923/24 г. они впервые танцевали на белградской сцене, а в 1924 г. подписали контракт и стали официальными членами балетной труппы белградского Национального театра. Кирсанову назначили прима-балериной, а Фортунато, кроме должности танцовщика, занял пост хореографа и художественного руководителя. В период деятельности этой пары Белград впервые увидел многоактные балеты «Коппелия» Л. Делиба (1924), «Лебединое озеро» П. И. Чайковского (1925), «Половецкий стан» А. П. Бородина (1925), «Жизель» А. Адана (1926) — все в хореографской постановке А. Фортунато. Новым сценическим видом очень заинтересовались и любители театра, и профессиональные музыкальные деятели. Идея о создании национального репертуара с элементами народной танцевальной культуры Южной Сербии появилась «сверху».

В создании первого сербского балета с композитором Стеваном Христичем сначала стал сотрудничать А. Фортунато. Руководство Национального театра приняло решение отправить А. Фортунато в командировку по стране с целью собрать фольклорный материал. В белградской театральной газете *Comoedia* от 15 сентября 1923 г. напечатали, что поездка Фортунато была плодотворной, он «привез один новый балет, сюжет которого взят из прошлого нашего (сербского. — А. Дж.) народа», а хореография опирается на стиль народных танцев [19]. Либретто балета, название которого в середине двадцатых годов прошлого века упоминается как «Гугутка» («Горлица»), принадлежит Фортунато. Особое внимание Фортунато уделял домашнему народному танцу — коло, который считал праисточником всех остальных сербских танцев. По его мнению, этот танец был наследием древнейших времен, в большей степени сохранившимся «в сердце сербства, то есть на Косово и в Македонии» [17]. В белградской печати того времени высказывалось опасение, что балет г. Фортунато будет далек от образцов южнославянской культуры, поскольку он в большей степени увлечен древней историей танца коло, чем хореографией народных танцев [17].

С самого начала над балетной сценографией постоянно работал русский эмигрант, художник-декоратор Национального театра Владимир Иванович Жедринский [11, с. 243 ; 12, с. 173—174 ; 19 ; 22 ; 24]. Ученик Леонида Михайловича Браиловского [11, с. 242 ; 25] и сербского художника Йована Биелича, он стал автором первых эскизов декораций и костюмов «нового национального балета», представленных в 1925 г. на Международной выставке декоративных искусств в Париже (*Exposition Internationale des arts décoratifs et industriels modernes*), в секции *Serbe — Croate — Slovène*. Вдохновение для своих эскизов Жедринский черпал в сербской народной культуре. На изображении сцены, показанном на парижской выставке, нарисованы два дома. Главный из них, расположенный слева, — свободная интерпретация аутентичного сербского архитектурного стиля моравской школы, популярного в сакральной архитектуре конца XIV — первой половины XV в., с добавлением орнаментики, характерной для сельских краев страны. Второй домик передает стиль строения, типичного для Македонии [19, с. 58], где на самом деле и происходит действие балета. Костюмы на эскизах тоже были в стиле македонских народных костюмов с небольшими элементами аутентичного русского костюма. Например, в женском наряде Жедринский нарисовал кокошник на голове танцовщицы, что совсем не совпадало с культурой, фольклором и традицией югославских народов.

Несмотря на то что либретто и сценография спектакля были обдуманы, до премьеры в двадцатых годах прошлого века не дошло. С 1926 г., когда Александр Фортунато покинул Белград, работа над национальным балетом временно прекратилась, а новый ее этап начался в 1933 г.

«Охридская легенда» в межвоенный период

5 апреля 1933 г. директор белградского Национального театра Стеван Христич большим концертом отметил двадцать пятую годовщину своей творческой карьеры. Среди трех музыкально-сценических произведений, показанных на этом концерте, зрители впервые могли увидеть первую часть балета «Охридская легенда». Оркестром дирижировал сам автор. Имя Фортунато как создателя либретто Стеван Христич подчеркивал в интервью, но оно не появилось в программе премьерного показа. Кроме Жедринского, с самого начала принимавшего участие в этом проекте, все остальные сотрудники были новыми. В постановке приняли участие русские деятели балета во главе с руководителем балетной труппы, режиссером, хореографом и прима-балериной Ниной Кирсановой. Ее помощником при осмыслении хореографии и партнером на сцене был Анатолий Михайлович Жуковский.

Балет «Охридская легенда» собрал вокруг себя значительное количество деятелей балета — русских эмигрантов первой волны. В первом ряду стоял автор либретто А. Фортунато, покинувший столицу Королевства СХС в середине 1926 г. Также в создании балета приняли участие прима-балерина Н. В. Кирсанова и премьер Народного театра в Белграде А. М. Жуковский, большой знаток балканского фольклора. Они были балетмейстерами и исполнителями ведущих партий Биляны и Марка. Декорации и костюмы представляют авторскую работу В. Жедринского. В балете также танцевали супруга Жуковского Яня Владимировна Васильева в роли Звезды Счастья (Звезда Среће), Олег Сергеевич Гребенщиков (Grebenščikov) в роли отца Биляны, Николай Семенов в роли отца жениха Биляны, Игорь Гребенщиков (Grebenščikov) в роли Волынщика.

В сезоне 1931/32 г. Кирсанова, только что вернувшаяся в Белград после нескольких сезонов, проведенных в заграничных балетных труппах, в том числе и в труппе Анны Павловой, была назначена руководителем балетной труппы. Она сразу приняла участие в обогащении национального музыкально-сценического репертуара Национального театра. Христич в прессе подчеркивал тот факт, что Кирсанова изучала фольклор и народные танцы «из аутентичного источника от местных жителей Южной Сербии» [26]. В интервью, которое композитор дал накануне белградской премьеры, он подчеркнул, что «сам сценарий, очень хорошо задуманный г. Фортунато и реализованный госпожой Кирсановой», позволил композитору изображать различные нюансы и контрасты в музыкальной ткани его произведения [27]. В интервью он подчеркивает органическую связь музыки и хореографии в балете «Охридская легенда». Кроме того, сохранилось свидетельство Кирсановой о том, что иногда творческий процесс шел в противоположном направлении, когда хореография и танцевальные движения имели влияние на музыкально-ритмическую фактуру [21, с. 92].

Несколько источников позволяют представить нам, как выглядела подготовка к созданию партитуры и хореографии финальной версии первой части балета. С народными танцами Южной Сербии Кирсанова сталкивалась напрямую и опосредованно. Считается, что Кирсанова познакомилась с народным творчеством благодаря Фортунато и Жуковскому [4, с. 101 ; 28]. Неизвестно, осталась ли в сохранности хотя бы малая часть оригинальных записей, сделанных Фортунато во время командировки по Южной Сербии. По воспоминаниям Кирсановой, южносербские народные танцы они с Жуковским смотрели в Белграде на Студенческой площади (Студенски трг), где по воскресеньям продавцы македонского происхождения исполняли

свои народные танцы. Группу из нескольких человек, с которыми танцевал и Жуковский, пригласили в Национальный театр, чтобы продемонстрировать танцевальные шаги. В процессе танца Кирсанова записывала па, Христич аккомпанировал на рояле [21, с. 91—93]. Кирсанова вспомнила, что иногда она сама просила у композитора определенные такт или музыку, необходимые ей [21, с. 92]. Отечественные музыковеды, зная подход Христича, не могут определить достоверность этого заявления, поскольку композитор в интервью с корреспондентом газеты «Политика» от 29 марта 1933 г. подчеркнул, что аутентичные шаги и движения народных танцев прошли определенную адаптацию к его музыке [20, с. 123]. Хореографический подход Кирсановой предполагал разницу между народными танцами и академическим балетом [21, с. 92]. В отличие от народных танцев, она поставила танец Биляны на пуантах, т. е. на кончиках пальцев, а групповые сцены коло танцовщицы исполняли в мягких балетных туфлях на полупальцах [16, с. 8], что отличалось от стиля танцев балканских народов. Это стало причиной появления в белградской печати критики хореографии известной белградской прима-балерины. Сербский композитор и музыкальный критик газеты *Време* («Время») К. Манойлович, считал, что в постановке хорошо были продуманы некоторые партии, среди которых особенно выразительна коло звезд (коло звезда), но появлялись и такие партии, которые «не гармонируют со середой, которую нужно описать». Критик считал, что использование виртуозных элементов классического танца довели до того, что спектакль удалился от отечественной культуры и стал недостаточно «нашим» [21, с. 91]. Другой музыковед, композитор и сотрудник белградской газеты «Политика» доктор Милое Милоевич позитивно оценил творчество Кирсановой в новом югославском балете. Он считал, что синтез южносербского фольклора с элементами классического танца привносит разнообразие в белградский балет [29 ; 30, с. 7].

Анатолий Жуковский на постановке «Охридской легенды» был неофициальным помощником Нины Кирсановой. Танцовщик с большим опытом участия не только в национальном балете, но и в балетах других славянских композиторов, он сыграл значительную роль на белградской сцене. В отличие от других руководителей балета и хореографов белградского Национального театра, Жуковский связал с Белградом учебу и карьеру. По рекомендации А. Фортунато он поступил в балетную школу Елены Дмитриевны Поляковой, где получил балетное образование. До постановки «Охридской легенды» С. Христича в 1933 г. Жуковский занимался классическим балетом и одновременно изучал танцы балканских народов, не только сербов, но и греков и болгар. Он был основателем фольклорной труппы, с которой выступил на конкурсе в Праге в 1938 г. [28] Ансамбль получил первую премию. В национальном репертуаре до постановки «Охридской легенды» Жуковский исполнил ведущую мужскую партию в балете «Лицитарско срце» К. Барановича. Для Жуковского фольклор был важным элементом обогащения мирового балетного репертуара. «Фольклор всегда был тем, (во) что мы верили. Югославский балет, как русский и славянский, мог направить на новый, оригинальный путь, поднять на завидную высоту». Он считал, что разнообразие народных танцев дает возможность освежить репертуар и позволяет каждой нации иметь «свой балет, своего рода, самобытный, неповторимый». Девиз Жуковского, что из «народного эпоса-фольклора можно зачать новую эру в балете» [28, с. 89], определил его дальнейший путь хореографа-постановщика не только в белградский период, но и в эмиграции в США [3 ; 12, с. 174—175 ; 28].

Спектакль «Охридская легенда» сняли с репертуара Национального театра через три сезона [6, с. 21]. Его новая жизнь начнется после Второй мировой войны с участием другого русского хореографа Маргариты Петровны Фроман.

Балет «Охридская легенда» в четырех действиях

Премьера балета «Охридская легенда» в четырех действиях состоялась 29 ноября 1947 г. в Национальном театре Белграда. На день раньше в том же зале балет показали и на торжественном концерте. Эта премьера была одним из значительных событий в югославской культуре того времени, поскольку это было первое национальное балетное произведение, показанное после Второй мировой войны. Считается, что композитор создавал это произведение по модели балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского и других великих русских балетов. Участие в этой постановке приняли деятели русского балета — хореограф Маргарита Петровна Фроман, сценограф Владимир Иванович Жедринский, танцовщики Тамара Константиновна Полонская (Румынка), Владимир Лебедев (Буклијаш, Баклажник), Татьяна Акинфеева (Акинфијева) (Звезда Даницы и Молодая гречанка). Артист белградской оперы Николай Семненко появился в роли турецкого султана [21, с. 21—22]. Имя Александра Фортунато, автора либретто довоенных редакций балета, больше не упоминалось. В балете первое и последнее действия со стилистически обработанными народными танцами и элементами македонского фольклора разворачиваются в Македонии. Первое действие заканчивается свадьбой главной героини Биляны и ее нелюбимого жениха, прерванной турецким нападением. Сюжет второго действия, сделанного в стиле классического балета, развивается на Охридском озере. Главный герой Марко, влюбленный в Биляну, должен найти способ спасти ее из рабства. На помощь ему приходят феи и русалки, от которых Марко получает волшебные предметы. Третье действие происходит в Стамбуле у турецкого султана. Оно продумано как дивертисмент в ориентальной атмосфере. Рабыни балканских стран исполняют свои стилизованные народные танцы. Режиссура и хореография Маргариты Фроман и сценография Владимира Жедринского, включавшие элементы национальной культуры, имели хороший прием у зрителей и музыкальных критиков. Критика звучала в отношении только второго действия. Авторы обвиняли в том, что в хореографии и сценографии было недостаточно элементов отечественной культуры, считая, что эта часть создана «в стереотипном стиле классического балета», сделана по универсальным хореографическим шаблонам [21, с. 25]. Сценография Жедринского эволюционировала, на последнем этапе приблизилась к реалистическому направлению сценического искусства [19, с. 58, 68—69]. Бранко Драгутинович один из неблагоприятных критиков постановки национального балета М. Фроман времен ее руководства белградским балетом [30, с. 7], ее работу над «Охридской легендой» оценил позитивно, хореографию сольных партий в третьем действии провозгласил «маленьким шедевром». О ее творчестве писал, что оно создано с «большой хореографической фантазией и неисчерпаемой изобретательностью» в стилизации народных танцев. Ловко справляясь с обработкой танца коло для балетного ансамбля, она адаптировала хореографию групповых танцев для показа на небольшой сцене белградского театра. В газете «Политика» от 4 декабря 1947 г. Драгутинович подчеркивал, что «она вела, завертывала и развертывала, переплетала и заносила, раскручивала и соединяла, группировала и выделяла колыхаемые и ритмической динамикой несомые танцевальные линии исполнителей» [21, с. 24]. Это был совсем иной творческий подход Маргариты Фроман в сравнении с ее первыми шагами в области стилизации народных югославских танцев. В 1927 г. после белградской премьеры балета «Лицитарско срце» Палавестра ставил в упрек Фроман то, что ее понятие отечественного танца коло включает прыжки в одном месте или в лучшем случае движение «то налево, то направо» [30, с. 7]. В течение двадцати лет с ее постановки первого югославского балета на белградской театральной сцене Фроман прошла путь от хореогра-

фа, «мало знающего народные танцы» [28, с. 89], до одного из самых значительных хореографов в истории югославского балета, обладающего большим опытом в постановках отечественных музыкально-сценических произведений. Известный сербский музыковед Н. Мосусова делает вывод, что постановка «Охридской легенды» М. Фроман в Белграде была самой популярной и именно ее композитор ценил больше всех [4, с. 103].

После Второй мировой войны многие югославские постановщики обращались к «Охридской легенде». Единственным русским хореографом-постановщиком, кроме Фроман, была Марина Михайловна Оленина (в замужестве Драгович) [14; 31, с. 225—227; 32] в Нови-Саде в 1951 г. [4, с. 98]. Оленина с 1923 по 1941 г. с перерывами служила в Национальном театре в Белграде, а в 1950 г. основала балет Сербского народного театра в Нови-Саде. В межвоенный период сама танцевала в нескольких спектаклях из национального репертуара. Вместе с А. Жуковским исполнила партию Девушки в балете «Имбрек з носом» К. Барановича в постановке М. Фроман, премьера которого состоялась в 1937 г. В 1938 г. она выступала в роли Бабушки дьявола в югославском балете «Ђаво на селу» («Дьявол в деревне») Ф. Лотке в хореографской постановке супружеской пары Млакар [30, с. 7—8]. О ее постановке «Охридской легенды» в Нови-Саде после Второй мировой войны осталось свидетельство в письме ее помощника Ж. Миленковича и нескольких статьях в местной газете [21, с. 37—39]. Большим успехом Олениной считается то, что она с недостаточно технически подготовленным ансамблем смогла поставить сложный спектакль. Танцовщики до поступления в ансамбль занимались фольклором, хореограф использовала их умение. Оленина поставила балет на основе оригинальных танцевальных па и движений, сделав определенную модификацию и стилистическую обработку. На пуантах танцевала только Анита Грахек партию Бисерки во втором действии. В письме Миленковича подчеркнуто, что Оленина строго придерживалась либретто. С премьеры в Сербском народном театре 20 апреля 1951 г. этот спектакль был показан 22 раза [21, с. 37—39].

Балет «Охридская легенда» С. Христича был создан во взаимодействии представителей русской и сербской культур. Подъем балета как музыкально-сценического вида был связан с приездом в Белград русских беженцев первой волны, среди которых были и профессиональные деятели балета. Христич черпал вдохновение в создании этого значительного сценического произведения из балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского и балетов других мировых классиков, поставленных на сцене Национального театра русскими хореографами. На создание национального репертуара повлияли элементы культуры сербского и македонского народов. В классическом балете появились стилизации народного кола и движения из народных танцев территории Южной Сербии. Мосусова правильно замечает: «То, что не удалось русским в России, то, что частично удалось Стравинскому с „Петрушкой“ вне России, удалось русским в Югославии — создать национальный балет хореографически, танцевально и сценически сначала для хорватской балетной музыки, а потом и для сербской» [4, с. 23]. Все участники создания «Охридской легенды» сыграли значительную роль не только в постановке этого произведения, но и в развитии национального балетного искусства на белградской сцене. Кроме того, русские хореографы, балерины и танцовщики были открыты для новых танцев, созданных на основе источников югославской народной культуры.

3 Заключение

На каждом этапе создания балета «Охридская легенда» сербского композитора Стевана Христича участвовали русские деятели балета, работавшие в Национальном театре Белграда. Идея создания национального балетного произведения по мотивам сербского и македонского фольклора была реа-

лизована в сотрудничестве композитора с автором либретто А. Фортунато и сценографом В. И. Жедринским. Несмотря на то что сценография была обдумана еще в 1925 г., когда спектакль частично показали на парижской Международной выставке декоративных искусств, до постановки балета дело не дошло до начала 1930-х гг. Одной из причин прекращения работы над балетом может быть тот факт, что Фортунато покинул Белград в 1926 г. и это привело к утрате значительной части уже подготовленных хореографических материалов. Из русских деятелей балета в следующей постановке балета с сербскими и македонскими народными мотивами приняли участие хореограф и прима-балерина Нина Кирсанова и ее ассистент Анатолий Жуковский. Над декорациями и костюмами снова работал В. И. Жедринский. Это этап увенчан премьерой первого действия на торжественном концерте, состоявшемся 5 апреля 1933 г. В межвоенный период русские деятели балета значительно повлияли на национальный балетный репертуар. После Второй мировой войны белградцы полностью увидели балет Стевана Христича в четырех действиях в ноябре 1947 г. Новым хореографом-постановщиком спектакля стала русская балерина Маргарита Петровна Фроман. Процесс создания «Охридской легенды», ставшей одним из значительных музыкально-сценических произведений в истории югославской музыки, был результатом взаимодействия представителей сербской и русской культур.

Список источников

1. Павлович М. Становление оперы и балета в белградском Народном театре // Русская эмиграция в Югославии. М. : Индрик, 1996. С. 293—313.
2. Бунушевац Р. Први балетски кораци у Београду // Политика. 1940. 27—30 апр. S. 19.
3. Ђорђевић А. Улога руских уметника у развоју и популаризацији националних балетау београдском народном позоришту у периоду између два светска рата // Владо С. Милошевић. Етномузиколог, композитор и педагог. Традиција као инспирација. Бања Лука : Академија уметности ун-та у Бањој Луци, 2017. S. 230—242.
4. Мосусова Н. Српски музички театар: историјски фрагменти. Београд : Музиколошки институт САНУ, 2013. 152 s.
5. Петричевић М. Руска балетска уметност у Београду: 1920—1944: допринос руске уметничке емиграције формирању и развоју Балета Народног позоришта у Београду. Београд : Граматик, 2020. 521 s.
6. Стевановић Ј. Један век балета (Првих педесет година). Београд : Музеј позоришне уметности Србије, 2023. 74 s.
7. Milin M. The Russian Musical Emigration in Yugoslavia after 1917 // Muzikologija. 2003. № 3. P. 65—80.
8. Димић Љ. Културна политика у Краљевини Југославији. 1918—1941. Београд : Стубови културе, 1997. 477 s.
9. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд : Стубови културе, 1996. 386 s.
10. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану. 1920—1940[. Београд : Чигоја штампа, 2006. 559 s.
11. Русские в Сербии : взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века, русская эмиграция в Сербии, россияне в Сербии — последние 60 лет и сегодня / А. Б. Арсеньев и др. Белград : Координац. совет рос. соотечественников в Сербии : Весна инфо, 2009. 356 с.
12. Русское культурное наследие в Сербии / отв. ред. М. Милинчич ; пер. К. Авагян. Белград : Центр Рус. географ. о-ва в Сербии, 2020. 334 с.
13. Милојевић М. Матине балетске школе г-ђе Јелене Пољакове // Политика. 1935. 15 май. S. 8.
14. Петричевић М. Зачеци балетске уметности и утемељење балета народног позоришта у Београду (1919/20—1922/23) // Marija Petricevic. URL: <http://marijapetricevic.com/citanje.php?m=1&t=zacetci> (дата обращения: 11.02.2024).
15. Шукуљевић-Марковић К. Нина Кирсанова. Примабалерина, кореограф и педагог. Београд : Музеј позоришне уметности Србије, 1999. 167 с.
16. Zdravković M. Klasično baletsko stvaralaštvo od 1923. do 1998. godine. Bliže i dalje od klasičnog akademizma // Orchestra. 1999/2000. № 16. P. 5—22.
17. Рад г. Фортуната на изградњи националног балета // Време. 1924. 2 окт. С. 7.

18. Копелија од Делиба (Први пут) // Време. 1924. 12 јуњ. S. 5.
19. Милановић О. Пут до сценографије и костимографије за Охридску легенду // Живот и дело Стевана Христића. Београд : Музиколошки институт САНУ, 1991. S. 55—72.
20. Павловић М. Композитор Охридске легенде — као личност и позоришни човек // Живот и дело Стевана Христића. Београд : Музиколошки институт САНУ, 1991. S. 119—152.
21. Радосевић А. О сценским извођењима Охридске легенде Стевана Христића. Београд : Музиколошки институт САНУ, 2017. 107 s.
22. Жедринский Владимир Иванович / сост. О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин // Искусство и архитектура русского зарубежья. 2011. 4 авг. URL: <https://artz.ru/articles/1804783676/index.html> (дата обращения: 14.02.2024).
23. Milanović O. Pozorišne karikature Vladimira Žedrinskog. Beograd : MPUS, 1974. 32 s.
24. Кадијевић А. Приказ монографије: Антоњина А. Шаханова: Леонид Михайлович Браиловский. Личность художника серебряного века // Наслеђе. 2019. Бр. XX. S. 229—231.
25. Христић С. Од 'Чучук-Стане' до 'Охридске Легенде' Композиторски рад г. Стевана К. Христића // Политика. 1933. 29 марта. S. 8.
26. Г. Христић нам говори о 'Охридској легенди' // Политика. 1933. 1 апр. S. 6.
27. Жуковски А. Мој живот // Театрон. 1995. Бр. 90. S. 79—96.
28. Музика о прослави Стевана К. Христића // Политика. 1933. 7 апр. S. 7.
29. Šukuljević-Marković K. Na početku beše 'Srce' // Orchestra. 1998. № 12. S. 6—9.
30. Шукуљевић-Марковић К. Јелена Дмитријевна Пољакова. Београд : Музеј позоришне уметности Србије, 1995. 35 s.
31. Косик В. И. Русская эмиграция в Сербии XX—XXI вв. М. : Пробел-2000, 2022. 284 с
32. Димитријевић Н. Балетски репертоар Марине Оленине на сцени Народног позоришта између два светска рата // Славистика. 2020. XXIV/1. S. 271—287.

References

1. Pavlovich M. Stanovljenje opere i baleta v belgradskom Narodnom teatre [Formation of opera and ballet in the Belgrade People's Theater], *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii [Russian Emigration in Yugoslavia]*. Moscow, Indrik, 1996, p. 293—313.
2. Bunushevats R. Prvi baletski koratsi u Beogradu [Ballet dancing in Beograd], *Politika [Politics]*, 1940, 27—30 apr, p. 19.
3. Ђорђевић А. Uloga ruskih umetnika u razvoju i popularizatsiji natsionalnih bale-tau beogradskom narodnom pozorishtu u periodu izmeђu dva svetska rata [The role of Russian ballet dancers in the development and popularization of national ballet in the Belgrade folk disgrace during the period of change of two secular rites], *Vlado S. Milosheviћ. Etnomuzikolog, kompozitor i pedagog. Traditsija kao inspiratsija [Ethnomusicologist, composer and teacher. Tradition and inspiration]*. Вања Лука, Akademija umjetnosti instituta u Вањој Lutsi, 2017, p. 230—242.
4. Mosusova N. Srpski muzichki teatar: istorijski fragmenti [Lists of theater music: historical fragments]. Beograd, Muzikoloshki institut SANU, 2013, 152 p.
5. Petricheviћ M. Ruska baletska umetnost u Beogradu: 1920—1944: doprinos ruske umetnichke emigratsije formiraњу i razvoju Baleta Narodnog pozorishta u Beogradu [Russian ballet talent in Beograd: 1920—1944: the contribution of Russian skill to the formation and development of the Ballet of the People's Pride in Beograd]. Beograd, Gramatik, 2020, 521 ps.
6. Stevanoviћ J. Jedan vek baleta (Prvih pedeset godina) [Jedan the Age of Ballet (One hour)]. Beograd, Muzej pozorishne umetnosti Srbije, 2023, 74 s.
7. Milin M. The Russian Musical Emigration in Yugoslavia after 1917 The Russian Musical Emigration in Yugoslavia after 1917, *Muzikologija [Musicology]*, 2003, no. 3, p. 65—80.
8. Dimih ЈБ. Kulturna politika u Краљевини Jugoslaviji. 1918—1941 [Cultural Policy in Krajevina Jugoslavia. 1918—1941]. Beograd, Stubovi kulture, 1997, 477 p.
9. Jovanoviћ M. Doseљavaње ruskih izbeglitsa u Краљевину SKhS 1919—1924 [Russians avoided the Krajewina SSR until 1919—1924]. Beograd, Stubovi kulture, 1996, 386 p.
10. Jovanoviћ M. Ruska emigratsija na Balkanu. 1920—1940 [Russian emigration to the Balkans. 1920—1940]. Beograd, Chigoja shtampa, 2006, 559 p.
11. Arsen'ev A.B. i dr. Russkie v Serbii : vzaimootnosheniya Rossii i Serbii s kontsa XII do nachala XX veka, russkaya emigratsiya v Serbii, rossiyane v Serbii — poslednie 60 let i segodnya [Russians in Serbia : Russian-Serbian relations from the end of XII to the beginning of XX century, Russian emigration in Serbia, Russians in Serbia — last 60 years and today], Belgrad, Koordinacionnyj sovet rossijskih sootchestvennikov v Serbii, Vesna info, 2009. 356 p.
12. Milinchich M. (ed.) Russkoe kul'turnoe nasledie v Serbii [Russian cultural heritage in Serbia]. Belgrad, Centr Russkogo geograficheskogo obshhestva v Serbii, 2020, 334 p.
13. Milojeviћ M. Matine baletske shkole g-ђе Jelene Рољакове [Matinee at the Ballet School of Mrs. Jelena Pojakove], *Politika [Politics]*, 1935, 15 may, p. 8.

14. Petriceviћ M. Zacheći baletske umetnosti i utemeljenje baleta narodnog pozorišta u Beogradu (1919/20—1922/23) [The Beginnings of Ballet Skill and the Consolation of the Ballet of the People's Disgrace in Beograd (1919/20—1922/23)], *Marija Petricević [Maria Petricević]*, Available at: <http://marijapetricevic.com/citanje.php?m=1&t=zacetci> (accessed: 11.02.2024)
15. Shukoljevich-Markovich K. Jelena Dmitrijevna Poljakova [Elena Dmitrijevna Pojakova]. Beograd, Muzej pozorišne umetnosti Srbije, 1995, 35 p.
16. Zdravković M. Klasično baletsko stvaralaštvo od 1923. do 1998. godine. Bliže i dalje od klasičnog akademizma [Classical ballet from 1923 to 1998. Closer and further from classical academism], *Orchestra [Orchestra]*, 1999/2000, no. 16, p. 5—22.
17. Rad g. Fortunata na izgradnji nacionalnoga baleta [The fortune of building the national ballet], *Vreme [Vreme]*, 1924. 2 okt., p. 7.
18. Koperlija od Deliba (Prvi put) [Coppelia of Delibes (First Time)], *Vreme [Vreme]*, 1924, 12. juna, p. 5.
19. Milanović O. Put do stenografije i kostimografije za Ohridsku legendu [Path to the scenography and costumography for the Ohrid Legend], *Zhivot i delo Stevana Khristića [Life and work of Stevan Christia]*. Beograd, Muzikološki institut SANU, 1991, p. 55—72.
20. Pavlović M. Kompozitor Ohridske legende — kao ličnost i pozorišni čovek [Composer Ohridske legende - a personality and a disgraceful person, *Zhivot i delo Stevana Khristića [Life and work of Stevan Christia]*. Beograd, Muzikološki institut SANU, 1991, p. 119—152.
21. Radoshević A. O stenskim izvođenjima Ohridske legende Stevana Khristića [On the legend of Stevan Christo in Sten's translation of the Ohridsk legend]. Beograd, Muzikološki institut SANU, 2017, 107 s.
22. Leykind O.L., Makhrov K.V., D.Ya. Severyukhin Zhebrinskiy Vladimir Ivanovich [Vladimir Ivanovich Zhebrinsky], *Iskusstvo i arhitektura ruskogo zarubezh'ya [Art and Architecture of the Russian Abroad]*. 2011. 4 avg. Available at: <https://artz.ru/articles/1804783676/index.html> (accessed: 14.02.2024).
23. Shukoljevich-Markovich K. Nina Kirsanova. Primabalerina, koreograf i pedagog [Nina Kirsanova. Primabalerina, choreographer and teacher]. Beograd, Muzej pozorišne umetnosti Srbije, 1999, 167 p.
24. Milanović O. Pozorišne karikature Vladimira Žebrinskog [Attention cartoons by Vladimir Zhebrinsky]. Beograd, MPUS, 1974, 32 p.
25. Kadijević A. Prikaz monografije: Antoņina A. Shakhanova: Leonid Mikhaylovich Brailovskiy. Ličnost' khudozhnika serebryanogo veka [Prikaz monografije: Antoņina A. Shakhanova: Leonid Mikhailovich Brailovsky. The Personality of the Silver Age Artist], *Nasleđe [Success]*, 2019, no. XX, p. 229—231.
26. Khristić S. Od 'Chuchuk-Stane' do 'Ohridske Legende' Kompozitorski rad g. Stevana K. Khristića [Chuchuk-Stane' to 'Ohridske Legende' Composers' Rad. Stevan K. Christia], *Politika [Politics]*, 1933, 29. marta, p. 8.
27. G. Khristić nam govori o 'Ohridskoj legendi' G. Christians tell us about the 'Ohrid Legend', *Politika [Politics]*, 1933, 1. apr., p. 6.
28. Zhukovski A. Moj život [My life], *Teatron [Theatron]*, 1995, no. 90, p. 79—96.
29. M.M. Muzika o proslavi Stevana K. Khristića [M.M. Music for the Glorification of Stevan K. Christianity], *Politika [Politics]*, 1933, 7. apr., p. 7.
30. Šukoljević-Marković K. Na početku beše 'Srce' [In the beginning was the Heart], *Orchestra [Orchestra]*, 1998, no. 12, p. 6—9.
31. Kosik V.I. Russkaya emigratsiya v Srbii XX—XXI vv. [Russian emigration in Serbia in the XX—XXI centuries]. Moscow, Probel-2000, 2022, 284 p.
32. Dimitrijević N. Baletski repertoar Marine Olehine na steni Narodnog pozorišta između dva svetska rata [Ballet repertoire Marine Olehine on the stages of Narodno pozorišta (National Theatre) from two secular stages], *Slavistika [Slavic Studies]*, 2020, XXIV/1, p. 271—287.

Информация об авторе

Джорджевич Александра — докторант, Белградский университет, факультет политических наук, Белград, Республика Сербия. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Information about the author

Aleksandra Djordjević — doctoral student, University of Belgrade, Faculty of Political Sciences, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 05.02.2024.

Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 34—42.
Siberia Humanitarian. 2024;(1):34—42.

Русские эмигранты за рубежом

Научная статья
УДК 94(497.1-25)-054.7(=161.1)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-34-42

Частица русского мира: Русская публичная библиотека в Русском доме в Белграде

Милана Живанович

Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия, milana.zivanovic@yahoo.com

Аннотация. В статье на основе материалов из российских и сербских архивов, воспоминаний представителей русского зарубежья в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия, а также литературы представлена история создания и деятельности Русской публичной библиотеки в Русском доме в Белграде, второй русской зарубежной библиотеки по количеству книг после Тургеневской в Париже.

Ключевые слова: русский мир, русская эмиграция, Русская публичная библиотека, Русский дом, Королевство сербов, хорватов и словенцев / Королевство Югославия, социалистическая Югославия, Белград

Для цитирования: Живанович М. Частица русского мира: Русская публичная библиотека в Русском доме в Белграде // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 34—42. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-34-42.

Russian emigrants abroad

Original article

Piece of the Russian World: Russian Public Library in the Russian House in Belgrade

Milana Zivanovic

Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia, milana.zivanovic@yahoo.com

Abstract. In the article on the basis of materials from Russian and Serbian archives, memoirs of representatives of the Russian abroad in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia, as well as literature, the history of the creation and activities of the Russian Public Library in the Russian House in Belgrade, the second Russian foreign library in terms of the number of books after the Turgenev Library in Paris, is presented.

Keywords: Russian world, Russian emigration, Russian Public Library, Russian House, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Kingdom of Yugoslavia, socialist Yugoslavia, Belgrade

For citation: Zivanovic M. Piece of the Russian World: Russian Public Library in the Russian House in Belgrade. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):34—42. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-34-42.

В результате революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны в период с 1919 по 1923 г. пятью волнами 41-44 тыс. русских беженцев приехали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. — Королевство Югославия) [1, с. 186 ; 2—4].

Из них около 10 тыс. в 1920-х гг. осели в столице страны Белграде [1, с. 218], где жили 111 тыс. человек [5, с. 21], т. е. на тот момент каждый десятый житель столицы был русский. Этот факт иллюстрируют воспоминания агронома-селекционера Института агрономических исследований в г. Нови Саде С. А. Кисловского: «Одним словом, в период 1921—1925 гг. — пока я учился — Белград был почти русский город. Живя в русском студенческом общежитии, слушая лекции, которые читали русские профессора, обедая в русских ресторанах, пользуясь русской библиотекой, наслаждаясь оперой на русском языке, ужиная в ресторанах под звуки балалаек и русских песен, невольно забывал, что нахожусь вдали от родины» [6, с. 139].

Находясь вдали от родной земли, русские сохранили свои традиции, обычаи, в том числе культуру чтения: в новой среде стали открывать публичные, общественные библиотеки, читальни [2]. Библиотеки создавали русские колонии [3, с. 85], различные эмигрантские общества, организации, учреждения в Королевстве СХС [7, с. 167]. Так, уже в начале 1920-х гг., несмотря на то, что беженцы приезжали в страну с 1919 по 1923 г. [1, с. 135], только в столице Королевства работали несколько русских библиотек. По данным, опубликованным в адресной книге города Белграда на 1922 г., из шести библиотек, которые работали в столице, три, т. е. 50 %, были русскими [8, с. 135]. В 1924 г. это соотношение было 2 : 5 — 40 % [9, с. 308]. К тому же, они были еще и богатыми: в 1920-е гг. общий книжный фонд десятка русских библиотек, находившихся лишь в Белграде, составлял более 200 тыс. экземпляров. Для сравнения в тот же период фонд Национальной библиотеки в столице Югославии содержал 212 тыс. экземпляров [10, с. 37].

Особо ценной библиотекой была Русская публичная библиотека [3, с. 85]. Она начала свою историю в 1920 г. в Белграде [3, с. 33] и стала «крупнейшим русским национальным книгохранилищем» [11, с. 83], второй русской зарубежной библиотекой по количеству книг после Тургеневской в Париже [12]. Ее основателем стал Всероссийский союз городов [2, с. 370], в основу фонда библиотеки легли пожертвованные одной сербкой 100 русских книг [13]. Библиотека располагалась в помещениях Всероссийского союза городов в центре Белграда, была открыта для читателей с 14.00 до 18.00 по будням [8, с. 135]. Абонементное обслуживание было платным: в 1924 г. на абонемент выдавалось до 50 книг в месяц, данной услугой пользовались около 1,5 тыс. человек. Коллективный абонемент стоил пять динаров в месяц с книги при залоге 150—200 динаров. При этом библиотека даже предоставляла возможность отправки книг в провинцию, осуществляемой за счет абонента [12].

В тот период библиотеку ежедневно посещали от 150 до 300 человек, в том числе сербы [12]. В Белграде тогда не было публичных библиотек [14, с. 3]. Да и посещаемость крупнейшей Национальной библиотеки была низкой. Об этом свидетельствует отчет о результатах месячного пребывания в Югославии в 1929 г., представленный во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) начальником лесоустроительных работ 2-го района Уральской области Драгомиром Миловановичем: «Убийственную статистику дает одна газета о посещаемости Народной библиотеки в Белграде, упавшей на значительный процент по сравнению с прошлым годом. В городе с 300-тысячным населением, в столице и культурном центре молодого государства, оказывается, храм книги посетило за год всего около 3 600 человек и воспользовалось не более 47 тыс. книг. Как курьез сообщил мне один из профессоров университета, что кабинетской библиотекой за год пользовалось книгами всего два студента» [6, с. 391].

В 1922 г. библиотекарем служил Вячеслав Викторович Хомицкий, его помощником был Виктор Делов [8, с. 135]. В 1920-х гг. библиотекой руко-

водил Виктор Диодорович Брянский (1868—1944, Белград) [12], действительный статский советник, выпускник юридического факультета Московского университета, товарищ Московского городского головы, почетный мировой судья, участник Белого движения [15, с. 272]. В Белграде он стал председателем Русской издательской комиссии, а также представителем Всероссийского союза городов [16, с. 427]. Библиотекарем одно время являлся Александр Михайлович Николаев, который сначала работал частным чиновником, потом арендовал библиотеку у Союза писателей и журналистов в Белграде. Перед освобождением югославской столицы от фашистов в сентябре 1944 г. он эвакуировался в Германию [15, с. 278].

В 1922 г. книжный фонд библиотеки составлял 2,5 тыс. экземпляров [8, с. 135], но всего за шесть лет он увеличился многократно — до 20 тыс. [13, с. 53]. Однако учреждение сталкивалось с нехваткой средств — доход в размере свыше 7 тыс. динаров за пользование книгами по абонементу не удовлетворял потребности библиотеки [12]. Сложная финансовая ситуация вынудила Всероссийский союз городов обратиться за помощью в Русский культурный комитет [13, с. 53] (по другим сведениям — в Государственную комиссию по делам русских беженцев [12]) в 1928 г. Русский культурный комитет был создан в том же году как государственное культурное учреждение с задачей сохранения и распространения русской культуры, его членами стали министры страны, профессора университета [17]. На первом заседании члены комитета приняли решение о реорганизации библиотеки Всероссийского союза городов и учреждении Русской публичной библиотеки [18, с. 26].

Библиотека поменяла не только свое название, патрона, но и адрес — в мае 1928 г. она переехала в здание Сербской королевской академии. С тех пор библиотека и читальный зал с газетами и журналами были открыты с 10:00 до 19:00 по будням [19, с. 4]. Принятые меры, очевидно, возымели результаты: спустя полтора года после реорганизации библиотеки число читателей увеличилось до 900 человек [18, с. 27]. Факт высокой посещаемости библиотеки подтверждает в своих воспоминаниях лингвист Ирина (Ирина) Георгиевна Грицкат-Радулович, которая станет действительным членом Сербской академии наук и искусств: «В русской библиотеке бывали мы часто, потому что мои родители регулярно брали оттуда на дом книги» [6, с. 204]. Еще более красноречивыми являются слова В. Д. Брянского, который в 1932 г. отметил: «Публичной библиотекой пользуется почти все русское население Белграда. Если русский не состоит подписчиком в нашей библиотеке, то обычно существуют какие-либо личные причины этому: отдаленность места жительства, близкая связь с организацией, имеющей библиотеку и т. д.» [12].

1932 г. ознаменовал начало нового этапа в жизни библиотеки, она вновь и окончательно поменяет свой адрес. В соответствии с проектом строительства здания [17] по завершении строительства культурного центра русской эмиграции — Русского дома имени императора Николая II в Белграде [10, с. 40—41 ; 13, с. 46—52 ; 20, с. 123—128 ; 21, с. 185—186 ; 22, с. 211—220], учреждение переехало туда [10, с. 34 ; 23, с. 5].

В 1933 г. библиотека насчитывала 60 тыс. томов, став уже тогда, по словам В. Д. Брянского, «вторым русским книгохранилищем» после Тургеневской библиотеки в Париже [24, с. 16—17]. Книжный фонд увеличивался за счет закупок и приема других библиотек [12]. В учреждении было много ценных и редких, даже уникальных, дореволюционных изданий [13, с. 54]: библиотека располагала всеми изданиями Товарищества просвещения Брокгауза и Ефрона, великого князя Константина Николаевича, Шильдера, юбилейными изданиями Сытина и т. п., очень ценной была и детская библиотека (свыше 1,5 тыс. книг) [12].

В данный период учреждение имело около 1,5 тыс. подписчиков, что с членами их семей составляло около 5 тыс. человек. Ежедневно в среднем до 300 лиц посещали библиотеку, выдавалось до 600 книг [24, с. 17]. В 1932 г. услуги библиотеки оплачивались из расчета одна книга — 14 динар в месяц, две — 24 динара, три — 34 динара, а свыше — по 12 динаров за каждую. Обычный залог составлял 20 динаров, а за особо ценные и редкие книги мог быть поднят до их стоимости [12].

Число посетителей библиотеки продолжало увеличиваться с каждым годом. Как утверждал историк, личный секретарь Сербского патриарха Варнавы Владислав Альбинович Маевский, к началу Апрельской войны — вторжения Германии, Италии и Венгрии в Югославию в апреле 1941 г. — их число составило свыше двух тыс. человек, что, по его оценкам, с их семьями составляло семь-восемь тыс. человек: «Можно сказать, что почти весь русский Белград пользовался культурными услугами своей публичной библиотеки» [13, с. 53]. Действительно, согласно результатам переписи, которую провели в начале оккупации Сербии немцы, в Белграде в июне 1941 г. проживали около семи тыс. совершеннолетних подданных Российской империи без другого гражданства [11, с. 24]. Но подписчиками библиотеки являлись не только русские жители столицы, но и сербы, в том числе профессора и студенты. Два читальных зала были заполнены читателями. В одном из них посетители читали газеты и журналы, во втором — писатели, ученые и журналисты пользовались особо ценными книгами, которые не выдавались на дом [7, с. 169 ; 13, с. 52]. В марте 1941 г., по сведениям корреспондента ТАСС в Белграде, фонд библиотеки составлял 56 тыс. экземпляров, из которых $\frac{1}{5}$ составляли советские издания [25]. Интерес русских людей к советским изданиям подтверждает И. Г. Грицкат-Радулович в своих воспоминаниях: «Они (ее родители. — М. Ж.) немножко следили и за советской литературой» [6, с. 204].

В годы оккупации Сербии немцами (1941—1944) Русская публичная библиотека продолжила свою работу, являясь одним из немногих русских эмигрантских учреждений, так как немцы запретили все организации довоенного времени: работали еще русская начальная школа, мужская и женская гимназии в Белграде, несколько студенческих и церковных общежитий, два дома престарелых и Союз русских женщин [15, с. 22]. В данный период в библиотеке работали 15 сотрудников. Ежемесячный оборот в 1942 г. составлял 26 тыс. динаров, абонентская плата за книгу — 25 динаров. Из 2,5 тыс. постоянных читателей (около 40 % русских жителей Белграда, так как в тот же период в столице жили около 6 тыс. русских) ежедневно библиотеку посещали в среднем 600 человек [11, с. 83—84]. Директором являлся Вячеслав Викторович Хомицкий, после его отъезда из Белграда на должность управляющего был назначен полковник Илларион Викторович Федотьев, который перед приходом советских войск выехал в Австрию [13, с. 54]. По сведениям В. А. Маевского, в данный период Русская публичная библиотека ни от кого не получала субсидий и покрывала все расходы из собственных средств: «...не было денег, чтобы платить жалованье служащим, не было денег, чтобы возвращать залоговые подписчикам; библиотечная касса была совершенно пуста» [13, с. 54]. Однако учреждение не просто продолжало функционировать, но и увеличивало свой фонд за счет книг, поступающих из-за ликвидации эмигрантских организаций, а также отъезда из Сербии на заработки в Германию семей, оставлявших свои книги библиотеке. В 1942 г. ее книжный фонд превысил 100 тыс., к лету 1944 г. — 130 тыс. экземпляров [11, с. 83—84]. В годы Второй мировой войны библиотека считалась «крупнейшим русским национальным книгохранилищем».

Освобождение Белграда в октябре 1944 г., приход к власти в стране Коммунистической партии Югославии, которая стала опираться на Советский

Союз, ставший ее главным внешнеполитическим союзником, ознаменовали начало нового этапа в жизни библиотеки. После окончания оккупации (примерно в конце 1944 — начале 1945 г.) заведовал Русской публичной библиотекой педагог, бывший директор Первой русско-сербской гимназии в столице Югославии Иван Михайлович Малинин. По устному свидетельству вдовы его внука, Малинин спас часть библиотечного фонда, подвергнувшегося после освобождения Белграда расхищению и уничтожению [26, с. 212, 218]. По словам настоятеля русской церкви Св. Троицы в Белграде протоиерея Иоанна Сокала, все помещения Русского дома были «закрытыми без всякого надзора и заботы о них. Закрыты были они внезапно; вследствие этого поправки повреждений, полученных во время уличных боев, не были проводимы, и здания эти остались незащищенными против зимних непогод. Многократные обращения к сербским властям и различным общественным организациям остались пока безуспешными. Не застекленные окна не предохраняют их от холода, снега и дождей, подземные воды заливают подвальные помещения; водопроводные трубы лопнули с первыми морозами» [27, с. 203].

В данный период библиотека некоторое время выдавала книги [13, с. 54]. Однако в январе 1945 г. перед Национальным комитетом освобождения Югославии (первое временное революционное правительство страны) советской стороной был поставлен вопрос о передаче СССР дома бывшего русского императорского посольства в Белграде и двух зданий (вместе с их библиотеками), построенных на участке земли, «принадлежащем Советскому Союзу», — Русского дома и детского дома Российского общества Красного Креста (старой организации) [28, л. 75 ; 29, с. 359—360]. Последовал ремонт здания Русского дома, который длился до декабря 1945 г. [29, с. 360] По сведениям сотрудника библиотеки Д. А. Асеева, после того, как Русский дом был передан СССР, запретили выдачу книг из Русской публичной библиотеки, персонал разогнали: «Двери ее не запирались, у входа лишь стоял югославянский партизан с винтовкой, который не пропускал туда штатских» [13, с. 54]. Тем не менее в 1946 г. библиотеку вновь открыли для советских служащих и русских. Но представители русского зарубежья записываться в библиотеку не стали. «Из всех прежних богатств для чтения были выделены лишь несколько тысяч книг — исключительно советских изданий, преимущественно пропагандистского характера, и немного иностранных классиков в дореволюционных изданиях. Остальные книги лежали под замком», — писал Асеев [13, с. 55]. Протоиерей Иоанн Сокаль утверждал, что после того, как советские военные власти увезли определенное количество книг из библиотеки, она находилась «в состоянии большого беспорядка» [27, с. 203].

Библиотека была разобрана в 1947 г. [13, с. 55] В ноябре того же года МИД СССР информировал посольство в Югославии о том, что «для оказания помощи в разборе библиотечного фонда библиотеки Русского дома в Белграде направляется библиограф по политической литературе тов. Макарова» [30, л. 24]. В телеграмме указывалось и то, что Горлит согласился командировать двух человек с целью разбора остальной литературы, «но не решен вопрос, за счет какой организации могут быть командированы эти два человека» [30, л. 24]. Через неделю директор Дома советской культуры — бывшего Русского дома — Анатолий Калинин сообщил председателю правления ВОКС, что при помощи присланных Министерством иностранных дел работников в основном политическая литература фонда была разобрана, также упоминалось, что были необходимые работники для разбора остальной литературы [30 л. 25].

После того, как в Доме советской культуры (неофициально) открыли библиотеку, фонд которой включал малое количество книг, полученных от ВОКС, а также книги, отобранные из фонда библиотеки Русского дома,

в декабре 1947 г. Калинин сообщал, что из найденных «под большим слоем грязи» 60-70 тыс. книг он уже отправил в СССР один вагон книг, представлявших архивистскую и культурную ценность, и готовит отправку еще одного. По оценкам директора учреждения, из 8-10 тыс. произведений иностранной литературы половина имела особую ценность. Калинин утверждал, что 15-20 тыс. книг могли бы использоваться для библиотеки Дома советской культуры, при том что 50 томов сожгли [31, с. 36]. Таким образом, часть книг была увезена в Москву, часть оставлена в библиотеке, несколько сот были подарены Обществу дружбы Югославии (по другим сведениям — Обществу дружбы Сербии) с СССР [13, с. 56 ; 32, с. 50]. Большую часть книжного фонда продали на вес фирме «Отпад», которая собирала макулатуру для переработки [13, с. 55—56].

В 1948 г. была после принятой Резолюции Информбюро, в которой, как справедливо отметил Л. Я. Гибианский, «югославское руководство было фактически объявлено врагом СССР и стран „народной демократии“, Коминформа, общих основ политики компартий» [33, с. 37], начался советско-югославский конфликт, который продлится до 1953—1955 г. Д. А. Асеев утверждал, что у Дома советской культуры постоянно дежурили агенты югославской государственной безопасности в штатском и у входа арестовывали пользователей библиотеки. После допроса через день-два их отпускали, но делали строгое предупреждение: больше в библиотеку не ходить [13, с. 55]. Архивные материалы подтверждают, что югославские власти с апреля 1949 г. усилили давление на Дом [31, с. 216]. В ноябре того же года само здание блокировали. Все улицы, ведущие к Дому, круглые сутки находились под контролем органов государственной безопасности. Был предпринят ряд полицейских мер, чтобы воспрепятствовать нормальной работе этого учреждения. У каждого выходящего из Дома проверяли документы. 17 ноября югославские власти задержали 70 человек — советских (русских) эмигрантов и югославских граждан, когда они выходили из здания, и увезли их в полицию. Граждан Югославии после этого арестовали. Под угрозой арестов югославским гражданам было запрещено посещать Дом [29, с. 367 ; 34, л. 150, 170].

В тот же период власти ликвидировали и Общество дружбы с СССР. В связи с этим поступивший в него книжный фонд был передан библиотеке города Белграда (по другим сведениям, библиотеку целиком передали в Сербскую академию наук) [13, с. 56], где на долгие годы был помещен в запасники, а в 1960-х гг. был использован как макулатура [32, с. 50].

Историк Юрий Алексеевич Писарев утверждал, что о книгах никто не заботился, призывы писателей и ученых к охране и спасению книгохранилища игнорировались советскими инстанциями [35, с. 158]. Вопреки всему, часть фонда была сохранена. По просьбе историка Виктора Георгиевича Карасева советское посольство в Белграде предоставило ему и Владимиру Павловичу Гудкову доступ к книжным фондам библиотеки. На протяжении нескольких месяцев раз в неделю Карасев и Гудков спускались в пыльный подвал, чтобы разбирать и сортировать книги, журналы и газеты. Кроме гимнастических дореволюционных учебников и русской классической литературы, там было множество зарубежных русских изданий 1920—1930-х гг.; произведения художественной и научной литературы (например, сборники Русского научного института в Белграде), политические трактаты («Какой должна быть армия в освобожденной и обновленной России?»), комплекты эмигрантских журналов и газет. В 1962 г. Карасев и Гудков вывезли в Москву несколько десятков книг по истории и языкознанию [36, с. 258]. По сведениям Ю. А. Писарева, в 1975 г. библиотеку, когда от нее уже почти ничего не осталось, посетила представитель Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, заместитель заведующего Отделом комплектования Н. П. Горская, которая работала в исключительно

трудных условиях в подвале. Ей удалось спасти часть книг [35, с. 158—159]. Еще часть фонда, по сведениям крупнейшего специалиста по истории русской эмиграции в Югославии Алексея Борисовича Арсеньева, спас один из сотрудников Дома советской культуры: он вывозил в Москву сотни томов. Неоднократно выкрадывая ключ от книгохранилища, он отправлялся со свечой в подвал дома [26, с. 221].

Полувековая история Русской публичной библиотеки закончилась возвращением части книг на Родину.

Список источников

1. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд : Стубови културе, 1996. 386 с.
2. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920—1940). Београд : Чигоја Штамп, 2006. 559 с.
3. Тимофејев А. Ј. Руси и Други светски рат у Југославији: утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији (1941—1945). Београд, 2010. 453 с.
4. Арсеньев А. Б. Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад : Змај ; Футог : Уметничка радионица Завештање, 2011. 291 с.
5. Леко М. Београдске улице и тргови: 1872—2006. Београд : Завод на уџбенике и наставна средства (ЗУНС), 2003. 467 с.
6. Москва — Сербия, Белград — Россия : сборник документов и материалов. Т. 4. Руско-сербские отношения: 1917—1945 гг. = Москва — Србија, Београд — Русија : документа и материјали. Т. 4. Руско-српски односи. 1917—1945. М. ; Белград, 2017. 1008 с.
7. Живанович М. Чемодан русского беженца: горсть родной земли, книги, иконы // Столетие двух эмиграций. 1919—2019: сб. ст. Москва : Институт славяноведения РАН ; Белград : Информатика, 2019. С. 165—178.
8. Цео Београд : адресно-информациона књига за Београд, Земун и Топчидер. Београд, 1922. С. 135.
9. Цео Београд престоница : адресно-информациона књига за Београд, Земун и Панчево. Београд, 1924. С. 308.
10. Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920—1941: писци, кружоци и издања. Београд, 1990. 300 с.
11. Тимофеев А. Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941—1945. М. : Вече, 2010. 394 с.
12. Костина И. О. Библиотечное дело в зарубежной России 1920—1930-х гг.: специальность 07.00.02. «Отечественная история» : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 210 с.
13. Маевский В. А. Русские в Югославии: взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк : Изд. ист. кружка, 1966. 361 с.
14. Правда. 1933. 11 дек.
15. Гимназия в лицах: первая русско-сербская гимназия в Белграде: 1920—1944: в 2 кн. / авт.-сост. А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский. Белград ; М., 2018. Кн. 1. 638 с.
16. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997: в 6 т. М., 1999. Т. 1. А—В. 659 с.
17. Исторический архив города Белграда (ИАБ). Ф. ОГБ. ТД. 27—33—1931.
18. Косик В. И. Русская Югославия: фрагменты истории: 1919—1944 // Славяноведение. 1992. № 4. С. 20—32.
19. Русский военный вестник. 1928. 27 мая.
20. Ђурић О. Шездесет година Руског дома Императора Николаја II у Београду (1933—1993) // Руска емиграција у српској култури XX века : зборник радова. Књ. I. Београд : Универзитет у Београду, 1994. С. 123—128.
21. Ђурђевић М. Архитект Василиј (Вилхелм) Фјодорович Баумгартен // Годишњак града Београда. 2004. № 51. С. 183—190.
22. Просен М. 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе. 2008. IX. С. 211—220.
23. Правда. 1932. 5 окт.
24. Русский домъ имени Императора Николаиа II въ Бѣлградѣ ул. Королевы Наталіи: Открытіе 9 апрѣля 1933 года. Белград, 1933. 56 с.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 4459. Оп. 11. Д. 1228.
26. Арсеньев А. Б. Люди и книги: семья Малининых и их библиотека // Руска дијаспора и словенски свет : Зборник радова = Русское зарубежье и славянский мир : сб. тр. Белград : Славистическое общество Сербии, 2013. С. 206—223.
27. Косик В. И. Русский дом // Славянский альманах. 2003. № 8. С. 196—203.

28. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1373.
29. Живанович М. Молот в руках красных: судьба Русского дома после 1944 года // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2019. С. 355—372.
30. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 542.
31. Пејовић М. Односи Друштва за културну сарадњу Југославија—СССР и Свесавезног друштва за културне везе са иностранством 1945—1948 : магистарски рад. Београд, 2010. 262 с.
32. Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС/Југославији. Библиографија радова 1920—1944: покушај реконструкције. Београд, 2003. С. 50
33. Гибианский Л. Я. Предисловие // Југославија—СССР: сусрети и разговори на највишем нивоу руководилаца Југославије и СССР: 1946—1964. Т. 1. Београд : Архив Југославије, 2014. С. 37.
34. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1375.
35. Писарев Ю. А. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 152—161.
36. Гудков В. П. Четыре десятилетия общения и дружбы // Югославянская история в новое и новейшее время: материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения проф. В. Г. Карасева (1922—1991). М. : Изд-во Моск. гор. об-ния архивов, 2002. С. 258—259.

References

1. Jovanović M. Doseљavaње ruskikh izbeglitsa u Краљевину SKhS 1919—1924 [The Presentation of the Russian Beggars in the Kraj'evinu SHS 1919—1924]. Beograd, Stubovi kulture, 1996, 386 p.
2. Jovanović M. Ruska emigratsija na Balkanu (1920—1940) [Russian emigration in the Balkans (1920—1940)]. Beograd, Chigoja Shtampa, 2006, 559 p.
3. Timofeev A.J. Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: utitsaj SSSR-a i ruskikh emigranata na dogaђaje u Jugoslaviji (1941—1945) [Russians and Other Secular Rats in Yugoslavia: the Utica of the USSR and the Russian Emigrants to Yugoslavia (1941—1945)]. Beograd, 2010, 453 s.
4. Arsen'ev A.B. Samovari u ravni: ruska emigratsija u Vojvodini [Samovars near the equals: russian emigration in Vojvodina]. Novi Sad, Zmaj ; Futog : Umetnicka radionitsa Zaveshtaње, 2011, 291 p.
5. Leko M. Beogradske ulitse i trgovi: 1872—2006 [Beogradske streets and markets: 1872—2006]. Beograd, Zavod na uћbenike i nastavna sredstva (ZUNS), 2003, 467 p.
6. Moskva — Serbiya, Belgrad — Rossiya : sbornik dokumentov i materialov [Moscow — Serbia, Belgrade — Russia : collection of documents and materials], vol. 4. Russko-serbskie otnosheniya: 1917—1945 gg. = Moskva — Srbija, Beograd — Rusija : dokumenta i materijali, vol. 4. Rusko-srpski odnosi. 1917—1945 [Russian-Serbian Relations: 1917—1945 = Moscow-Serbia, Beograd — Russia : documents and materials. Vol. 4. Russo-Serbian relations. 1917—1945. Moscow ; Belgrad, 2017, 1008 p.
7. Zhivanovich M. Chemodan russkogo bezhentsa: gorst' rodnoy zemli, knigi, ikony [The suitcase of a Russian refugee: a handful of native land, books, icons], *Stoletie dvukh emigratsiy. 1919—2019 [Centenary of two emigrations. 1919-2019]*. Moskva : Institut slavyanovedeniya RAN ; Belgrad : Informatika, 2019, s. 165—178.
8. Tseo Beograd, adresno-informatsiona knjiga za Beograd, Zemun i Topchider [Ceo Beograd, address and information directory for Beograd, Zemun and Topchider]. Beograd, 1922, p. 135.
9. Tseo Beograd prestonitsa, adresno-informatsiona knjiga za Beograd, Zemun i Panchevo [Ceo Beograd Prestonica, address and information book for Beograd, Zemun and Panchevo]. Beograd, 1924, p. 308.
10. Ђuriћ O. Ruska literarna Srbija 1920—1941: pistsi, kruzhotsi i izdanja [Ruska Literaturna Srbija 1920—1941: letters, circles and editions]. Beograd, 1990, 300 p.
11. Timofeev A.Yu. Russkiy faktor. Vtoraya mirovaya voyna v Yugoslavii. 1941—1945 [The Russian factor. World War II in Yugoslavia. 1941—1945]. Moscow, Veche, 2010, 394 p.
12. Kostina I.O. Bibliotechnoe delo v zarubezhnoy Rossii 1920—1930-kh gg. [Library science in foreign Russia in the 1920s—1930s], cand. Istor. sci. diss., Moscow, 2005, 210 p.
13. Maevskiy V.A. Russkie v Yugoslavii: vzaimootnosheniya Rossii i Serbii [Russians in Yugoslavia: Relations between Russia and Serbia], vol. 2. N'yu-York, Izd. ist. kruzhka, 1966, 361 p.
14. Pravda [Pravda]. 1933, 11 dek.
15. Arsen'ev A.B. (ed.), Ordovskiy-Tanaevskiy M.L. (ed.) Gimnaziya v litsakh: pervaya rusko-serbskaya gimnaziya v Belgrade: 1920—1944 [Gymnasium in Faces: The First Russian-Serbian Gymnasium in Belgrade: 1920—1944]. Belgrad ; Moscow, 2018, book 1, 638 p.
16. Nezabytye mogily. Rossiyskoe zarubezh'e: nekrologi 1917—1997 [Unforgotten Graves. Russian Abroad: Obituaries 1917—1997]. Moscow, 1999, vol. 1. A—V, 659 p.
17. Istoricheskiy arkhiv goroda Belgrada (IAB) [Historical Archive of the City of Belgrade (IAB)], coll. OGB. TD. 27—33—1931.
18. Kosik V.I. Russkaya Yugoslaviya: fragmenty istorii: 1919—1944 [Russian Yugoslavia: Fragments of History: 1919—1944], *Slavyanovedenie [Slavic studies]*, 1992, no. 4, p. 20—32.

19. Russkiy voennyi vestnik [Russian Military Bulletin], 1928, 27 maya.
20. Ćurij O. Shezdeset godina Ruskog doma Imperatora Nikolaja II u Beogradu (1933—1993) [Shzdeset godina Ruskog doma Emperor Nicholas II u Beograd (1933—1993)], *Ruska emigratsija u srpskoj kulturi XX veka* [Russian Emigration in the Serbian Cultures of the 20th Century], book I. Beograd, Univerzitet u Beogradu, 1994, p. 123—128.
21. Ćurjehvić M. Arhitekt Vasilij (Vilkhelm) Fjodorovich Baumgarten [Architect Vasily (Wilhelm) Baumgarten], *Godišnjak grada Beograda* [Year of the City of Belgrade], 2004, no. 51, p. 183—190.
22. Prosen M. 75 godina Ruskog doma u Beogradu [75 years of the Russian Home in Belgrad], *Nasleđe* [Success], 2008, IX, s. 211—220.
23. Pravda [Pravda], 1932, 5 okt.
24. Russkiy dom" imeni Imperatora Nikolaia II v" Bēlgradē ul. Korolevy Natalii: Otkrytie 9 aprēlya 1933 goda [Russian House of Emperor Nicholas II in Bjelgrad, Queen Natalia Street: Opening on April 9, 1933]. Belgrad, 1933, 56 p.
25. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. 4459, aids 11, fol. 1228.
26. Arsen'ev A.B. Lyudi i knigi: sem'ya Malininykh i ikh biblioteka [People and books: the Malinin family and their library], *Ruska dijaspora i slovenski svet = Russkoe zarubezh'e i slavyanskiy mir* [Russian diaspora and slovenski svet : Zbornik radova = Russian abroad and the Slavic world]. Belgrad, Slavisticheskoe obshchestvo Srbije, 2013, p. 206—223.
27. Kosik V.I. Russkiy dom [Russian House], *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac], 2003, no. 8, p. 196—203.
28. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI)], coll. 82, aids 2, fol. 1373.
29. Zhivanovich M. Molot v rukakh krasnykh: sud'ba Russkogo doma posle 1944 goda [Hammer in the hands of the Reds: the fate of the Russian House after 1944], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna* [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad], 2019, p. 355—372.
30. GARF [GARF], coll. 5283, aids 17, col. 542.
31. Pejović M. Odnosi Drushtva za kulturnu saradnju Jugoslavija-SSSR i Svesa-veznog drushtva za kulturne veze sa inostranstvom 1945—1948 [One Friendship for Cultural Cooperation between Yugoslavia and the USSR and the Svesavenezny Friendship for Cultural Cooperation with Foreigners 1945—1948]. Beograd, 2010, 262 p.
32. Kachaki J. Ruske izbeglitse u Kraljevini SKhS/Jugoslaviji. Bibliografija radova 1920—1944: pokushaj rekonstruktsije [Russian in the UK/United Kingdom. Bibliography of Radova 1920-1944: reconstruction attempts]. Beograd, 2003, p. 50
33. Gibianskiy L.Ya. Predislovie [Preface], *Jugoslavija — SSSR: susreti i razgovori na najvishem nivou rukovodilatsa Jugoslavije i SSSR: 1946—1964* [Jugoslavia-USSR: meetings and talks at the highest level between the leaders of Yugoslavia and the USSR: 1946-1964], vol. 1. Beograd, Arhiv Jugoslavije, 2014, s. 37.
34. RGASPI [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI)], coll. 82, aids 2, fol. 1375.
35. Pisarev Yu.A. Rossiyskaya emigratsiya v Yugoslavii [Russian emigration in Yugoslavia], *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and recent history], 1991, no. 1, p. 152—161.
36. Gudkov V.P. Chetyre desyatiletia obshcheniya i družby [Four decades of fellowship and friendship], *Yugoslavyanskaya istoriya v novoe i noveyshee vremya: materialy nauchnykh chteniy, posvyashchennykh 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. V. G. Karaseva (1922—1991)*. Moscow, Publ. Moskovskogo gorodskogo ob#edineniya arhivov, 2002, p. 258—259.

Информация об авторе

Живанович Милана — доктор исторических наук, Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Information about the author

Milana Zivanovic — Doctor of Historical Sciences, Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 18.01.2024.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication 18.01.2024.

Русские эмигранты за рубежом

Научная статья
УДК 94(497) + 94 (497.11)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-43-53

Красное поколение белой эмиграции: Союз советских патриотов в Белграде в октябре — ноябре 1944 г.

Марина Юрьевна Сорокина

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация,
msorokina61@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются факторы, влияющие на исследование темы участия русских эмигрантов, осевших в Королевстве Югославия, в движении Сопротивления. На основании документов Архива внешней политики Российской империи МИД России впервые представляются синхронные событиям октября — ноября 1944 г. «голоса» руководителей Союза советских патриотов в Белграде (Югославия), позволяющие изучить их взгляды на тактику и стратегию Союза в условиях деокупации Югославии, в том числе взаимодействие с побеждавшей новой югославской властью и белой русской эмиграцией. Прослеживается судьба руководителей Союза советских патриотов в послевоенный период.

Ключевые слова: русская эмиграция, русское зарубежье, движение Сопротивления, Вторая мировая война, антифашистская борьба, Союз советских патриотов, Сербия, Югославия, Белград, И. Н. Голенищев-Кутузов, В. А. Лебедев, В. Н. Штрэндтман, Ф. Е. Махин

Для цитирования: Сорокина М. Ю. Красное поколение белой эмиграции: Союз советских патриотов в Белграде в октябре — ноябре 1944 г. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 43—53. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-43-53.

Russian emigrants abroad

Original article

Red Generation of White Emigration: Union of the Soviet Patriots in Belgrade in October — November 1944

Marina Yu. Sorokina

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation, msorokina61@gmail.com

Abstract. The article analyzes the factors influencing the research of the topic of participation of Russian emigrants settled in the Kingdom of Yugoslavia in the Resistance movement. On the basis of the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of Russia for the first time we present the “voices” of the leaders of the Union of Soviet Patriots in Belgrade (Yugoslavia) synchronized with the events of October-November 1944, which allow us to study their views on the tactics and strategy of the Union in the conditions of the de-occupation of Yugoslavia, including the interaction with the new Yugoslav authorities and white Russian emigration. The fate of the leaders of the Union of Soviet Patriots in the postwar period is traced.

Keywords: Russian emigration, Russian diaspora, Resistance movement, World War II, anti-fascist struggle, Union of Soviet Patriots, Serbia, Yugoslavia, Belgrade, I.N. Golenishchev-Kutuzov, V.A. Lebedev, V.N. Shtrandtman, F.E. Mahin

For citation: Sorokina M.Yu. Red Generation of White Emigration: Union of the Soviet Patriots in Belgrade in October — November 1944. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):43—53. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-43-53.

Одной из героических страниц истории Второй мировой войны является участие зарубежных соотечественников в антифашистском движении Сопротивления в Югославии, Франции, Бельгии, Италии и других странах. До сих пор в российской науке эта тема, хотя и артикулируется, но продолжает оставаться недостаточно исследованной как на фактическом, так и на концептуальном уровне, испытывая турбулентность под давлением внеаучных факторов (например, «война памяти») и связанных с ними академических дискурсов и публикаций.

Достаточно отметить, что в России первая международная научная конференция, посвященная российским участникам движения Сопротивления, состоялась только в 2015 г. [1], хотя количество круглых столов в последнее десятилетие возрастает. Между тем в зарубежных странах национальные движения Сопротивления давно стали важной составляющей послевоенных исторических нарративов, вобравших в себя не только героизм, проявленный их гражданами и подданными в вооруженной борьбе против фашизма, но и протестные, культурные и духовные практики гражданского общества в годы Второй мировой войны.

В бывшей Югославии, где была сосредоточена одна из самых больших и динамичных русских диаспор межвоенной Европы, русские эмигранты, прежде всего молодого поколения, внесли существенный вклад в борьбу против нацизма и немецкой оккупации своей новой «зарубежной родины», как называла Сербию известный лингвист русского происхождения, действительный член Сербской академии наук и искусств И. Г. Грицкат-Радулович [2]. Однако в российской историографии последних десятилетий фокус в изучении практик русской эмиграции в Югославии периода Второй мировой войны несколько сместился с анализа деятельности партизанских и прокоммунистических освободительных соединений на активность коллаборантов, в том числе чинов Русского охранного корпуса. Исторический опыт и послевоенная судьба «левых» русских, в том числе членов Союза советских патриотов (ССП) в Белграде, остаются малоизвестными.

Между тем еще в 1963 г., уже после возвращения в СССР, известный филолог и член ССП И. Н. Голенищев-Кутузов (1904—1969) опубликовал ряд статей-воспоминаний, в которых затрагивал деятельность Союза и одного из его руководителей Ф. Е. Высторопского, акцентировав внимание на той роли, которую сыграли представители «молодого» поколения русской эмиграции в приближении победы над фашизмом [3—5].

Стоит отметить, что в СССР неоднократно публиковались и издавались сборники документов, посвященных роли советских людей в европейском Сопротивлении, а также монографические исследования по этой теме [6—7]. Так, в 1975 г. В. Н. Казак подробно рассмотрел различные формы участия советских граждан, прежде всего военнопленных и перемещенных лиц, в движении Сопротивления на Балканах, а в главе о Югославии коснулся и антифашистской борьбы эмигрантов, в том числе деятельности Союза советских патриотов [8]. Со ссылкой на материалы архива Министерства обороны СССР, Советского комитета ветеранов войны и личную послевоенную переписку с некоторыми участниками ССП В. Н. Казак назвал имена его руководителей и членов, а также представил данные о времени создания и основных направлениях подпольной работы. Однако дальнейшего развития эта линия исследования в советской историографии не получила. На наш взгляд, это объясняется не столько недоступностью

полноценных архивных источников, сколько низкой востребованностью эмигрантского дискурса в СССР в целом, как следствием колебаний внутриполитической и международной стратегий советской партийно-государственной элиты в отношении различных государств. Несмотря на желание советского руководства влиять на европейское общественное мнение и русское зарубежье того периода, эмигрант все-таки не мог быть полноценным советским героем и входить в советский героический пантеон.

В югославской историографии, в свою очередь испытывавшей значительное воздействие официальной политики памяти государственного руководства, акцент также делался на своих героях Второй мировой войны [9]. Тем не менее в 1991 и 1997 гг. на сербском языке были опубликованы мемуары членов ССП Е. Ж. Гильотен и Ю. П. Лобачева, раскрывшие ранее неизвестные факты из жизни Союза, относящиеся как к военному, так и к послевоенному периодам, включая возвращение в СССР [10 ; 11].

Только в самые последние годы и в Сербии, и в России появились исследовательские работы, рассматривающие на новых архивных материалах идеологию и разнообразные практики просоветски настроенной части русской эмиграции в межвоенной Югославии [12—22]. Особое место в этом перечне занимают работы профессора Белградского университета русского происхождения А. Ю. Тимофеева, который на основе рассекреченных в Архиве Сербии документальных материалов Управления государственной безопасности, прежде всего показаний некоторых членов Союза советских патриотов, реанимировал историографическую традицию и представил новую информацию о времени его создания, структуре и предположительных причинах провала, а также остановился на судьбах некоторых его членов. Однако дать более точную оценку деятельности Союза в целом историк посчитал затруднительным «до рассекречивания соответствующих архивных материалов в России», намекая, видимо, на возможную связь ССП с советской разведкой [19, с. 19].

Между тем доступные российские архивы содержат немало документов, существенно восполняющих лакуны в истории Союза советских патриотов в Белграде. Так, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) выявлен комплекс автобиографических документов ряда членов Союза советских патриотов, позволяющих значительно полнее обозначить персональный состав этой организации. Эти материалы из фонда Управления уполномоченного СНК (Совета министров) СССР по делам репатриации представляют собой заявления белоэмигрантов, желавших вернуться на родину, на имя представителя уполномоченного в Югославии [13 ; 14].

Еще одним комплексом архивных документов, проливающих свет на внутреннее устройство, деятельность и идеологические основы Союза советских патриотов, являются документальные материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД России. Здесь, в фонде «Миссия в Белграде», содержащем преимущественно дореволюционные материалы, на первый взгляд неожиданно, сохранились многие важные документы русской эмиграции межвоенного периода, в частности несколько дел по истории ССП и русских кадетских корпусов [23—25]. Происхождение этих документов, по хронологии непрофильных для АВПРИ, по-видимому, связано с деятельностью известного русского дипломата Василия Николаевича Штрандмана (1877—1963), на протяжении многих лет возглавлявшего Делегацию, ведавшую интересами русской эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) (Югославии), офис которой располагался в Русском доме в Белграде. После освобождения города в октябре 1944 г. все сохранившиеся в «эмигрантском» Русском доме документы были вывезены в СССР. Среди них оказались и документы Союза советских патриотов, также заседавшего в Русском доме в октябре — ноябре 1944 г., в том числе протоколы его общих собраний и заявления

русских эмигрантов — кандидатов на вступление в Союз. Отметим, что согласно «листу использования» архивных дел, известные российские исследователи-балканисты (К. Ф. Никифоров, В. И. Косик) знакомились с ними еще в начале 1990-х гг., однако академическая повестка того времени предполагала иной фокус исследовательской оптики и документы остались невостребованными.

Значение эмигрантских материалов АВПРИ тем более велико, что в своей последней по времени издания книге А. Ю. Тимофеев декларировал, что «основной средой формирования русских отрядов Сопротивления были... левые молодежные кружки в *русских школьных организациях, в кадетских корпусах* (О. Толстой, П. Кутепов) и в *русских колониях по всей Югославии*» (курсив наш. — М. С.) [21, с. 165]. Важный документальный материал из сербских архивов, подтверждающий этот нетривиальный для современной российской сербистики и эмигрантики вывод, приводит также известная сербская исследовательница, доктор исторических наук Милана Живанович, изучавшая практики «красного поколения белой эмиграции» в Первом русском кадетском корпусе великого князя Константина Константиновича в Белой Церкви [26].

На основании документов АВПРИ мы впервые представим синхронные событиям октября—ноября 1944 г. собственные «голоса» руководителей ССП, позволяющие изучить их взгляды на тактику и стратегию Союза советских патриотов в условиях деоккупации Югославии, в том числе взаимодействие с побеждавшей новой югославской властью и белой русской эмиграцией.

К моменту освобождения Белграда от немецких оккупантов в городе, согласно данным самого ССП, оставались в живых и продолжали деятельность в рамках Союза советских патриотов около шестидесяти членов этой организации. В партизанских отрядах за годы войны погибли шесть членов Союза, а в частях Народно-освободительной армии Югославии сражались 17 членов ССП. Из тройки основателей и руководителей ССП военного времени (Ф. Е. Высторопский, В. А. Лебедев, И. А. Одишелидзе) только медик Владимир Александрович Лебедев (1906—1990) находился в Русском доме и продолжал осуществлять координацию действий всей организации. Любопытно, что в это время он числился на действительной военной службе в югославской армии [22].

Именно В. А. Лебедев определял и «генеральную линию» ССП в новых, легальных для Союза условиях. Протоколы сохранили записи его очень страстных выступлений и оценок, в том числе и в отношении русской белой эмиграции. Так, он заявил, что 22 июня решил вопрос о том, кто истинно русский и кто не достоин носить русское имя, «ибо 25 лет нельзя было заблуждаться». Далее он подчеркнул принципиальную разницу между членами ССП и представителями белой эмиграции: «Из наших рядов товарищи уходят в отряды и борются вместе с товарищами сербами. Их травят, как диких зверей, немцы, дражиновцы и русские эмигранты, одевшие немецкую форму. В этом самом [Русском] доме, где мы сейчас собрались, нас обливали помоями. А наши товарищи — бойцы полуголодные, босые, без крова над головой, в лесу у костров делят судьбу с сербскими товарищами. Они верят в свое правое дело, верят в великий Советский Союз, в великого Сталина». И в заключение своего обращения дал оценку деятельности ССП в движении Сопротивления: «Товарищи, наша работа была скромная по сравнению с той работой и жертвами, которые делали наши товарищи, бойцы Красной армии. Мы были малы, но мы помогали нашим братьям сербам: печатали и переправляли нелегальную литературу, агитировали, чтобы не шли к немцам и Драже, пересылали санитарный материал, перебрасывали людей в лес, помогали русским пленным освобождаться из немецких лагерей и переправляли их в отряды» [23, л. 35—36].

Мнение В. А. Лебедева о необходимости «отмежеваться от эмиграции», так как появились «попутчики, симпатизеры, которые хотят помочь, сознавая тяжесть момента» [23, л. 25], разделялось далеко не всеми членами ССП, однако оно стало доминирующим. Руководитель ССП призывал быть бдительными и осторожными, аргументируя это тем, что «общее расположение к русским отрицательное... Наше положение как русских очень шаткое. Мы висим в воздухе. Сербь говорят, что мы им не нужны. Что с приходом русских эмиграция как таковая перестает существовать. Могут быть только советские граждане. Русские тоже говорят, что эмиграция их не интересует» [23, л. 17]. Вследствие такого положения В. А. Лебедев предложил провести «генеральную чистку» оставшихся в Белграде белоэмигрантов, но при этом «всюду и всем говорить, что нельзя всех подводить под одну рамку и называть военными преступниками... Надо и дальше действовать осторожно и придерживаться тактики улитки» [23, л. 10].

В рамках этой тактики в ССП был создан информативный отдел под руководством филолога Всеволода Тумина (1907—1983), который конспиративно собирал сведения о русской эмиграции, а также комитет по сохранению имущества Русского дома, который должен был действовать до передачи дома советским представителям. «Мы не хотим никакой скродумовщины, — говорил В. А. Лебедев, — не собираемся вести никакой широкой деятельности до прибытия советского полпредства» [23, л. 5].

Несколько иной тактики придерживалось другое влиятельное лицо в ССП — известный филолог, преподаватель Белградского университета и партизан Воеводины Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969) [27]. После освобождения Белграда он активно контактировал с генералом Ф. Е. Махиным (1882—1945), также русским белым эмигрантом, по мнению ряда исследователей, много лет связанным с советской разведкой [28], с другим генералом — Милованом Джиласом (1911—1995) и с неким «майором Х», с которым вел переговоры о статусе ССП. «Наша работа должна быть в контакте с югославами» [23, л. 5] — эта позиция Голенищева-Кутузова далеко не у всех членов ССП встречала одобрение, но именно он, переговорщик и коммуникатор, был назначен комендантом Русского дома, хотя оставался им недолго — до 22 ноября.

В то же время некоторые члены ССП поддерживали линию Голенищева-Кутузова на развитие сотрудничества с новыми югославскими властями и коллегами. Так, Ф. Лепехин ходил приглашать на демонстрацию в честь 7 ноября известного сербского ученого и политика Синищу Станковича (1892—1974), который занимал посты председателя Народно-освободительного фронта Белграда и Антифашистской скупщины народного освобождения Сербии. «Он, по словам Лепехина, выразил благодарность за внимание и сказал, что, если будет свободен, придет. Он сказал, что слышал о судьбе русских и дал понять, что можно рассчитывать на его поддержку» [23, л. 44]. В дальнейшем С. Станкович стал фактически первым главой Сербии в составе Югославии (председатель Президиума Народной скупщины Сербии в 1944—1953 гг.) и иностранным членом Академии наук СССР.

После освобождения Белграда Красной армией и частями Народно-освободительной армии Югославии многие русские эмигранты захотели войти в ССП. Вопрос о расширении состава Союза вызвал острую дискуссию среди его членов. И. Н. Голенищев-Кутузов предложил организовать широкий антифашистский фронт (или лигу) при ССП, а поддержавший его Юрий (Георгий) Бискупский (1913—1989), будущий архитектор, утверждал, что «для дальнейшей работы нас очень мало и надо привлекать в наши ряды кандидатов в так называемую группу содействия» [23, л. 44].

Иначе будущее ССП видел В. А. Лебедев: «О привлечении в ССП кандидатов, которых около 60 человек, пока не может быть и речи, когда мы са-

ми встанем на ноги... Общее положение и наше, в частности, шаткое. Считайте наше действительное положение гражданской партизанщиной. Вперед загадывать нельзя. В поступках нужна конспирация, мы еще нелегалы. Пока сидеть тихо. Новые члены понадобятся позже, когда будет возможность шире развить нашу деятельность» [23, л. 44].

Названное В. А. Лебедевым количество кандидатов в члены ССП быстро увеличивалось и к началу ноября 1944 г. список кандидатов в ССП насчитывал уже 82 человека [24, л. 52—53]. Кандидатов обсуждали и отбирали, по настоянию все того же Лебедева решили, что «прием новых кандидатов может быть произведен лишь после подписи одного из активных членов ССП, гарантирующего за него. Бывших сотрудников Национального союза нового поколения постановлено не принимать в члены ССП». Тем более из списка кандидатов оказалось вычеркнутым имя бывшего младоросса Ильи Ильича Толстого (1897—1970), внука писателя Л. Н. Толстого и отца будущего советского академика Н. И. Толстого (1923—1996) [24, л. 52].

Все же круг кандидатов в ССП был весьма обширный и включал не только русских эмигрантов — жителей столицы. Так, Рафаил Арзуманов указывал, что прибыл в Сербию еще в 1912 г. как доброволец во время Балканской войны и несколько лет служил военным лекарем. Вернувшись в 1921 г. в КСХС, он вновь стал работать врачом в Мостаре [25, л. 8]. Инженер Владимир Попов сообщал, что приехал в Югославию в 1922 г. из Африки. Вероятно, он прибыл из тунисской Бизерты, где нашли свою последнюю стоянку корабли русской эскадры. В сентябре 1941 г. Попов вступил в Ужице в партизанский отряд, был неоднократно арестован гестапо, но сумел выбраться из застенков [25, л. 86]. Людмила Чубина, преподаватель реальной гимназии в той же Ужице, писала, что начала работать в местной ячейке коммунистической партии еще в 1939 г.: «Моим первым учителем был мой коллега — партиец Венямин Маринкович, погибший в 1942 г. ... Вместе с ним я вела пропаганду среди учащейся молодежи. Учила их русскому языку, песням, знакомила их с жизнью в Советской России. Вся эта молодежь потом встала в ряды партизан» [25, л. 58].

Среди желавших вступить в ССП были потомки русских революционеров. Бывший присяжный поверенный из казаков Василий Ефимович Генералов, чей дядя — В. Д. Генералов был повешен в 1887 г. вместе с братом В. И. Ленина А. И. Ульяновым за покушение на императора Александра, сообщал, что из-за этого факта биографии его семья находилась под подозрением у властей, тем не менее он «вел агитацию в оборонческом направлении» [25, л. 107—108 об.].

Стремилась вступить в ССП и бывшие кадеты, и бывшие гимназисты. Братья Валерий и Юрий Сергеевичи Бискупские, приехавшие в КСХС с матерью в 1924 г., оба окончили русско-сербскую гимназию в Белграде и Белградский университет [25, л. 7, 18]. Владимир Семенович Марков учился в Донском кадетском корпусе в Горажде, откуда в марте 1928 г. был исключен по подозрению в большевизме [25, л. 61—61 об.]. Алексей Алексеевич Васильев (1901—1991), выпускник Хабаровского кадетского корпуса и Морского училища во Владивостоке, после окончания Белградского университета служил архитектором и художником по устройству сначала Военного музея (где занимался копированием сербских униформ и знамен, исполнял акварели с изображениями сербских солдат и офицеров), а затем и городского музея Белграда [25, л. 9]. Его сын Игорь (1928—1954), также прекрасный художник, был осужден в 1950 г. уже за антикоммунистическую деятельность и трагически погиб при невыясненных обстоятельствах.

Приходили в ССП и священнослужители Русской православной церкви. Сергей Кузьмич Анисимов, в монашестве Иннокентий, выпускник, а затем профессор духовной семинарии в Битоле, «проживая в Сараево, за симпатии к Советскому Союзу в кругах русской эмиграции считался большеви-

ком и по этой причине после прихода туда немцев принужден был, все оставив, оттуда бежать» [25, л. 17]. «„Товарищ“ иеромонах Иннокентий», как его называли в ССП, на одном из заседаний Союза даже сделал доклад о состоянии русской церкви.

Выпускницы девичьих институтов, эвакуированных в КСХС, также оказались среди членов и кандидатов в члены ССП. Зоя Петровна Тумина окончила Мариинский Донской институт благородных девиц в Белой Церкви и философский факультет Белградского университета. Двадцатилетней девушкой она связала свою судьбу с журналистом, сотрудником газеты «Политика» Васо Орзентичем, и еще в 1936 г. во время гражданской войны в Испании по своей инициативе собирала пожертвования в пользу армии Народного фронта. Она провела 16 месяцев в концлагере в Банице [25, л. 27]. Ирина Александровна Крицкая, в 1925 г. приехавшая с матерью в КСХС и с 1939 г. преподававшая в школе при Хоповском приюте, сообщала, что с 1941 г. «вращалась... в чисто партизанской среде и помогала по мере сил партизанскому движению в Среме» [25, л. 91—91 об.].

Даже некоторые бывшие чины Русского охранного корпуса также хотели влиться в ССП. Василий Васильевич Малов, окончивший русско-сербскую гимназию в Белграде (где прославился как талантливый шахматист) и Белградский университет, сообщал, что был в Корпусе два месяца по мобилизации, но не сделал ни одного выстрела [25, л. 89—89 об.].

Даже по этим примерам заметно, что образовательный уровень русских эмигрантов, желавших связать свою послевоенную судьбу с Союзом советских патриотов, был высоким, что говорит об осознанности принимавшегося ими шага. Несомненно, для кого-то из кандидатов фактор победителя играл не последнюю роль, но в целом ССП в перспективе мог бы стать новой русской институцией, объединявшей прежде всего молодежь русского зарубежья в Югославии — «красное поколение белой эмиграции».

Как показывают документы, сохранившиеся в АВПРИ, лидеры Союза советских патриотов имели различные взгляды на тактику и стратегию, настоящее и будущее организации. Если в лице В. А. Лебедева была представлена изоляционистская модель конспиративной партийной ячейки, то И. Н. Голенищев-Кутузов стремился к интернационализации и «югославизации» связей и контактов ССП. В январе 1945 г. в результате разногласий с товарищами Илья и Ольга Голенищевы-Кутузовы вышли из Союза советских патриотов.

Коротко о том, как сложилась судьба лидеров и членов Союза советских патриотов после окончания Второй мировой войны. В. А. Лебедев продолжал служить в югославской армии, в 1946 г. он был награжден югославским орденом «За заслуги перед народом» III степени, в 1947 г. представлен к званию майора, но в августе 1948 г. демобилизован и переведен в резерв, а в январе 1949 г. лишен звания офицера запаса как «антигосударственный элемент».

И. Н. Голенищев-Кутузов стремился вернуться в СССР и примерно к марту 1948 г. получил предложение Министерства высшего образования СССР стать преподавателем Московского государственного университета. Однако сильно затянувшееся оформление въездной визы привело к тому, что с началом политического конфликта между властями СССР и Югославии положение И. Н. Голенищева-Кутузова оказалось драматическим.

В судьбе обоих руководителей ССП роковую роль сыграла известная резолюция Информбюро, после публикации которой 28 июня 1948 г. власти Югославии перешли к преследованию представителей русской эмиграции. 22 июня 1949 г. И. Н. Голенищев-Кутузов был арестован в Белграде по обвинению в шпионаже в пользу СССР и подрывной деятельности против Югославии. В июле 1949 г. арестовали В. А. Лебедева, а также еще ряд членов Союза советских патриотов. Процесс над группой из 12 «советских

шпионов», в числе которых были Голенищев-Кутузов и Лебедев, начался 1 августа 1951 г. в окружном суде Белграда и широко освещался югославской прессой. Через десять дней, 11 августа, Голенищев-Кутузов был приговорен к четырем годам строгого тюремного заключения, Лебедев — к девяти годам заключения.

Срок заключения И. Н. Голенищев-Кутузов отбывал в тюрьме города Сремска Митровица, откуда вышел в июне 1953 г. и 6 июня 1955 г. вместе с женой Ольгой и мамой Верой Александровной вернулся в Москву. В. А. Лебедев находился в заключении в печально известном концлагере на острове Голи-Оток в Адриатическом море. Он вернулся в СССР в августе 1955 г. и всю оставшуюся жизнь работал в Астраханском областном туберкулезном диспансере, пройдя путь от рядового до главного врача.

Большинство членов Союза, как и их руководители Голенищев-Кутузов и Лебедев, приехали в СССР после 1955 г. и жили в столице и провинции, как минимум до конца XX в., а их многочисленные родственники — дети, жены, внуки — продолжают и сегодня проживать в разных странах (Россия, Украина, Сербия, Словения и др.).

Список источников

1. Российская эмиграция в борьбе с фашизмом : междунар. науч. конф. (Москва, 14—15 мая 2015 г.) : [к 70-летию Великой победы] / Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына ; [сост.: К. К. Семенов и М. Ю. Сорокина]. М. : Русский путь : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. 662 с.
2. Из воспоминаний академика Сербской академии наук, лингвиста И. Г. Грицкат-Радулович «На зарубежной родине» (1929—1944) // Москва — Сербия; Белград — Россия : сб. док. и материалов. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917—1945 гг. / авт.-сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. М. ; Белград, 2017. С. 197—220.
3. Голенищев-Кутузов И. Н. Поэт, борец, партизан // Голос Родины (Берлин). 1963. № 64(765). С. 6.
4. Голенищев-Кутузов И. Н. Подвиг Федора Высторопского // Голос Родины (Берлин). 1963. № 68(769). С. 6.
5. Голенищев-Кутузов И. Н. Думы в канун Октября // Голос Родины (Берлин). 1963. № 63(764). С. 6.
6. Семиряга М. И. Советские люди в европейском сопротивлении. М. : Наука, 1970. 351 с.
7. Советские люди в освободительной борьбе югославского народа. 1941—1945 гг.: воспоминания, документы и материалы / сост. Т. С. Бушуева. М. : Наука, 1973. 207 с.
8. Казак В. Н. Побратимы: советские люди в антифашистской борьбе народов Балканских стран, 1941—1945. М. : Мысль, 1975. 176 с.
9. Живанович М. Влияние политики на судьбу и память о русских участниках движения Сопротивления в Югославии // Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны / сост. М. Ю. Сорокина. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. С. 26—43.
10. Две моје домовине: успомене Јелизавете Жерардовне Гиљотен / прев. са рус. јез. Татјана Трикић ; уред. Љиљана Новаковић. Горњи Милановац : Дечје новине, 1991. 335 с.
11. Lobačev Đ. Kad se Volga ulivala u Savu. Beograd : Prosveta, 1997. 308 s.
12. Боровняк Дж. Русская интеллигенция в Белграде и борьба против немецкой оккупации Югославии // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: междунар. науч. конф. (Москва, 14—15 мая 2015 г.) : [к 70-летию Великой победы] / Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына ; [сост.: К. К. Семенов и М. Ю. Сорокина]. М. : Русский путь : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 305—327.
13. Ёхина Н. А. «История русского Сопротивления... еще не написана»: к истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2014—2015. М., 2015. С. 174—205.
14. Ёхина Н. А. «На чьей стороне ты будешь, когда разразится война»: к истории Союза советских патриотов в Белграде [] // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: междунар. науч. конф. (Москва, 14—15 мая 2015 г.) : [к 70-летию Великой победы] / Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына ; [сост.: К. К. Семенов и М. Ю. Сорокина]. М. : Русский путь : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 203—237.
15. Русская эмиграция и движение Сопротивления в годы Второй мировой войны / сост. М. Ю. Сорокина. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. 228 с.

16. Сорокина М. Ю. Из белых — в красные: Федор Высторопский и Союз советских патриотов в Югославии (1941—1944) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы : материалы III Всерос. науч. конф. Ростов н/Дону, 2022. С. 83—91.
17. Сорокина М. Ю. Алексей Дураков: русский поэт — сербский партизан. 1898—1944. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. 88 с.
18. Сорокина М. Ю. Русские эмигранты — герои европейского Сопротивления: конструирование образа в художественных практиках СССР постсталинского периода // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 150—159.
19. Тимофеев А. Ю. Союз советских патриотов в Сербии // Родина. 2012. № 11. С. 17—19.
20. Тимофеев А. Ю. Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом : междунар. науч. конф. (Москва, 14—15 мая 2015 г.) : [к 70-летию Великой победы] / Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына ; [сост.: К. К. Семенов и М. Ю. Сорокина]. М. : Русский путь : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 238—272.
21. Тимофеев А. Нестајаће руске емиграције у Југославији. 1941—1954. Београд : Институт за новију историју Србије (ИНИС), 2022. 425 с.
22. Трубецкая Н. А., Животич А. Владимир Александрович Лебедев (1906—1990) и Всеволод Георгиевич Прокофьев (1908—1983): к неизвестным страницам биографий членов Союза советских патриотов в Белграде // Русская эмиграция на Балканах : сборник научных трудов: посвящается 100-летию Русского исхода. Скопје, 2021. С. 335—367.
23. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 249.
24. АВПРИ. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 250.
25. АВПРИ. Ф. Российская миссия в Белграде. Оп. 508/3. Д. 251.
26. Живанович М. Истрага у Првом руском кадетском корпусу великог кнеза Константина Константиновича у Белој Цркви 1934. Године // Токови историје. 2022. № 1. С. 43—69.
27. Сорокина М. Ю. И. Н. Голенищев-Кутузов (1904—1969): к истории возвращения в СССР // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2017. М., 2017. С. 114—128.
28. Ганин А. В. Измена командармов: представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917—1922 гг. М. : Пятый Рим, 2020. 800 с.

References

1. Semenov K.K. (ed.), Sorokina M.Yu. (ed.). Rossiyskaya emigratsiya v bor'be s fashizmom, mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya (Moskva, 14—15 maya 2015 g.), [k 70-letiyu Velikoy pobedy] [Proc. Int. Conf. 'Russian emigration in the fight against fascism' (Moscow, 14—15.05.2015)]. Moscow, Russkiy put', Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2015, 662 p.
2. Iz vospominaniy akademika Serbskoy akademii nauk, lingvista I.G. Gritskat-Radulovich "Na zarubezhnoy rodině (1929—1944) [From the memoirs of the academician of the Serbian Academy of Sciences, linguist I. G. Gritskat-Radulovic "In a foreign homeland" (1929—1944)], Moskva — Serbiya; Belgrad — Rossiya: sbornik dokumentov i materialov [Moscow — Serbia; Belgrade — Russia : collection of documents and materials], vol. 4. Russko-serbskie otnosheniya. 1917—1945 gg. [Russian-Serbian relations. 1917-1945], ed. A. Timofeev, G. Miloradovich, A. Silkin, Moscow ; Belgrad, 2017, p. 197—220.
3. Golenishchev-Kutuzov I.N. Poet, borets, partisan [Poet, fighter, partisan], Golos Rodiny (Berlin) [Voice of the Motherland (Berlin)], 1963, no. 64(765), p. 6.
4. Golenishchev-Kutuzov I.N. Podvig Fedora Vystoropskogo [The feat of Feodor Vystoropsky], Golos Rodiny (Berlin) [Voice of the Motherland (Berlin)], 1963, no. 68(769), p. 6.
5. Golenishchev-Kutuzov I.N. Dumy v kanun Oktyabrya [Of the Duma on the eve of October], Golos Rodiny (Berlin) [Voice of the Motherland (Berlin)], 1963, no. 63(764), p. 6.
6. Semiryaga M.I. Sovetskie lyudi v evropeyskom soprotivlenii [Soviet people in the European resistance]. Moscow, Nauka, 1970, 351 p.
7. Sovetskie lyudi v osvoboditel'noy bor'be yugoslavskogo naroda. 1941—1945 gg.: vospominaniya, dokumenty i materialy [Soviet People in the Liberation Struggle of the Yugoslav People. 1941—1945: memoirs, documents and materials], ed. T.S. Bushueva. Moscow, Nauka, 1973, 207 p.
8. Kazak V.N. Pobratimy: sovsietkie lyudi v antifashistskoy bor'be narodov Balkanskikh stran, 1941—1945 [Twinned: Soviet People in the Anti-Fascist Struggle of the Peoples of the Balkan Countries, 1941—1945]. Moscow, Mysl', 1975, 176 p.
9. Zhivanovich M. Vliyanie politiki na sud'bu i pamyat' o russkikh uchastnikakh dvizheniya Soprotivleniya v Yugoslavii [The Impact of Politics on the Fate and Memory of Russian Resistance Movement Participants in Yugoslavia], Semenov K.K. (ed.), Sorokina M.Yu. (ed.). Rossiyskaya emi-

- gratsiya v bor'be s fashizmom [Russian Emigration and the Resistance Movement during World War II]*. Moscow, Russkiy put', Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2015, p. 26—43.
10. Dve moje domovine: uspomene Jelizavete Zherardovne Gilyoten [My two housekeepers: a memorial to Elisabeth Gerardovna Guijotin]. Горњи Milanovats, Dechje novine, 1991, 335 p.
11. Lobačev Đ. Kad se Volga ulivala u Savu [When the Volga River was flowing at Savu]. Beograd, Prosveta, 1997, 308 p.
12. Borovnyak Dzh. Russkaya intelligentsiya v Belgrade i bor'ba protiv nemetskoj okkupatsii Jugoslavii [Russian intellectuals in Belgrade and the struggle against the German occupation of Yugoslavia, *Semenov K.K. (ed.), Sorokina M.Yu. (ed.). Rossiyskaya emigratsiya v bor'be s fashizmom, mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija (Moskva, 14—15 maya 2015 g.), [k 70-letiyu Velikoy pobedy]* [Russian emigration in the struggle against fascism: international scientific conference (Moscow, May 14-15, 2015) : [to the 70th anniversary of the Great Victory]]. Moscow, Russkiy put', Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2015, p. 305—327.
13. Ėkhina N.A. «Istoriya russkogo Soprotivleniya... eshche ne napisana»: k istorii Soyuza sovetских patriotov v Yugoslavii v gody Vtoroi mirovoi voyny ["The history of the Russian Resistance... has not yet been written": Toward a History of the Union of Soviet Patriots in Yugoslavia during World War II], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna*. 2014—2015. Moscow, 2015, p. 174—205.
14. Ėkhina N. A. «Na ch'eī storone ty budesh', kogda razrazitsya voīna»: k istorii Soyuza sovetских patriotov v Belgrade, *Semenov K.K. (ed.), Sorokina M.Yu. (ed.). Rossiyskaya emigratsiya v bor'be s fashizmom, mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija (Moskva, 14—15 maya 2015 g.), [k 70-letiyu Velikoy pobedy]*. Moscow, Russkiy put', Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2015, p. 203—237.
15. Russkaya emigratsiya i dvizhenie Soprotivleniya v gody Vtoroy mirovoy voyny [Russian Emigration and the Resistance Movement during World War II], ed. M.Yu. Sorokina. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2021, 228 p.
16. Sorokina M.Yu. Iz belykh — v krasnye: Fedor Vystoropskiy i Soyuz sovetских patriotov v Yugoslavii (1941—1944) [From White to Red: Fyodor Vystoropsky and the Union of Soviet Patriots in Yugoslavia (1941—1944)], *Velikaya Otechestvennaya vojna v istorii i pamyati narodov Yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvol'y : materialy III Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii [Proc. III All-Russian Conf. «The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of Southern Russia: Events, Participants, Symbols»]*. Rostov n/Donu, 20226. s. 83—91.
17. Sorokina M.Yu. Aleksey Durakov: russkiy poet — serbskiy partizan. 1898—1944 [Alexei Durakov: Russian poet — Serbian partisan. 1898—1944]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2023, 88 p.
18. Sorokina M.Yu. Russkie emigranty — geroi evropeyskogo Soprotivleniya: konstruirovaniye obraza v khudozhestvennykh praktikakh SSSR poststalinskogo perioda [Russian emigrants - heroes of the European Resistance: image construction in the artistic practices of the USSR of the post-Stalin period], *Sibir' gumanitarnaya [Siberia Humanitarian]*, 2023, no. 2, p. 150—159.
19. Timofeev A.Yu. Soyuz sovetских patriotov v Serbii [Union of Soviet Patriots in Serbia], *Rodina [Rodina]*, 2012, no. 11, s. 17—19.
20. Timofeev A.Yu. Soprotivlenie nemetskoī okkupatsii v Serbii i russkaya emigratsiya v gody Vtoroi mirovoi voīny [Resistance to German occupation in Serbia and Russian emigration during the Second World War], *Semenov K.K. (ed.), Sorokina M.Yu. (ed.). Rossiyskaya emigratsiya v bor'be s fashizmom, mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija (Moskva, 14—15 maya 2015 g.) [Proc. Int. conf. (Moscow, 14—15.05.2015) «Russian emigration in the fight against fascism»]*. Moscow, Russkiy put', Dom russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna, 2015, p. 238—272.
21. Timofeev A. Nestaja i ruske emigratsije u Jugoslaviji. 1941—1954 [Recent Russian emigration in Yugoslavia. 1941—1954]. Beograd, Institut za noviju istoriju Srbije (INIS), 2022, 425 p.
22. Trubetskaya N. A., Zhivotich A. Vladimir Aleksandrovich Lebedev (1906—1990) i Vsevolod Georgievich Prokofiev (1908—1983): k neizvestnym stranitsam biografii chlenov Soyuza sovetских patriotov v Belgrade Белграде [Vladimir Aleksandrovich Lebedev (1906-1990) and Vsevolod Georgievich Prokofiev (1908—1983): Toward Unknown Pages of Biographies of Members of the Union of Soviet Patriots in Belgrade], *Russkaya emigratsiya na Balkanakh, sbornik nauchnykh trudov, posvyashchaetsya 100-letiyu Russkogo iskhoda [Russian emigration in the Balkans : a collection of scientific papers : dedicated to the 100th anniversary of the Russian exodus]*. Скопје, 2021. С. 335—367.
23. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)], coll. Rossiyskaya missiya v Belgrade, aids 508/3, fol. 249.
24. AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)], coll. Rossiyskaya missiya v Belgrade, aids 508/3, fol. 250.

25. AVPRI [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)], coll. Rossiyskaya missiya v Belgrade. aids 508/3. fol. 251.
26. Zhivanovich M. Istraga u Prvom ruskom kadetskom korpusu velikog kneza Konstantina Konstantinovicha u Beloj Tsrkvi 1934. Godine [Istrag at the First Russian Cadet Corps of Grand Prince Konstantin Konstantinovich in Beloj Tsrkov in 1934.], *Tokovi istorije [Current histories]*, 2022, no. 1, p. 43—69.
27. Sorokina M.Yu. I. N. Golenishchev-Kutuzov (1904—1969): k istorii vozvrashcheniya v SSSR [Golenishchev-Kutuzov (1904—1969): Toward a History of Return to the USSR], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni A. Solzhenitsyna [Yearbook of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad. A. Solzhenitsyn]*, 2017, p. 114—128.
28. Ganin A.V. Izmena komandarmov: predstaviteli vysshego komandnogo sostava Krasnoy armii, pereshedshie na storonu protivnika v gody Grazhdanskoy voyny v Rossii 1917—1922 gg. [Treason of the commanders: representatives of the Red Army's top commanders who defected to the enemy during the Russian Civil War, 1917—1922]. Moscow, Pyatyy Rim, 2020, 800 p.

Информация об авторе

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Information about the author

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication 01.02.2024.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РУССКИЙ СЛЕД

PRESERVATION OF HISTORICAL MEMORY: THE RUSSIAN FOOTPRINT

Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 54—62.
Siberia Humanitarian. 2024;(1):54—62.

Сохранение исторической памяти: русский след

Научная статья
УДК 94(410)-054.7(=161.1):903.57
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-54-62

Поиск русских могил в Великобритании: проблемы и опыт

Юлия Смедегард

Независимый исследователь, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии,
juliakeld@gmail.com

Аннотация. Статья раскрывает специфику идентификации и регистрации могил россиян, похороненных в Великобритании. Указываются основные источники информации, позволяющие вести поиск мест захоронения, а также описываются опыт работы, в том числе личный, и основные проблемы, с которыми сталкиваются поисковики в своей деятельности.

Ключевые слова: эмиграция, некрополистика, захоронения, базы данных

Для цитирования: Смедегард Ю. Поиск русских могил в Великобритании: проблемы и опыт // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 54—62. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-54-62.

Preservation of historical memory: the Russian footprint

Original article

Searching for Russian graves in the UK: problems and experiences

Julia Smedegaard

Independent researcher, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, juliakeld@gmail.com

Abstract. The article reveals the specifics of identification and registration of graves of Russians buried in Great Britain. The main sources of information allowing to search for burial places are pointed out, as well as the experience of work, including personal experience, and the main problems faced by searchers in their activities are described.

Keywords: emigration, necropolistics, burials, databases

For citation: Smedegaard Ju. Searching for Russian graves in the UK: problems and experiences. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):54—62. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-54-62.

Единого источника имен и мест захоронений россиян за рубежом нет. Уникальный шеститомник «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997», составленный В. Н. Чуваковым, к сожалению, содержит неточности, и зачастую в нем отсутствует информация о месте захоронения [1]. С каждым годом ширится список изданий, включающих описание отдельных некрополей в разных странах русскоязычного расселения [2 ; 3], но ничего подобного касающегося Британских островов нет.

Эмиграция из Российской империи и послереволюционной России на Британские острова в целом мало изучена. Численность эмигрантов была сравнительно невелика, отсутствовали общинные связи. Многие россияне, осевшие на территории Великобритании, либо ассимилировались, либо стремились к этому. Они скрывали свое происхождение, боясь преследований со стороны советской власти. Например, Лебедев взял фамилию Свон, Волков стал Волку, Веселовский — Мерриманом. Как следствие, идентификация наших соотечественников является серьезной проблемой на пути поиска их захоронений.

Выбор места захоронения далеко не всегда зависит от происхождения и религиозных взглядов усопшего. Скорее, это личный выбор человека

или его родных. Поэтому в Великобритании нет русских погостов типа знаменитых Сент-Женевьев-де-Буа, кладбища Кокад в Ницце, Тестацхо в Риме или Тегель в Берлине. В Лондоне есть, пожалуй, несколько кладбищ, где количество русских могил относительно велико, — это Бромптон, Кензал Грин, Ганнерсбери (фото 1) и Новое Чизвикское кладбище (фото 2). Однако ни на одном из них могилы россиян не сгруппированы на одном участке, как, скажем, на кладбище Ассистенс в Копенгагене или на Ольшанском кладбище в Праге, Руквуд в Сиднее или Ново Гробье в Белграде.

Источники информации по захоронениям в большинстве случаев разрозненны, случайны и часто не очень надежны. Иногда сведения о похоронах встречаются в книгах мемуарного характера, зачастую не переиздававшихся с довоенных лет и весьма труднодоступных. Зачастую, особенно в русско-

Фото 1. Кладбище Ганнерсбери, Лондон
Photo 1. Gunnersbury Cemetery, London

Фото 2. Новое Чизвикское кладбище, Лондон
Photo 2. New Chiswick Cemetery, London

язычных источниках, название места захоронения транслитерировано, нередко пишется с ошибками, поэтому поиск такого кладбища-погоста начинается с загадки фонетической. Так, место захоронения Бориса Геруа в полученных нами данных называлось Культон Сент Мэри, а оказалось Коллатон. По сведениям родных летчика Сергея Ульянина, его могилу следовало искать на кладбище Ледуэлл, на деле, скорее, это Лейдивелл. Причем фамилия самого летчика была зарегистрирована во французской транскрипции, т. е. начиналась не с «U», а с «OU».

В отличие от разрозненных русских захоронений захоронения евреев компактны и сосредоточены на еврейских кладбищах. Причин тому несколько. Во-первых, примерно с последней четверти XIX в. начинается массовый исход евреев, проживавших в черте оседлости, за границу. Многие из них оказались на Британских островах и создали многочисленные общины в Лондоне, Манчестере, Ливерпуле, Лидсе и ряде других крупных городов. Эти общины имели свои кладбища, зачастую действующие и по сей день. Во-вторых, эти кладбища поддерживаются: имеются базы данных для поиска, их территории охраняются, но при этом обеспечен свободный доступ для исследователей. В то же время и здесь не все так просто. Еврейская генеалогия — это достаточно сложная дисциплина, а в нашем случае мы сталкиваемся с огромным количеством примеров изменения имен для «более английского» их звучания: Хиль Эренберг становится Хайманом Ааронбергом, Йосель Берл — Джозефом Берманом, Семен Гиткис — Самуилом Гудкайндом и т. д.

Учитывая, что в подавляющем большинстве случаев информация о месте захоронения не указывается ни в некрологе, ни в свидетельстве о смерти, поиск могил порой превращается почти в детектив, затягивающийся на долгие годы.

Изначально в Великобритании, как и в других европейских странах, захоронения осуществлялись при церквях. Первые упоминания об этом относятся к VIII в. Учет умерших не был аккуратным: церковь в первую очередь интересовали те, кто оставлял деньги на обустройство погребения, например на пристройку дополнительного придела, а заодно и поминальные молитвы.

Современные кладбища при церквях имеют, как правило, освященные участки, но в целом управляются гражданскими властями. Поэтому у стен церкви можно встретить могилу с изображением звезды Давида или несколько могил, повернутых в сторону Мекки.

Даже неполные списки далеко не всегда доходят до наших дней. Они либо сосредоточены в местных архивах, либо находятся в ведении местных властей. Чаще всего церковь такими данными не располагает. Зачастую о нахождении списков похороненных становится известно лишь после контакта со священником. Но бывает и повезет, когда и архив есть, и сам священник — энтузиаст либо просто отзывчивый человек и в свободный вечер не поленится пойти разыскать могилу, о которой его спрашивают.

Можно привести множество примеров, когда могила находится в самом плачевном состоянии: с утраченным крестом, с истершейся надписью на памятнике либо полностью заросла колючим кустарником и невидима со стороны. Так, буквально с риском для здоровья удалось энтузиастам сделать фотографии могилы с православным крестом на лондонском кладбище Бекенхем. После увеличения изображения на компьютере удалось прочесть имя Н. К. Кульчицкого — русского ученого, захоронение которого находилось в поиске много лет.

На могиле надгробия может и не быть. Нет никакого знака на могиле писателя и любителя приключений Сержа Золотухина, погибшего в шторме у Девонских берегов и там же похороненного [4]; гвардейца Владимира Молоховца (родственника известного автора кулинарных книг Елены Мо-

лоховец), эвакуировавшегося из Новороссийска и закончившего свою жизнь в Оксфорде; Александра Солдатенкова, секретаря российского консульства в Лондоне, ныне лежащего в необозначенной могиле в Крауборо (Восточный Сассекс). Таких случаев огромное количество. У некоторых есть родные, далеко не всегда проживающие в Великобритании. Кое-кто из них ищет места захоронения.

За первую половину XIX в. население Лондона более чем удвоилось — с одного до 2,3 млн. К началу XIX в. церковные погосты Великобритании перестали справляться с «нагрузкой», хоронить все новых умерших становилось негде. Разлагающиеся останки показывались на поверхности земли, заражали воду и способствовали распространению эпидемий. Как следствие, вдохновившись парижским опытом, британский парламент принял решение об основании в столице первых семи кладбищ, которые с легкой руки историка архитектуры Хью Меллера ныне известны как «великолепная семерка». Это Кензал Грин (основано в 1832 г.), Вест Норвуд (1836), Хайгейт (1839), Эбни Парк, Нанхед и Бромптон (все в 1840 г.) и кладбище Тауэр Хамлетс (1841) [5]. Эти и многие другие появившиеся впоследствии кладбища стали местом последнего упокоения русских эмигрантов. В основном они жили и умирали в городах.

Как указывалось выше, на нескольких лондонских кладбищах русские могилы встречаются чаще (фото 3, 4). Так, в Хайгейте недалеко от Карла Маркса похоронен сын композитора Сергея Прокофьева художник и скульптор Олег Сергеевич Прокофьев (1928—1998); автор романа «Бабий Яр» Анатолий Кузнецов (1929—1979) [6]; на кладбище Хэмпстед — балерины Тамара Карсавина (1885—1978) и ее подруга по Вагановскому училищу Лидия Кякшт (1885—1959)¹; на Кензал Грин — священник Яков Смирнов (1754—1840), спортсмен и коннозаводчик Дмитрий Салтыков (1828—1903);

Фото 3. Русские захоронения. Бромптонское кладбище, Лондон
Photo 3. Russian burials. Brompton Cemetery, London

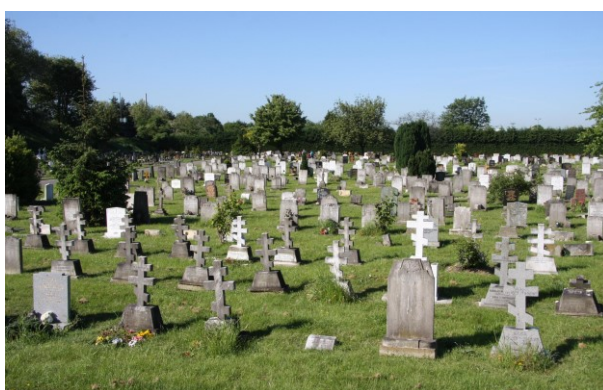

Фото 4. Русские могилы. Новое Чизвикское кладбище, Лондон
Photo 4. Russian graves. New Chiswick Cemetery, London

¹ На поиски захоронений Тамары Карсавиной и Лидии Кякшт ушло много лет. Казалось бы, артистки балета — известные личности, факт их захоронений подтверждался, а найти могилы не удавалось, пока не выяснилось, что они погребены под фамилиями мужей: Брюс (Карсавина) и Рагозина (Кякшт).

Фото 5. Могила митрополита Сурожского Антония.
Бромптонское кладбище, Лондон
Photo 5. The grave of Metropolitan Anthony of Sourozh.
Brompton Cemetery, London

Фото 6. Могила А. А. Григорьева,
преподавателя Королевской балетной школы.
Кладбище Ганнерсбери, Лондон
Photo 6. Grave of A. Grigoriev,
a teacher of the Royal Ballet School.
Gunnersbury Cemetery, London

на кладбище Бромптон — митрополит Сурожский Антоний (в миру Андрей Борисович Блум) (1914—2003), похоронен с матерью и бабушкой (фото 5); актрисы Нина Ванна (1899—1953) и Екатерина Корнакова (1895—1956); на кладбище Ганнерсбери — артисты балета Анатолий Григорьев (1949—2006) (фото 6) и Суламифь Мессерер (1908—2004). В Лондоне насчитывается около 35 кладбищ и русские могилы разбросаны практически по всем из них.

Работники далеко не всех кладбищ отвечают на звонки, письменные запросы и помогают при личной встрече. Но, даже если они и не прочь помочь, не всегда это легко. Из объемистых кладбищенских книг информация постепенно переносится в базы данных онлайн, в которых мы сталкиваемся с проблемами опечаток и вариативности написания. Все чаще в наши дни можно сделать интернет-запрос на поиск могилы на кладбище или даже нескольких кладбищах, находящихся в определенном районе, но при этом стоимость каждой заявки чрезвычайно высока. И даже зная название кладбища, где упокоился наш соотечественник, не всегда сразу удастся найти его могилу.

Так, после долгих поисков и переписки с самыми разными людьми удалось найти архивное объявление в газете, что похороны первого российского чемпиона по теннису Георгия Брея состоялись на кладбище Вест Норвуд 9 сентября 1954 г. Этот факт, казалось бы, подтверждала и семья внука чемпиона, проживающая в Австралии. А вот администрация кладбища не могла найти у себя в списках такого имени. Помог энтузиаст — человек, интересующийся спортивными персоналиями и имеющий доступ к кладбищенским книгам. Оказалось, что Брей был кремирован, и поэтому его данные проходили «по другому ведомству» — захоронение праха. Могила в конце концов нашлась, поклониться ей приехали внуки из Австралии и даже оплатили ее реставрацию.

Неожиданным оказалось место упокоения Ольги Новиковой (1840—1925), журналистки и сторонницы укрепления российско-английских связей: катакомбы,

впервые появившиеся на некоторых кладбищах Лондона в XIX в. Они как бы продолжали традиции захоронений в церковных криптах. На кладбище Кензал Грин построены три катакомбы, где на полках размещаются опломбированные гробы в тройной оболочке. Такое последнее прибежище

является более дорогим и престижным, чем захоронение в земле. Особенно его предпочитали неженатые и бездетные, кому не приходилось надеяться на семейный участок или мавзолей.

Появившиеся в начале XX в. в Великобритании крематории были непопулярными до начала Первой мировой войны. Первый крематорий, обслуживавший жителей Лондона, открылся в Уокинге (графство Сарри) в 1879 г., с 1885 г. в нем проходило по несколько кремаций в год. В 1895 г. там был кремирован революционер Сергей Степняк-Кравчинский, трагически погибший под колесами поезда.

Одним из крупнейших, известнейших и, можно сказать, престижных крематориев является Голдерс Грин (фото 7), открывшийся в 1902 г. Здесь в колумбарии хранится прах Зигмунда Фрейда и музыканта Марка Боленна, актера Питера Селлеса и автора «Дракулы» Брема Стокера. Здесь же — прах балерины Анны Павловой. Она высказала пожелание о кремации, увидев ритуал предания огню покойных в Индии.

Гораздо менее известен тот факт, что на полках колумбария есть и урны с прахом

Константина Набокова (1871—1927), дипломата и дяди писателя, балерины Серафимы Астафьевой (1876—1934), композитора Леонида Фейгина (1923—2009) и его супруги пианистки Галины Максимовой (1924—2004), революционера Арона Зунделевича (1852—1923) (фото 8), потомков чаеводчика В. Я. Высоцкого. Хочется сохранить память и о тех, чей прах развеян на лужайке крематория: журналисте Анатолии Байкалове (1882—1964), авторе книги «Я знал Сталина» [7]; «голосе» БиБиСи Анатолии Гольдберге (1910—1982); переводчике Самуиле Котелянском (1880—1955), а также о тех, кто был кремирован, но позже прах забрали наследники и где он, неизвестно — художнике-мозаичисте Борисе Анрепе (1883—1969), пианисте Бенно Мойсевиче (1890—1963).

Некоторые данные о могилах мы почерпнули из разного рода мемуаров. Так, «нашлись» родители оscarоносного актера Питера Устинова — Надежда, дочь петербургского архитектора Леонтия Бенуа (1896—1974), и Иона Устинов (1892—1962).

Фото 7. Крематорий Голдерс Грин, Лондон
Photo 7. Golders Green Crematorium, London

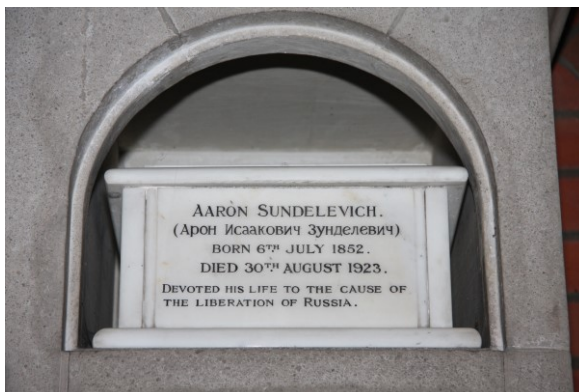

Фото 8. Захоронение революционера Арона Зунделевича.
Голдерс Грин, Лондон
Photo 8. The burial place of revolutionary Aron Zundeleovich.
Golders Green, London

В биографической книге о своем муже «Клоп» (семейное прозвище Ионы) Надежда рассказывает о забавном случае приобретения Устиновым-старшим своего будущего надгробного памятника у старьевщика в качестве «антиквариата» [8]. А Питер в своих воспоминаниях пишет о месте упокоения родителей в маленькой деревушке графства Глостешир [9]. Из книги киносценариста Мони Данишевского «Белый русский с красной рожей» [10] стало известно, что его мать похоронена на кладбище Объединенной синагоги в лондонском районе Уиллесден. На том же кладбище находится могила Григория Бененсона, деда основателя *Amnesty International* Питера Бененсона. Об этом рассказала в своих воспоминаниях «Из Баку на Бейкер стрит» Флора Соломон, его дочь [11]. О том, что могилу писателя Анатолия Кузнецова надо искать в нескольких шагах от величественного надгробного памятника Карлу Марксу, стало известно из книги его сына Алексея [12]. Правда, о том, что на могиле нет ни памятника, ни другого знака, в книге не сказано.

В некоторых случаях удастся выйти на след родных. Если они соглашались помочь (просьба не вмешиваться в частную жизнь была только однажды), поиск заметно ускорился. Так, найти могилы своих родственников нам помогли внук дирижера Юлия Иссерлиса, дочь публициста и историка

Георгия Каткова, дочь архитектора-модерниста Бертольда Любеткина (написавшая об отце проникновенную книгу) [13], племянник летчика Сергея Ульянина. Большое семейное захоронение Пастернаков мы нашли при содействии внуков художника Леонида Осиповича Пастернака, отца великого русского поэта Бориса Пастернака (фото 9).

Иногда приходится обращаться за помощью на популярные ныне генеалогические и исторические форумы в Интернете. Так были найдены могилы супруги художника Ивана Билибина — Марии Чэмберс-Билибиной и двоих их сыновей, первого российского чемпиона по теннису Георгия Брея, балерины Тамары Карсавиной.

Самый необыкновенный способ обнаружения могилы — это когда она сама находит тебя. Проходя могилы ряд за рядом, находишь те захоронения, которые, что называется, уже отчаялся найти (или следуя ошибочным сведениям, считаешь находящимися где-то в другой стране либо утраченными), либо открываешь для себя новые имена.

К таким чудесным находкам мы относим

могилы картографа Александра Агапеева (1902—1955), автора неразгаданного шифра; певицы Валентины Аксаровой (1894—1959); представителя партии трудовиков в первой Государственной думе Федора Аладьина (1873—1927); «железной» женщины Муры Будберг (1892—1974); дочери первого премьера Горского правительства Тапы Чермоева — Марианны Бикат (1921—1985); мецената Михаила Брайкевича (1874—1940); гистолога Николая Кульчицкого (1856—1925), теолога Надежды Городецкой (1901—1985), революционера Лазаря Гольденберга (1846—1916), семьи предводителя петербургского дворянства Зиновьева и многие другие.

Бывает и так, что, узнав, где находится интересующая нас могила, отправляешься на кладбище или сельский погост с целью ее сфотографировать и находишь расположенные поблизости неизвестные нам до этого

Фото 9. Семейное захоронение Пастернаков, Оксфорд
Photo 9. Pasternak Family Burial Ground, Oxford

другие русские могилы. Так нашлись могилы дочери маршала Маннергейма Анастасии (1893—1978), которая упокоилась вблизи великого князя Андрея Романова на подворье церкви Св. Марии в Нортоне (графство Кент); семьи Ананиевых, захороненной около княжны Юрьевской, дочери Александра II — близ церкви Св. Петра на полуострове Хейлинг в Хэмпшире; инженера Николая Ефремова (1876—1942) — там же, где и философа Петра Успенского (1878—1947), у церкви Святой Троицы в Лайне (графство Саррей); последнего министра земледелия Российской империи Александра Риттиха (1868—1930) — рядом с могилой последнего министра народного просвещения Кульчицкого, на лондонском кладбище Бекенхэм.

Иногда значимость очередного найденного имени становится очевидна не сразу. Требуется время и поиск в различных источниках, чтобы оценить роль найденной фигуры. Так, Мария Бритнева (1895—1964) оказалась автором нескольких книг [14] и матерью Марии Сент-Джаст, подруги драматурга Теннесси Уильямса; проживший недолгую жизнь Лев Черносвитов (1902—1945) — всемирно известным ученым-пульмонологом; Николай Ляхов (1897—1962) — кинологом, основавшим Британскую ассоциацию собак-поводырей; Евгений Молло (1904—1985) — коллекционером значков, консультировавшим кинематографистов по вопросам военных наградных знаков.

На некоторые могилы обратили наше внимание знакомые «тафофилы». Так мы узнали о захоронениях князя Н. М. Горчакова, скончавшегося в 1884 г. и похороненного на кладбище Кензал Грин; Павла Гудим-Левковича (1910—1984), упокоившегося на кладбище в Уиндлешаме (графство Саррей); первой могиле (до его перезахоронения на Новодевичьем кладбище в Москве в 1966 г.) на кладбище в Гринвиче друга и соратника Герцена Николая Огарева.

Факт, что поиск и сохранение могил — важный вопрос, подтверждает не только пример родных Брея, приехавших из Австралии поклониться своему предку, но и возрастающий поток писем, которые идут от родственников биолога Ашешова, доктора Перрота, актрисы Корнаковой, химика Балакшина и др. Они делятся информацией о своих родных и часто благодарят за найденную могилу. Были случаи, когда найденная могила помогла доселе неизвестным родным найти друг друга.

На сегодняшний день энтузиастами-поисковиками зарегистрировано более 6 000 мест захоронений наших соотечественников, и эта цифра постоянно растет. Поиск постоянно продолжается.

Список источников

1. Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917—1997 : в 6 т. М. : Пашков дом, 1999—2007.
2. Талалай М. Г. Российский некрополь в Италии. М. : Старая Басманная, 2014. 908 с. Серия «Российский некрополь».
3. Некрополь Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США) / под рук. и ред. протоиерея Владимира Цурикова. М., 2015. 264 с.
4. Zolo S. Sentenced to adventure: an autobiography. London : G. G. Harrap, [1936]. 283 p.
5. Mellor H., Parsons B. London Cemeteries: An Illustrated Guide and Gazetteer. Amersham : Avebury, 1981. 423 p.
6. Кузнецов А. Бабий Яр. М. : АСТ, 2022. 704 с. Серия «Памяти XX века».
7. Baikaloff A. V. I Knew Stalin Hardcover. London : Burns Oates, 1940. 142 p.
8. Benois N. Klop and the Ustinov Family. New York : Third Press, 1973. 256 p.
9. Устинов П. О себе любимом... Воспоминания. М. : Захаров : АСТ, 1999. 333 с.
10. Danischewsky M. White Russian — Red Face. London : Victor Gollancz Ltd., 1966. 192 p.
11. Baku to Baker Street: the memoirs of Flora Solomon. London : Collins, 1984. 240 p.

12. Кузнецов А. Между Гринвичем и Куреневкой: письма Анатолия Кузнецова матери из эмиграции в Киев. М. : Захаров, 2002. 208 с.
13. Kehoe L. In this dark house: a memoir. New York : Schocken Books, 1995. 232 p.
14. Britnieva M. One Woman's Story. New York : Alfred H. King, Inc. 287 p.

References

1. Nezabytye mogily: rossiyskoe zarubezh'e: nekrologi 1917—1997 [Unforgotten Graves: Russian Abroad: Obituaries 1917—1997]. Moscow, Pashkov dom, 1999—2007.
2. Talalay M.G. Rossiyskiy nekropol' v Italii [Russian necropolis in Italy]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2014. 908 s. Seriya "Rossiyskiy nekropol'".
3. Tsurikov V. (ed.) Nekropol' Svyato-Troitskogo monastyrya v Dzhordanville (shtat N'yu-York, SShA) [Necropolis of Holy Trinity Monastery in Jordanville (New York, USA)]. Moscow, 2015, 264 p.
4. Zolo S. Sentenced to adventure: an autobiography. London, G.G. Harrap, [1936], 283 p.
5. Mellor H., Parsons B. London Cemeteries: An Illustrated Guide and Gazetteer. Amersham, Avebury, 1981, 423 p.
6. Kuznetsov A. Babi Yar [Babi Yar]. Moscow, AST, 2022, 704 p.
7. Baikaloff A. V. I Knew Stalin Hardcover. London, Burns Oates, 1940, 142 p.
8. Benois N. Klop and the Ustinov Family. New York, Third Press, 1973, 256 p.
9. Ustinov P. O sebe lyubimom... Vospominaniya [About my beloved self... Memories]. Moscow, Zakharov, AST, 1999, 333 p.
10. Danischewsky M. White Russian — Red Face. London, Victor Gollancz Ltd., 1966, 192 p.
11. Baku to Baker Street: the memoirs of Flora Solomon. London, Collins, 1984, 240 p.
12. Kuznetsov A. Mezhdru Grinvichem i Kurenevkoj: pis'ma Anatoliya Kuznetsova materi iz emigratsii v Kiev [Between Greenwich and Kurenevka: Anatoly Kuznetsov's letters to his mother from exile in Kyiv]. Moscow, Zakharov, 2002, 208 p.
13. Kehoe L. In this dark house: a memoir. New York, Schocken Books, 1995, 232 p.
14. Britnieva M. One Woman's Story. New York, Alfred H. King, Inc., 287 p.

Информация об авторе

Смедегаард Юлия — независимый исследователь в области международного образования, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. E-mail: juliakeld@gmail.com

Information about the author

Julia Smedegaard — independent researcher in the field of international education, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. E-mail: juliakeld@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

Сохранение исторической памяти: русский след

Научная статья
УДК 94(450.251)-054.7(=161.1)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-63-81

Русский мир Милана: новое посещение

Михаил Григорьевич Талалай

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
talalaym@mail.ru

Аннотация. Статья¹ выявляет Русский мир Милана, северной столицы Италии, крупнейшего экономического и культурного центра Европы, как фактор влияния русских людей — деятелей культуры, исторических личностей и тех, чьи имена сохранились в памяти миланцев, на общественную, культурную и политическую жизнь города. Обращаясь к историческим местам, автор анализирует жизнь и вклад русских миланцев в развитие и процветание города в разные периоды — от освобождения Милана в 1799 г. до движения Сопротивления в годы Второй мировой войны, их участие в различных сферах деятельности. Также прослеживает жизнь русских эмигрантов первой волны, ставших жителями Милана.

Ключевые слова: Милан, Россия, Замок Сфорцеско, Палаццо Бельджойозо, Арка Мира, Ла Скала, «Русский институт», улица Сергея Кацмана, «Итальянский Сталинград», кладбище Маджоре

Для цитирования: Талалай М. Г. Русский мир Милана: новое посещение // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 63—81. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-63-81.

Preservation of historical memory: the Russian footprint

Original article

Russian world of Milan: a new visit

Michail G. Talalay

Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
talalaym@mail.ru

Abstract. The article¹ reveals the Russian world of Milan, the northern capital of Italy, the largest economic and cultural center of Europe, as a factor of influence of Russian people — cultural figures, historical personalities and those whose names are preserved in the memory of the Milanese, on the social, cultural and political life of the city. Turning to historical sites, the author analyzes the life and contribution of Russian Milanese to the development and prosperity of the city in different periods — from the liberation of Milan in 1799 to the Resistance movement during the Second World War, their participation in various spheres of activity. It also traces the lives of Russian emigrants of the first wave who became residents of Milan.

© Талалай М. Г., 2023

¹ Статья подготовлена на основе публикации: Талалай М. Г. Русский мир Милана : прогулки по историческим адресам. СПб. : ЛИК, 2011. 255 с. Автор вновь обращается к этому материалу, существенно его проработав: добавлены новые сведения, сюжеты, имена; приведены библиографические ссылки, которых прежде не было; изменен стиль изложения и прочее.

The article was prepared on the basis of the publication: Talalay M.G. Russian World of Milan: walks along historical addresses. St. Petersburg. LIK, 2011. 255 p. The author revisits this material, having substantially elaborated it: new information, stories, names are added; bibliographic references are given, which were not there before; the style of presentation has been changed, etc.

Keywords: Milan, Russia, Sforzesco Castle, Palazzo Belgioioso, Peace Arch, La Scala, "Russian Institute", Sergei Katzman Street, "Italian Stalingrad", Maggiore Cemetery

For citation: Talalay M.G. Russian world of Milan: a new visit. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):63—81. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-63-81.

Замок Сфорцеско (Castello Sforzesco)

Замок Сфорцеско связан с первыми посещениями русских Италии (фото 1). Первая делегация русских послов к герцогу Франческо Сфорце от великого князя Василия II (Темного) прибыла в 1461 г. В тот момент, после падения Византии, в Европе, заполненной греческими беженцами, опасались дальнейшего наступления мусульманского мира, рассматривая Московию как желательный заслон от угрозы с Востока. Визит в Милан 1461 г., возглавленный послом Николаем Ралевым (Ралли), греческого происхождения, вообще стал первым документированным дипломатическим контактом России и Италии.

Фото 1. Замок Сфорцеско (фото из открытых источников)
Photo 1. Sforzesco Castle (photo from open sources)

В 1486 г. стены замка Сфорцеско увидели новую делегацию москвитов во главе с Юрием (Георгием) Траханиотом, другим греком на русской службе. Он предоставил тогдашнему миланскому сеньору, герцогу Джангалеаццо Висконти, меморандум о Московии с целью завоевать уважение и поддержку видного западного союзника. Текст *Nota et continentia de le cose et Signore de Rossia*, хранимый сейчас в Миланском государственном архиве [1], стал первым политико-экономическим очерком о России на заре Нового времени [2]¹.

Палаццо Бельджойозо (Palazzo Belgioso)

На протяжении веков, прошедших с первых посещений Милана русскими послами, присутствие Русского мира укреплялось победами русского оружия, достижениями русской мысли, выдающимися талантами культуры и искусства, стойкостью русских людей в военные годы.

Так, в 1799 г. рамках Итальянского похода (Итальянская (точнее Итало-Швейцарская) кампания 1799 г. подробно описана в отечественной исто-

¹ Полный перевод сделан М. А. Гуковским [3].

риографии. [4]) победоносные суворовские войска освободили Ломбардию. О том как был взят Милан, существует интересное свидетельство атамана Адриана Денисова, которого 17 апреля на подходе к городу Суворов словесно командировал к австрийцам. Те испросили у Денисова письменный приказ, но он, не решаясь беспокоить фельдмаршала, не вернулся назад к Суворову, а отправился с казаками к городу. Высланная им к городским воротам команда Миронова обнаружила, что французы бежали (часть гарнизона засела в замке Сфорцеско) и «все жители с дружеским расположением на казаков смотрят». «Решился я занять город», — сообщает в своих записках атаман, пригласивший к воротам бургомистра («господина президента») и сказавший ему «учтиво, но с тоном победителя, что получено приказание занять Милан». «Мы с ним уговорились, что я через час буду входить в город и сверили для сего свои часы» [5, с. 628]. В итоге ключи от Милана принял все тот же Денисов, а австрийцы, которым он послал рапорт о сдаче города, заявили, что устали, и пришли во главе с Меласом в ломбардскую столицу лишь на следующий день. Миланцы приветливо встречали русско-австрийское войско, впрочем, не менее радушно они раньше встречали французов, однако республиканцы вели себя развязно и успели разочаровать горожан.

Живописных казаков прозвали «русскими капуцинами» из-за пышных бород. Суворов, как вспоминали очевидцы, вел себя, как обычно, весьма экстравагантно — христосовался с итальянцами (вход пришелся на православную Пасху), объясняя им по-итальянски, которым владел, что идет «возвращать католическую веру».

Накануне торжественного входа в Милан его принял архиепископ Филиппо Мария Висконти (1720—1801), поблагодаривший за освобождение Ломбардии. После триумфального марша русской армии по городу был отслужен в кафедральном соборе молебен *Te Deum*. Перед тем как отправиться на торжественный молебен в Дуомо Суворов посетил храм Сан Джорджо (Виа Торино, 56) помолиться св. Георгию Победоносцу, небесному покровителю христоролюбивого воинства. Согласно городскому преданию, полководец, войдя в храм, опустился на колени и поцеловал пол, а затем на коленях подполз к алтарю, где долго и истово молился.

В честь Суворова и союзников видный местный композитор Амброджо Минойя (1752—1825), позднее директор консерватории, написал на стихи Лоренцо Чичери, торжественную кантату, исполненную 25 мая 1799 г. в La Scala тенором Винченцо Алипранди. Правда, спустя шесть лет тот же композитор сочинил кантату в честь Наполеона и его коронации «железной короной» в Милане.

Суворов остановился в особняке семейства Бельджойозо всего на три дня: впереди был поход далее на запад, в Пьемонт, и новые победы (фото 2). Среди крестьянского населения, которое противилось якобинским реформам, возникло движение в поддержку Суворова с лозунгом *Viva Maria!* («Да здравствует Дева Мария!») — это движение называли «*massa cristiana*» («христианская масса»). Однако победоносное шествие Суворова, планировавшего дойти до Парижа, не устраивало венский кабинет, желавший с помощью России лишь поправить свои дела на Апеннинах, — в результате полководец был отозван в Петербург. А спустя год французы вернулись в Милан.

В мае 2011 г. в ознаменование Года русской культуры на фасаде особняка Бельджойозо была водружена мемориальная доска в память о русском полководце. Текст на доске, составленный с участием автора этих строк, гласил: «Во дворце Бельджойозо в апреле 1799 года останавливался фельдмаршал Александр Суворов, командовавший союзной русско-австрийской армией, освободившей в апреле—августе 1799 года Ломбардию и Пьемонт от французских завоевателей и сокрушивший миф о непобедимости армии

Наполеона Бонапарта». Однако после переговоров с миланской администрацией был утвержден другой вариант (в переводе с итальянского): «В этом дворце в 1799 г. генерал-фельдмаршал Александр Суворов, великий русский полководец, останавливался во время Ломбардо-Пьемонтской кампании». В итоге в тексте на появившейся памятной доске не нашлось места словам об освобождении Северной Италии и о разгроме французских оккупационных войск.

Фото 2. Палаццо Бельджойозо (фото из открытых источников)
Photo 2. Palazzo Belgioioso (photo from open sources)

Во время Итальянской кампании Суворова Наполеон, как известно, находился в Египте, однако уже в 1800 г. он возвращается на Апеннины и наносит австрийской армии, оставшейся без русского союзника, сокрушительный удар в битве при Маренго (14 июля). Начинается кровопролитная наполеоновская эпоха.

Арка Мира (Arco della Pace)

Один из главных символов Милана тех времен — Арка Мира, которая ограничивает с северо-запада просторный Симплонский парк (фото 3). Это самое известное миланское строение в стиле классицизма.

Арка имеет парадоксальную историю с троекратным изменением ее значения. Первоначально она должна была славить победы Наполеона, и ее проектировщик, миланец Луиджи Каньола, взял за образец триумфальные античные сооружения, в первую очередь арку Тита на римском Форуме. Сооружение памятника началось в 1807 г., в момент наивысшей славы корсиканца, местом его возведения символически избрали начало Симплонского проспекта — дороги, ведущей из Милана во Францию. К востоку от арки, также по первоначальному замыслу, соорудили Арену — огромный амфитеатр для разного рода парадных манифестаций.

Строительство триумфального ансамбля, в который вошли и два боковых таможенных павильона, затянулось. Когда в 1814 г. в Милане вспыхнул народный бунт против марионеточного правительства Евгения Богарне, ставленника Наполеона, австрийцы, объявив, что желают навести порядок, ввели войска в город. Их встречала недостроенная арка в честь потускневших побед Наполеона. Сам экс-император, поверженный, преимущественно российским оружием, к тому моменту уже был в ссылке на Эльбе, а затем еще дальше — на острове св. Елены. В 1826 г. австрийский император Франц I повелел достроить арку, ее перекрестили в Арку Мира в честь русско-австро-прусской коалиции, положившей конец наполеоновской экспансии. Первым делом «развернули» шестерку коней: первоначально они

должны были смотреть в сторону Франции, водрузили же их в противоположную сторону... А в 1820—1830-х гг. арка была украшена серией рельефов с изображением победоносных русских войск и триады государей-победителей: Александра I, Франца I Австрийского и Фридриха Прусского. В сценах конгрессов, битв, взятий городов хорошо узнаваемы русские воины и царь. Перед нами — иллюстрированная история освобождения Европы от Наполеона и заграничного похода российской армии в 1813—1814 гг. [6, с. 514—521].

Фото 3. Арка Мира (фото из открытых источников)
Photo 3. Peace Arch (photo from open sources)

В 1859 г. в Милан, сбросивший австрийское правление, вошли франко-итальянские войска, их встретила Арка Мира с хвалебными надписями в честь австрийцев и со сценами побед союзников над Францией. Победители ломать монумент не стали, как не стали уничтожать рельефы, но надписи все сбили и соорудили новые. Причем в текстах хитроумно все подали так, как будто восстанавливается первоначальный смысл арки: якобы уже первый ее строитель Наполеон I мечтал об объединенном Итальянском королевстве, и теперь с помощью племянника, Наполеона III, мечтаания эти воплотились. После такой операции были напрочь забыты рельефы, изображающие разгром Наполеона и триумф двух императоров — австрийского и русского.

Москворецкая улица (Via della Moscova)

Вдумчивым свидетелем наполеоновской эпохи стал один из миланских патрициев, маркиз Федерико Фаньяни. Его «Письма из Петербурга» — это настоящий клад сведений о России накануне Отечественной войны 1812 г. [7] Трезвый и мудрый посетитель восточной империи, он пришел к выводу о том, что Наполеон потерпит неизбежное поражение, если вздумает начать с ней войну. Именно это и рассердило главу французской империи — тогда он носил заодно и титул короля Италии. Корсиканец, всегда внимательно следивший за печатью, повелел неприятную для него книгу уничтожить. Однако Фаньяни, как известно, оказался прав, сделав, по его словам, «печальное предсказание». В начале наполеоновского правления

в Милане Фаньяни был осыпан милостями: от камергера он дорос до государственного советника, его наградили орденом Железной короны. Однако все изменилось после публикации «Писем о Петербурге», которые вышли в самый канун наполеоновской русской кампании.

«Письма» Фаньяни представляют собой рассказ о путешествии, которое знатный миланец совершил в октябре 1810 — марте 1811 г. В целом маркиз сохранил приятные воспоминания о русском народе: именно положительный образ России эпохи Александра I вместе с «печальным предсказанием» и вызвали гнев Наполеона.

Путешествие Фаньяни не было «интересу ради», как писал в предисловии автор: согласно одному архивному документу оказалось, что маркиз отправился в Петербург как разведчик вице-короля Евгения Богарне, пасынка Наполеона. Остается добавить, что он оказался одним из самых русофильских шпионов в истории западной разведки против России [8, с. 253].

Русская кампания Наполеона отразилась и в городских названиях. Одна из центральных миланских артерий, ограничивающая исторический центр с северной стороны, носит имя реки, на которой стоит древняя российская столица. Название от улицы перешло и в подземную ономастику: одна из станций миланского метрополитена на его «зеленой» линии так и называется «Moscova». Интересно, что итальянский язык разделил два топонима, совпадающие в русском оригинале: если «Москова» — это река, то город звучит как «Москва». Свое название Москворецкая улица получила, как это ни удивительно, в честь... эпохальной Бородинской битвы: в итальянской историографии, вслед за французской, она известна как битва Москворецкая, Battaglia della Moscova (франц. Bataille de la Moskova). Как известно, кровавая баталия 26 августа (7 сентября) 1812 г. не принесла явной победы ни одной из сторон: французский император якобы повторял, что «французы выказали себя достойными победы, а русские заслужили быть непобедимыми». Впрочем, Наполеон в целом считал победителем именно себя (а Кутузов — себя). Кроме французов при Бородине бились и их союзники-итальянцы — гвардейцы и пехотинцы, ведомые итальянским вице-королем Евгением Богарне, имевшим престол в Милане. В Бородинский день он выказал особую удачу, взяв после жестокой схватки со своими солдатами Багратиновы флеши и батарею Раевского. При отступлении же «великой армии» Богарне потерпел тяжкое поражение от Кутузова, в ноябре под Смоленском едва не став русским пленником после успешной атаки Милорадовича на его корпус (сражение под Красным). Когда же вице-король вернулся в Милан в 1813 г. и занялся мирными делами, то большую, благоустраиваемую им артерию, носившую имя по названию церкви — Via Sant' Angelo (Виа Сант-Анджело) — он повелел назвать Москворецкой — Via della Moscova (Виа делла Москова) в память о Бородинской битве. Тем самым монарх напоминал своим подданным о собственном героизме в далекой России. Это название улица имела всего год: после реставрации австрийского правления в 1814 г. ей вернули историческое имя Виа Сант-Анджело. Однако когда австрийцы, не без помощи французов, были изгнаны из Милана, городские власти вспомнили в 1860 г. о Бородинской битве, о «победе» Наполеона и Богарне, и в духе нового франко-итальянского альянса и недавней Крымской войны решили возобновить топоним «Via Moscova».

Палаццо Самойловой (Palazzo Samoyloff)

На тихой улице св. Андрея (Via S. Andrea) стоит особняк, название которого Palazzo Samoyloff во второй четверти XIX в. громко звучало в Европе. Его хозяйкой тогда была графиня Юлия Павловна Самойлова (1803—1875), дочь графа П. П. Палена и М. П. Скавронской, приемной дочери графа Юлия (Джулио) Литты, в честь которого и была названа Юлия Пав-

ловна. Поговаривали, что Юлия (в Европе ее звали Жюли) являлась ребенком Литты — этим, в частности, объясняли ее южные черты лица и экспансивный характер. Миланцы, впрочем, рассказывали, что ее отцом якобы был царь Александр I, а сама она была фавориткой его брата Николая I.

О семействе Литта в современном Милане напоминает особняк Palazzo Litta, расположенный на корсо Маджента, одной из центральных улиц, одним из обитателей которого был Джулио-Ренато Литта-Висконти-Арезе, ставший в России Юлием Помпеевичем. Один из самых ярких персонажей своей яркой эпохи, Джулио-Ренато родился в Милане в 1763 г. После обучения в иезуитском колледже он поступил на морскую службу при Мальтийском ордене и, когда Екатерина II подбирала кадры для российского флота, был рекомендован ей Великим магистром Ордена. Несмотря на разные перипетии, карьера Литты в России, казалось, не знала границ. Он сражался со шведами в правление Екатерины, занимался при Павле I военными делами, в частности организовал кавалергардский полк и мальтийские учреждения (при Павле он принял и российское подданство), вел многочисленные государственные проекты при Александре I и Николае I. Осыпанный разного рода российскими наградами и чинами, Литта скончался в своем особняке на Миллионной улице, 7, где прожил около 40 лет.

Выйдя замуж (неудачно) за графа Самойлова и продержав несколько лет салон в своем имении Графская Славянка, Жюли уехала в Милан, где устроила новый салон, один из самых блестящих в Италии той поры. Долгие годы Самойлова была близкой подругой, меценатом и даже моделью Карла Брюллова — неслучайно ее прозвали «итальянским солнцем» художника.

Унаследовав от графа Литты гигантское состояние, молодая графиня в 1827 г. приобрела особняк, который имел название *Palazzo Bigli*. Шумный дебют Жюли в миланском обществе состоялся 30 января 1828 г., когда она, одетая русской крестьянкой, произвела фурор на костюмированном бале в особняке венгерского магната Баттьани. Вскоре и сама графиня стала давать приемы, да с таким размахом, что они имели резонанс по всей Европе. Отзвуки были самого разного рода: в частности, правительство Николая I, недовольное расточительством своей подданной, решило заморозить ее банковские счета в России.

Самойлова уделяла особенное внимание музыкантам — среди ее протеже были знаменитый Винченцо Беллини и менее известный Джованни Пачини. В судьбе последнего — его именем, кстати, названа одна из улиц Милана (Via Giovanni Pacini) — она проявила особое участие, взяв на воспитание дочь композитора Амацилию Пачини после преждевременной кончины ее матери. «Девочка, держащаяся за металлические перила» (1832) — под таким именем Амацилия Пачини вошла в историю отечественного искусства, будучи изображенной на картине Брюллова в возрасте четырех лет. Странное имя Амацилия отец дал своей дочери по названию собственной одноименной оперы, написанной за несколько лет до рождения девочки. Одиннадцатилетняя Амацилия, приехавшая с приемной матерью в Петербург, попала на другое знаменитое полотно Брюллова — «Портрет графини Ю. П. Самойловой, удаляющейся с бала»¹.

В особняке Самойловой давал первые итальянские концерты Ференц Лист, тут бывали Верди, Россини, Доницетти.

Посмертной памяти графини не повезло — в первую очередь по политическим причинам: ее салон открывал свои двери для австрийцев и тех итальянцев, которые одобряли австрийское правление. Причем подобный выбор был вызван не столько идейной позицией хозяйки салона, сколько ее

¹ Название этой картины использовал В. С. Пикуль в названии своего биографического очерка о Ю. П. Самойловой — «Удаляющаяся с бала».

соперничеством с другими миланскими светскими львицами, в первую очередь с Кларой Маффей, державшей салон демонстративно антиавстрийский. В 1855 г. Самойлова покинула Милан и уехала в Париж, где скончалась в нищете.

Интересно, что парадный портрет ее деда Ю. П. Литты выставлен прямо напротив особняка Самойловой — в конференц-зале музея Рисорджименто. Портрет русского адмирала-миланца на фоне корабля с андреевским флагом был написан Антонио Виги в 1803 г. в Петербурге. Литта изображен в плаще кавалера Мальтийского ордена с орденами Св. Георгия 3-й степени (знак), Св. Иоанна Иерусалимского (знак) и Св. Александра Невского (звезда, лента).

Палаццо Марино (Palazzo Marino)

Напротив знаменитого театра La Scala (Ла Скала) высится грузный корпус Palazzo Marino, сохранившего в названии память о его строителе: роскошное здание возводилось начиная с 1553 г. по заказу богатого банкира-генуэзца Томмазо Марино (фото 4).

Фото 4. Палаццо Марино (фото из открытых источников)
Photo 4. Palazzo Marino (photo from open sources)

В первой половине XIX в. во дворце размещалась резиденция австрийских наместников. В 1840-х гг. в качестве хозяйки дворца тут обитала графиня Дария Федоровна фон Фикельмон (1804—1863), супруга австрийского дипломата Карла-Людвига (Шарля-Луи) фон Фикельмона, француза по происхождению.

Дочь Елизаветы Михайловны Тизенгаузен (урожденная Кутузова, следовательно, внучка Кутузова) и флигель-адъютанта Александра I графа Фердинанда фон Тизенгаузена, Дария, которую в свете называли Долли, — одна из самых блестящих женщин своего времени — хозяйка знаменитого петербургского салона и автор обстоятельных мемуаров (на французском). Мемуары были изданы в 1968 г. в Милане усилиями русистки Нины Михайловны Каухчишвили (Берлин, 1919 — Милан, 2010) [9]. Италию она знала весьма хорошо, так как провела юность во Флоренции, где ее отчим Н. Ф. Хитрово (близкий друг Пушкина) служил посланником при великом герцоге Тосканском. Вместе с австрийским мужем-дипломатом Долли попадает в Неаполь, а затем, после долгого петербургского периода, когда за-

всегдашними ее салона были Пушкин, Вяземский, Козлов и многие другие, — в Милан.

Австрийский дипломат был послан сюда в 1847 г. в качестве *adlatus*, т. е. наставника, или помощника, эрцгерцога Райнера, вице-короля Ломбардо-Венецианского королевства, который, по сути дела, являлся австрийским наместником, личным представителем канцлера Меттерниха и проводником его политики. Супруги поселились в Palazzo Marino, из окон которого им довелось наблюдать взрыв патриотического движения в январе 1848 г., после чего, в марте, они покинули ломбардскую столицу ради австрийской столицы Вены. Однако карьера Фикельмона быстро закатилась, в частности из-за его пророссийских взглядов: последние годы чета провела преимущественно в Венеции, замкнувшись в частной жизни. С 1860 г. после окончательного ухода из Ломбардии австрийцев в Palazzo Marino размещается миланский муниципалитет.

Галерея Виктора-Эммануила II (Galleria Vittorio Emanuele II)

В портиках Галереи Виктора-Эммануила II (Portici Galleria) (фото 5) под № 23 на рубеже XIX—XX вв. находилось известное среди миланского люда помещение — кабинет «докторши бедняков» (*la dottora dei poveri*), как ласково прозвали Анну Кулишеву, типичную российскую народницу. Ее настоящее имя — Анна Моисеевна Розенштейн. Она родилась в Симферополе 28 декабря 1853 г. (9 янв. 1854 г. н. ст.) в купеческой семье и, как многие девушки того времени, уехала получать высшее образование за границу, в Швейцарию, где сблизилась первоначально с анархистами, в первую очередь с итальянским последователем Михаила Бакунина Андреа Костой. Ради Косты она оставила своего первого мужа, тоже анархиста, П. М. Макаревича, выходца из херсонских дворян. В 1879 г. вместе с итальянскими революционерами Кулишева предстала перед судом во Флоренции по обвинению в заговоре против государства, но была оправдана. Она остается в Италии, изучает медицину, сближается, оставив Андреа Косту, с Филиппо Турати, одним из основателей итальянского социалистического движения, и с 1879 г. обосновывается — уже на всю жизнь — в Милане.

Фото 5. Галерея Виктора-Эммануила II (фото из открытых источников)
Photo 5. Gallery of Victor Emmanuel II (photo from open sources)

Поселившись в доме при портиках Галереи, она устраивает тут и врачебный кабинет, и социалистический салон, принимая на ставшем знаменитым зеленом диване, у самовара, представителей самых разных слоев городского общества. Помимо медицинской практики, она издает журнал *Critica sociale* («Общественная критика»). Кабинет Кулишевой находится под «колпаком» полиции, несколько месяцев в 1898 г. она проводит и в тюрьме, но затем власти вынуждены ее отпустить. Позднее Кулишева разрабатывает и проводит через социалистов в парламенте ряд важных законов, в том числе о защите труда женщин и малолетних. Она борется и за избирательные права женщин, встречая непонимание среди других социалистов.

В 1912 г. Кулишева основывает еще один журнал — *La difesa delle lavoratrici* («Защита работниц»). Ее деятельность вызывает восхищение в левых кругах. Так, известный итальянский философ Антонио Лабриола утверждал в письме к Фридриху Энгельсу в 1893 г., что в Милане «единственный мужчина — это женщина, по фамилии Кулишева». Публичные похороны Кулишевой, умершей 27 декабря 1925 г., были отмечены стычками — фашисты пытались сорвать с ее катафалка венки с траурными надписями. У нее осталась дочь Андреина, названная в честь отца — анархиста Андреа Косты; внук русской революционерки стал аббатом бенедиктинского монастыря, а внучка — членом монашеского Ордена босоногих кармелитанок.

В Милане имя Кулишевой памятно многим: в честь нее названа улица, водружена мемориальная доска, снят художественный фильм (режиссер Роберто Гвиччардини, 1981 г., в роли Кулишевой — Марина Мальфатти).

Джулио Полотти (1924—1999), синдикалист, один из «отцов города» и поклонник русской народницы, собрав многие ее реликвии, учредил особый фонд Кулишевой (Fondazione Anna Kuliscioff) — сейчас он расположен на Via Valazze (Виа Валлацце, 34). Помимо разного рода реликвий, здесь собрана библиотека в 35 тыс. томов и материалы по истории социалистического движения в Италии.

С Кулишевой сотрудничала ее соотечественница и младшая соратница по социалистическому движению Анжелика Исааковна Балабанова (Чернигов, 1878 — Рим, 1965). На рубеже XIX и XX вв. она также оказалась студенткой в Европе, попав в ближайшее окружение Г. В. Плеханова. Ко времени ее пребывания в Швейцарии относится знакомство с Бенито Муссолини: с помощью Балабановой он осваивал азы революционных теорий того времени, а затем с 1912 г. они вместе издавали в Милане социалистическую газету *Avanti!* (Муссолини вышел из социалистической партии по требованию Балабановой в 1914 г.) Вернувшись осенью 1918 г. в Россию, она работала в Коминтерне, но разочаровалась в большевизме после подавления Кронштадтского восстания (1921) и опять уехала в Италию. После утверждения Муссолини во власти и вынужденной эмиграции (1926), по окончании Второй мировой войны Балабанова опять обосновалась в Италии, сделав выбор в пользу социал-демократической партии.

Итальянский исследователь Д. Аннаратоне свел биографии обеих россиянок под одну обложку [10].

Театр Ла Скала (Teatro alla Scala)

Рассказ о параде отечественных мастеров на сцене *La Scala* (фото 6) следует начать с Федора Шаляпина. Он завоевал миланскую сцену сначала в 1901 г. в опере Арриго Бойто «Мефистофель», чуть скромнее было его выступление в «Фаусте» Шарля Гуно в 1904 г. и триумфальным в роли царя Бориса в опере Мусоргского в 1909 г. Миланские выступления 1909 г. наблюдал писатель Александр Амфитеатров, живший тогда в самоизгнании в Лигурии. Он писал: «Великую победу одержало русское искусство „Борисом Годуновым“. Успех был огромный, неслыханный в чинной и сдержанной Scala. Итальянцы ходили в антракте восторженные и ошалелые

и — что удивительно — поняли дух и значение „Бориса”. Очень было интересно и трогательно. Каюсь: благо темно было в зале, весь спектакль с мокрыми глазами просидел. Федор был превосходен. Итальянцы очарованно говорили, что на оперной сцене подобного исполнения никогда не имели» [11].

Фото 6. Театр Ла Скала (фото из открытых источников)
Photo 6. La Scala Theater (photo from open sources)

В 1930 г. Шаляпин вновь в *La Scala*, где на спектакле присутствует и Габриэле д’Аннунцио, который пишет, что, несмотря на период «жесточкого одиночества (и иногда безумия)», он «мчится в Милан на своей самой быстрой машине», дабы услышать «человеческий и сверхчеловеческий голос» Шаляпина. В 1933 г., уже на закате артистической карьеры, Шаляпин вновь выступает перед миланской публикой, прекрасно исполнив роль до-на Базилио в «Севильском цирюльнике» Россини. Заметим, что первая жена певца, балерина Иола Торнаги, родилась под Миланом, в городке Монца. Она имела от Шаляпина шестерых детей. Брак с Иолой закончился разрывом и новой женитьбой Шаляпина. Иола вернулась в Италию и некоторое время жила с детьми Шаляпина в Милане.

В 1904—1906 гг. в *La Scala* блестяще выступал Леонид Собинов («Дон Паскуале» Доницетти и «Фра-Дьяволо» Обера). В местной прессе о нем писали: «Собинов — элегантный тенор... В „Дон Паскуале” он пел с грацией, нежностью, легкостью, которые, уже начиная с первой сцены, завоевали ему всеобщее расположение публики. У него голос чистейшего тембра, ровный, глубоко западающий в душу, голос редкий и драгоценный, которым он управляет и моделирует с большим искусством, интеллигентностью и вкусом» [12].

История *La Scala* неразрывно связана также и с русским балетом, в том числе с труппой Дягилева, которая впервые выступила на «скалигерской» сцене в январе 1911 г. со спектаклями «Клеопатра» и «Шехерезада» (хореограф М. Фокин, сценограф Л. Бакст). Танцевали Ида Рубинштейн, Вера Фокина, Ольга Преображенская. Эти постановки вызвали в Милане широкую полемику, названную «фокинеида», между сторонниками новаторского и традиционного искусства. Дягилевская труппа триумфально вернулась

в Милан в 1920 г., когда возобновились прерванные войной и революцией спектакли, привезя 14 балетов со сценографией А. Бенуа, М. Добужинского, Н. Рериха. В 1926 г. тут вторично был показан «Петрушка» Стравинского, а в 1927 г. дягилевский балет в последний раз побывал в Милане с четырьмя спектаклями. Миланский театр чествовал Дягилева двумя монографическими выставками в своих помещениях — в 1972 и 2010 г.

В 1921 г. *La Scala* приглашает сценографа Виктора Журова (псевдоним — Витторио Андога) и педагога балетной школы Ольгу Преображенскую. Среди других мастеров в 1920—1940-х гг. сюда приезжали певцы Григорий Мельник, Александр Веселовский, Евгений Ждановский, дирижеры Эмиль Купер и Даниил Амфитеатров, постановщики Александр Санин («Хованщина», 1925; «Борис Годунов», 1927, 1930 и 1946; «Царь Салтан», 1929; «Сорочинская ярмарка», 1942) и Петр Шаров («Князь Игорь», 1940); виолончелист Максим Амфитеатров, сын писателя. Следует отметить имена русских мастеров, прочно связавших свою жизнь с Миланом, певицы Анжелики Кравченко, сценографов Николая Бенуа и Георгия Шильдяна, танцовщицы, выступавшей под псевдонимом *Iia Ruskaja*¹ (настоящее имя — Евгения Федоровна Борисенко). Е. Борисенко, дочь офицера белой армии, бежала с семьей через Константинополь в Италию, где после нескольких лет проведенных в Риме в 1927 г. обосновалась в Милане — уже с псевдонимом, навеянным успехами русских балетов Дягилева. В Милане она познакомилась с редактором газеты *Corriere della Sera* Альдо Борелли и вышла за него замуж. После первых миланских дебютов Борисенко выступает в Teatro dell'Esposizione («Выставочный театр») и Teatro Dal Verme (театр Даль Верме), а в 1932 г. приходит в качестве балетмейстера в *La Scala*. В 1934 г. она открыла свою собственную школу, о которой *Corriere della Sera* сообщала: «Искусство, страсть и упорство Я Руская делают из этих заботливо отобранных учениц основу для появления современных танцовщиц, подготовленных музыкально, интеллектуально и физически к воплощению танцев античного стиля, привлекательных и возвышенных в силу присущего вкуса и утонченности».

С миланским театром связана деятельность Николая Александровича Бенуа (Ораниенбаум, 1901 — Милан, 1988). Сын знаменитого художника и искусствоведа, он выехал из Советской России в командировку в 1924 г. во Францию, но, познакомившись в Париже с режиссером А. Саниным, принимает его предложение ехать в Милан ради постановки в *La Scala* «Хованщины» М. Мусоргского. После нескольких лет в Риме окончательно обосновывается в Милане, где в 1937 г. становится директором художественно-постановочной части, занимая эту должность до 1970 г. В общей сложности Бенуа проработал тут почти полвека. За этот период он создает декорации и костюмы почти для 130 спектаклей, в том числе связанных с русской культурой: «Хованщина» (1926, 1949 и 1967), «Борис Годунов» (1927, 1949 и 1967) и «Сорочинская ярмарка» (1955) М. Мусоргского; «Преступление и наказание» (1927) А. Педролло; «Сказка о царе Салтане» (1929), «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» (1933 и 1951) и «Садко» (1938) Н. Римского-Корсакова; «Раскольников» (1950) Г. Зутермейстера; «Спящая красавица» (1939) и «Пиковая дама» (1961) П. Чайковского и др. Среди его нововведений — специальная костюмерная мастерская и широкое сотрудничество с видными живописцами Де Кирико, Карра, Шильдяном. В 1964 г. после сорокалетнего отсутствия он едет с триумфальными гастролями *La Scala* в СССР.

¹ Псевдоним *Iia Ruskaja*, предложенный итальянским художником, фотографом, кинорежиссером и театральным деятелем Антонио Джулио Брагалля, представляет собой транскрипцию фразы «Я русская», в связи с чем употребление в данном псевдониме имени Ия неправомерно и с точки зрения заложенного смысла, и с точки зрения точности транскрипции, поскольку греческое имя Ия в итальянском языке имеет форму *Ia* (примеч. ред.).

В 1990 г. на доме, где жил Н. А. Бенуа, — пьятца Мария-Аделаиде, 2 — по инициативе Советского фонда культуры водружена мемориальная доска, а к 10-летию со дня кончины маэстро в фойе театра развернули фотовыставку в его честь. Снимки, запечатлевшие Бенуа с Тосканини, Марией Каллас, фон Караяном, Бернштейном, были подверстаны под гигантскими цветными изображениями его миланской студии, уставленной русскими вещами и увешанной картинами отечественных мастеров — многие из них Николай Александрович пожертвовал в музей семьи Бенуа в Петергофе [13].

Видимые знаки русской культуры присутствуют также в музее *La Scala*. Особенный интерес представляет великолепный портрет в полный рост певицы Джудитты Пасты в роли Анны Болейн, написанный Карлом Брюлловым. Среди других любопытных экспонатов упомянем подготовительную модель памятника Джакомо Пуччини, сделанную в 1925 г. Паоло (Павлом Петровичем) Трубецким, и находящийся в том же зале портрет Рудольфа Нуреева (художник Аттило Мело). В 1960—1970-х гг. миланцев неоднократно восхищало искусство Рудольфа Нуреева, названного позднее «последней легендой балета». Он дебютировал в Милане в 1965 г. в роли Ромео в спектакле на музыку А. Прокофьева, а в последний раз выступил тут в 1980 г. («Дон Кихот» Л. Минкуса).

«Русский институт» (*Istituto Russo*)

Милан стал очагом русской политэмиграции задолго до революционного взрыва 1905—1917 гг. Так, в 1881 г. тут обосновался революционер Сергей Кравчинский. Скрываясь в Швейцарии от слежки царской полиции, он пешком перешел через Альпы и поселился (под чужим именем) в Милане, где итальянские сподвижники заказали ему серию статей о русском революционном движении. С ноября 1881 г. читатели миланской газеты *Pungolo* («Жало») начали знакомиться с серией статей *La Russia sotterranea* («Подпольная Россия»), подписанных псевдонимом Степняк, о русском революционном движении. Они вызвали большой интерес у читателей, и издатель решил вскоре выпустить их отдельной книгой, которая вышла весной 1882 г. в Милане [14], в короткий срок она была переведена на многие языки мира.

После Февральской революции 1917 г. российские политэмигранты, которые по разным причинам не вернулись в Россию, решили устроить в Милане ассоциацию дружбы двух наций. Одновременно в Петрограде было учреждено Общество нового интеллектуального и экономического сближения России и Италии, основанное такими деятелями, как юрист В. М. Гессен, экономисты П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, В. А. Мукосеев и М. И. Боголепов, издатель М. И. Кричевский. Для создания итальянского филиала общества, названного «Русский институт» (*Istituto Russo*), был избран Милан как промышленный локомотив страны, а в президенты института пригласили публициста К. Л. Вейдемюллера, писавшего в эмиграции под псевдонимом Михаил Днепров.

Учреждение, для которого сняли помещение вблизи замка Сфорцеско, должно было «вести активную работу по распространению знаний об Италии в России и предоставлению Италии точных сведений о моральном, интеллектуальном и экономическом облике сегодняшней России, а также установить отношения между двумя странами на научных и честных основах» [15, с. 582]. Крупной удачей института было получение источника финансирования из средств павшего царского правительства, размещенных в миланских банках. Структура его включала экономический отдел (сотрудники — Иван Гриненко, специалист по сельскому хозяйству; Анна Айзенштадт, преподавательница петербургских Бестужевских курсов и супруга Вейдемюллера) и отдел печати (Валентин Фомин). «Русский институт»

исследовал промышленность и итальянскую экономику (в Милане было обследовано множество фабрик и заводов), публиковал обзоры прессы, помогал налаживанию двусторонних связей. Его по праву можно считать предшественником современной Торгово-промышленной палаты, действующей сегодня в Милане.

В 1918 г. «Русский институт» переехал в Рим для лучшего взаимодействия с российским посольством; его проекты ненадолго продолжила учрежденная тогда же «Итальянская касса кредитования и помощи русским, проживающим в Италии». В 1921 г. «Русский институт» упразднили из-за нехватки фондов. Карл Вейдемюллер с женой в 1925 г. вернулись в СССР. Иван Гриненко остался в Италии, преподавал в Риме русский и украинский языки, в качестве советолога писал публицистические статьи. Валентин Фомин стал известен как автор популярного итало-русского словаря, составленного впервые в 1917 г. и выдержавшего ряд переизданий в миланском издательстве *Noepi*.

«Русская колония в Северной Италии»

В 1920-х гг. эмигранты первой волны предприняли несколько попыток наладить свою жизнь. Сначала в октябре 1922 г. при деятельном участии Наталии Дмитриевны Барановской (Московская губ., 1885 — Милан, 1963), поселившейся в Милане еще до революции и имевшей тут антикварный магазин, было учреждено Общество помощи нуждающимся русским в Милане. Заявленных им целей «оказания нравственного и материального содействия соотечественникам, которые оказались в Италии в нужде, отрезаны от Родины и лишены какой бы то ни было дипломатической защиты» [16, с. 484] достичь, однако, не удалось из-за отсутствия средств. Барановская стояла у истоков следующего, более долговечного учреждения — общества «Русская колония в Северной Италии». В его уставе, утвержденном в 1925 г., было написано: «...целью и предметом деятельности Общества является взаимная помощь, подъем духа и улучшение экономического положения членов Колонии; защита общественных, профессиональных и частных интересов русских эмигрантов — членов Колонии; забота об удовлетворении духовных, научных и культурных чаяний и здорового национального чувства и любви к Родине среди членов Колонии и молодых поколений русских людей, которые живут и растут за пределами России ...борьба в рамках закона с бедственным, нестабильным и несправедливым положением, в котором в настоящий момент находятся русские эмигранты — члены Колонии» [17, с. 482—483]. Среди видных деятелей этой общественной организации — отец и дочь Константин и Екатерина Черные, брат и сестра князя Александр и Мария Эристовы и их кузен Георгий Эристов (известный поэт), графиня Мария Нарышкина, князь Владимир Туманов и др. С 1934 г. «Русскую колонию» возглавил Степан Рябушинский (Москва, 1874 — Милан, 1942), один из самых знаменитых старообрядческих купцов и меценатов дореволюционной России, владелец известного особняка на Малой Никитской улице постройки Ф. Шехтеля (ныне музей-квартира А. М. Горького). С началом Второй мировой войны «Колония» прекратила свою деятельность, за исключением ее библиотеки. После смерти директора библиотеки Сотникова и она закрылась.

Православная община в Милане

С русским исходом связана история православной общины в Милане, начавшаяся в 1924 г., когда эмигранты договорились о возможности богослужений в англиканской церкви на Via Solferino (Виа Сольферино): британцы дважды в месяц любезно предоставляли русским такую возможность. На Крещенский праздник 1924 г. из Флоренции был приглашен о. Михаил Стельмашенко, привезший с собой и церковную утварь. Украшению сурового англиканского интерьера поспособствовал и некий рус-

ский антиквар (вероятно, Н. Д. Барановская), доставивший на богослужения разные предметы «пышного схизматического [sic!] обряда», как писал анонимный корреспондент газеты *Corriere della Sera* в статье «Крещенский праздник русских беженцев в англиканской церкви» от 23 января 1924 г. Среди прихожан находились «дамы, некогда известные своим богатством и светскостью, еще в мехах, впрочем, полинявших... женщины-буржуа, студенты, художники, преподаватели», обменивавшиеся «краткими и бледными улыбками». Для контраста автор заметки, видимо, хорошо знакомый с русскими колониями в Италии, напомнил читателям о знаменитом храме во Флоренции, возведенном «русскими князьями, любителями пожить на берегах Арно», противопоставляя им обездоленных миланских беженцев, вынужденных «молиться в чужом доме» [18, р. 5].

Русские миланцы, действительно, хотели иметь собственный «дом молитвы» и, несмотря на трудности, этого добились. О рождении новой церковной инициативы сообщает в своих воспоминаниях митрополит Евлогий (Георгиевский): «Еще в 24 году в Милане образовался церковный комитет и стал хлопотать об организации богослужения. <...> Я дал распоряжение настоятелю нашей Флорентийской церкви о. Стельмашенко съездить в Милан, созвать приходское собрание и организовать приписную ко Флоренции общинку. Так общинкой миланское церковное объединение до 30-х годов и продержалось» [19, с. 465—466]. Миланская церковь была посвящена святителю Николаю Чудотворцу: возможно, при этом учли то обстоятельство, что мощи святителя находятся в Италии, а может быть, таким образом была воплощена память о последнем императоре.

На убранство храма, расположенного на улице Via Procaccini (Виа Прокаччини), в начальный период пожертвовала средства эмигрантка Е. А. Абрамова, получившая за это в 1931 г. архипастырское благословение от преосвященного Евлогия, так же как и староста прихода инженер В. А. Князев и казначей А. П. Рыжов. В те годы миланская православная община считалась самой крупной в Италии (после римской), насчитывала почти 400 человек.

Первые годы в Милане постоянных богослужений не проводилось: священники наезжали из Флоренции — сначала о. Михаил (Стельмашенко), а с 1926 г. о. Иоанн (Лелюхин). Нужда в священниках у эмигрантов была большой, и удовлетворять ее получалось с трудом. В 1930 г. в Милане впервые обосновался собственный настоятель: им стал протоиерей о. Владимир (Соколов). Именно о. Владимир устроил первую постоянную русскую церковь на улице Via Giulio Cesare Procaccini (Виа Джулио Чезаре Прокаччини), 14, недалеко от Монументального кладбища.

Следующим миланским священником стал о. Иоанн (Куракин). Он сумел поднять приходскую жизнь на достойный уровень. Нового священника стали приглашать в другие города. Две русские общинки — дореволюционная в Мерано (Южный Тироль) и эмигрантская в Генуе, им опекаемые, были приписаны к приходу в Милане.

В 1935 г. о. Иоанн покинул Ломбардию — его ждала другая, более аристократическая и благополучная община во Флоренции. Миланский приход в тот момент возглавил о. Аполлон (Сморжевский) (1876—1962), уроженец Кременца, сыгравший затем видную роль в православной жизни на севере Апеннин. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, бывший преподаватель Виленской духовной семинарии, он стал священником уже в эмиграции. «Пожилой человек, опытный, солидный, о. Сморжевский был хорошим, влиятельным священником» [19, с. 466], уделявшим внимание просветительской деятельности и обустроившим церковь в более просторном и удобном помещении на улице Via Ponchielli (Виа Понкиелли) [20, с. 157—161].

В те же годы в Милане началась деятельность П. В. Спасского (1896—1968), одного из лучших регентов русской эмиграции. В 1924—1927 гг. он изучал юриспруденцию в Миланском католическом университете *Sacre Cuore*, а заодно прошел школу оперного пения. В 1927 г. Спасский был делегирован миланским приходом на епархиальный съезд в Париж, куда вскоре переселился. Впоследствии он стал там руководителем митрополичьего хора русского кафедрального собора св. Александра Невского. Другой выпускник католического университета Л. Я. Ганчиков сделал в Италии успешную академическую карьеру, закончив ее в должности заведующего славянской кафедрой Пизанского университета. Он также известен как автор сборника религиозно-философских очерков *Orientamenti dello spirito russo* (1958) [21].

Улица Сергея Кацмана (Via Sergio Kasman)

Когда в итальянском обществе началось движение Сопротивления, одним из первых его участников стал Сергей Кацман (Sergio Kasman), сын русского эмигранта. Родившийся уже в Италии, своей настоящей родиной он считал Россию, писал о ней стихи. Осенью 1943 г. он включился в подпольную борьбу, но попал в засаду и был убит на площади Лаватер. По окончании войны на площади была установлена мемориальная доска. Именем Сергея Касмана названа улица — Via Sergio Kasman.

«Итальянский Сталинград» («Stalingrado d'Italia»)

Промышленное предместье Милана — Sesto San Giovanni (Сесто-Сан-Джованни) знаменито своими сталелитейными и машиностроительными гигантами, которые в общей сложности составляли одну пятую всей тяжелой промышленности Италии. Среди них особенно славился колосс *Breda*, не раз выполнявший сложные заказы и для СССР, даже при Муссолини. В начале 1930-х гг., к примеру, на филиале *Breda* в Местре было построено несколько рыболовецких судов. Уже в 1970-х гг. этот миланский завод поставил навигационное оборудование для ленинградского порта.

В 1943 г. произошла эпохальная битва под Сталинградом, переломившая ход Второй мировой войны, Сталинград из топонима превратился в символ победы над фашизмом. В 1943—1944 гг. Сесто-Сан-Джованни охватили массовые забастовки, которые подавить не удалось, несмотря на аресты и массовые депортации в лагеря. Рабочий люд продолжал самоотверженно поддерживать сопротивление фашизму, за что в последующем предместье получило военную награду — Золотую медаль как «читатель сопротивления нацифашизму» (1971). Кроме того, в первые послевоенные годы в местном муниципалитете возобладали левые и левоцентристские силы — все это и привело к утверждению за предместьем эпитета Stalingrado d'Italia («итальянский Сталинград»).

Кладбище Маджоре (Cimitero Maggiore)

В Милане и Ломбардии действовало немало русских партизан и подпольщиков. Среди них были внуки старообрядца Степана Рябушинского, сестры Рыжовы. На общей могиле нескольких павших соотечественников на миланском кладбище Маджоре установлена стела, на которой изображен итальянский и советские бойцы на фоне московского Кремля и миланского Дуомо (фото 7).

Фото 7. Кладбище Маджоре (фото из открытых источников)
Photo 7. Cemetery Maggiore (photo from open sources)

В завершение можно сказать, что это далеко не полный список русских имен, запечатленных в названиях улиц и связанных со зданиями Милана, но они, несомненно, позволяют констатировать присутствие и влияние Русского мира. Милан хранит память о выдающихся событиях и людях, связанных с русской историей и культурой, ставших частью атмосферы, жизни и славы города.

Список источников

1. Archivio di Stato di Milano. Archivio Sforzesco. Registro Ducale. No 214. F. 170t—172t.
2. Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari : Adriatic, 1957. 95 s.
3. Гуковский М. А. Сообщение о России московского посла в Милан (1486) // Труды Ленинградского отделения Института истории. Вып. 5. Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М. ; Л., 1963. С. 652—655.
4. Итальянский поход Суворова: взгляд из Италии / сост., пер., науч. ред. М. Г. Талалай. СПб. : Алетей, 2021. 128 с.
5. Записки донского атамана Денисова. 1763—1841 // Русская старина. 1874. № 12. С. 628.
6. Талалай М. Г. Забытый итальянский памятник российской победе над Наполеоном: арка Мира в Милане // Россия — Италия: общие ценности : сб. науч. ст. XVII Царскосельской конф. / Государственный музей-заповедник «Царское Село». СПб. : Серебряный век, 2011. С. 514—521.
7. Федерико Ф. Письма из Петербурга 1810—1811 годов / пер. И. С. Константиновой. СПб. : Лики России, 2009. 296 с.
8. Тави Л. Федерико Фаньяни и его путешествие в Петербург в 1810—1811 годах // Итальянцы в России от Древней Руси до наших дней. Россия и Италия. Вып. 6 / отв. ред. Е. С. Токарева, М. Г. Талалай. М. : Ленанд (URSS), 2015. С. 245—256.
9. Il diario di Dar'ja Fëdorovna Ficquelmont [/ a cura di N. Kauchtschischwili. Milano : Vita e pensiero, 1968. 227 p.
10. Annaratone D. Due rivoluzionarie russe in Italia: A. Kuliscioff e Angelica Balabanov a confronto. Milano : Libreria CLUP, 2003. 172 p.
11. Амфитеатров А. В. — Горькому М., Милан, 15 или 16 янв. 1909 г. // Горький Максим : [сайт]. URL: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/letters/letter-123.htm> (дата обращения: 03.02.2024).
12. Леонид Витальевич Собинов. Оперный певец // Радио «Благо». 2017. 7 июня. URL: <https://www.radioblago.ru/vremyakultury/leonid-sobinov> (дата обращения: 03.02.2024).

13. Новикова-Нава В. Николай Бenuа: из Петербурга в Милан с театром в сердце. СПб. : Алетейя, 2021. 208 с.
14. Stepniak. La Russia sotterranea: profili e bozzetti rivoluzionari dal vero / con prefazione di P. Lavroff. Milano : Fratelli Treves, 1882. 290 p.
15. Аккаттоли А. Русский институт // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века : энцикл. М. : Полит. энцикл., 2019. С. 582.
16. Мащукелли С. Общество помощи нуждающимся русским в Милане // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века : энцикл. М. : Полит. энцикл., 2019. С. 484.
17. Мащукелли С. Общество «Русская колония в Северной Италии» // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века : энцикл. М. : Полит. энцикл., 2019. С. 482—483.
18. L'Epifania dei profughi russi nella chiesa anglicana // Corriere della Sera. 1924. 23 gen. P. 5.
19. Путь моей жизни: воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж : YMCA-press, Сор. 1947. 677 с.
20. Талалай М. Г. Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб. : Коло, 2011. 400 с.
21. Ганчиков Л. Я. О направлениях русского духа / пер. и науч. ред. М. Г. Талалай. М. : Индрик, 2018. 264 с.

References

1. Archivio di Stato di Milano [State Archives of Milan]. Archivio Sforzesco, Registro Ducale, no 214, coll. 170t—172t.
2. Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento [Milan and Moscow in the politics of the Renaissance]. Bari, Adriatic, 1957, 95 p.
3. Gukovskiy M.A. Soobshchenie o Rossii moskovskogo posla v Milan (1486) [Report on Russia by the Moscow ambassador to Milan (1486)], *Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii, issue 5, voprosy istoriografii i istochnikovedeniya istorii SSSR. [Proceedings of the Leningrad Branch of the Institute of History. Vyp. 5. Issues of historiography and source study of the history of the USSR]*. Moscow, Leningrad, 1963, p. 652—655.
4. Talalay M.G. (ed.) Ital'yanskiy pokhod Suvorova: vzglyad iz Italii [Suvorov's Italian campaign: a view from Italy]. Saint Petersburg, Aleteyya, 2021, 128 p.
5. Zapiski donskogo atamana Denisova. 1763—1841 [Notes of the Don ataman Denisov. 1763—1841], *Russkaya starina [Russian antiquity]*, 1874, no. 12, p. 628.
6. Talalay M.G. Zabytyy ital'yanskiy pamyatnik rossiyskoy pobede nad Napoleonom: arka Mira v Milane [Forgotten Italian monument to the Russian victory over Napoleon: the Peace Arch in Milan], *Rossiya — Italiya: obshchie tsennosti, sbornik nauchnykh statey XVII Tsarskosel'skoy konferentsii [Russia — Italy: common values : a collection of scientific articles. XVII Tsarskoselskaya Conf.]*. Saint Petersburg, Serebryanyy vek, 2011, p. 514—521.
7. Federiko F. Pis'ma iz Peterburga 1810—1811 godov [Letters from St. Petersburg, 1810—1811]. Saint Petersburg, Liki Rossii, 2009, 296 p.
8. Tavi L. Federiko Fan'iani i ego puteshestvie v Peterburg v 1810—1811 godakh [Federico Fagnani and his journey to St. Petersburg in 1810—1811], *Ital'yantsy v Rossii ot Drevney Rusi do nashikh dney. Rossiya i Italiya [Italians in Russia from Ancient Russia to the present day. Russia and Italy]*, issue 6, Tokareva E.S. (ed.), Talalay M.G. (ed.). Moscow, Lenand (URSS), 2015, p. 245—256.
9. Kauchtschischwili N. (ed.) Il diario di Dar'ja Fëdorovna Ficquelmont [The Diary of Dar'ja Fyodorovna Ficquelmont]. Milano, Vita e pensiero, 1968, 227 p.
10. Annaratone D. Due rivoluzionarie russe in Italia: A. Kuliscioff e Angelica Balabanov a confronto [Two Russian revolutionaries in Italy: A. Kuliscioff and Angelica Balabanov compared]. Milano, Libreria CLUP, 2003, 172 p.
11. Amfiteatrov A.V. — Gor'komu M., Milan, 15 ili 16 yanv. 1909 g. [Amfiteatrov A. V. to Gorky M., Milan, January 15 or 16. 1909 r.], *Gor'kiy Maksim [Gorky Maxim]*, [sayt]. Available at: <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/letters/letter-123.htm> (accessed: 03.02.2024).
12. Leonid Vital'evich Sobinov. Opernyy pevets [Leonid Sobinov. Opera singer], *Radio "Blago" [Radio "Blago"]*, 2017, 7 iyunya. Available at: <https://www.radioblago.ru/vremyakultury/leonid-sobinov> (accessed: 03.02.2024).
13. Novikova-Nava V. Nikolay Benua: iz Peterburga v Milan s teatrom v serdtse [Nikolai Benois: from St. Petersburg to Milan with theater in his heart]. Saint Petersburg, Aleteyya, 2021, 208 p.
14. Stepniak. La Russia sotterranea: profili e bozzetti rivoluzionari dal vero [Underground Russia: revolutionary profiles and sketches from life]. Milano, Fratelli Treves, 1882, 290 p.
15. Akkattoli A. Russkiy institute [Russian Institute], *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoy polovine XX veka [Russian presence in Italy in the first half of the twentieth century]*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediy, 2019, p. 582.

16. Matstsukkelli S. Obshchestvo pomoshchi nuzhdayushchimsya russkim v Milane [Society for helping Russians in need in Milan], *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoy polovine XX veka* [Russian presence in Italy in the first half of the twentieth century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediy, 2019, p. 484.
17. Matstsukkelli S. Obshchestvo "Russkaya koloniya v Severnoy Italii" [Society "Russian Colony in Northern Italy"], *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoy polovine XX veka* [Russian presence in Italy in the first half of the twentieth century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediy, 2019, p. 482—483.
18. L'Epifania dei profughi russi nella chiesa anglicana [Epiphany of Russian refugees in Anglican church], *Corriere della Sera* [Evening Courier], 1924, 23 gen., p. 5.
19. Put' moey zhizni: vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgievskogo), izlozhennye po ego rasskazam T. Manukhinoy [The way of my life: reminiscences of Metropolitan Evlogy (Georgievsky), based on his stories by T. Manukhina]. Parizh, YMCA-press, Cop., 1947, 677 p.
20. Talalay M.G. Russkaya tserkovnaya zhizn' i khramostroitel'stvo v Italii [Russian church life and church building in Italy]. Saint Petersburg, Kolo, 2011, 400 p.
21. Ganchikov L.Ya. O napravleniyakh russkogo dukkha [About the directions of the Russian spirit], ed. M.G. Talalaya. Moscow, Indrik, 2018, 264 p.

Информация об авторе

Талалай Михаил Григорьевич — Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: talalaym@mail.ru

Information about the author

Michail G. Talalay — Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: talalaym@mail.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 05.02.2024; принята к публикации 12.02.2024.

The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 05.02.2024; accepted for publication 12.02.2024.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 82—97.
Siberia Humanitarian. 2024;(1):82—97.

Развитие системы образования: российский и зарубежный опыт

Научная статья
УДК 37.015.3(81)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-82-97

**Елена Антипова (1892—1974): синтез швейцарской и советской
психологии в контексте бразильской образовательной системы**

Регина Хелена де Фрейтас Кампос

Федеральный университет штата Минас-Жерайс, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика
Бразилия, regihfc@terra.com.br

Аннотация. Елена Антипова сыграла важную роль в продвижении социокультурного подхода в педагогической психологии в Бразилии. Основываясь на передовых для своего времени знаниях, полученных в Париже, Женеве и Петрограде, и возглавляя с 1929 г. одну из первых психологических лабораторий в Бразилии, она предложила принципиально новое объяснение падения уровня школьной успеваемости в государственных учебных заведениях этой страны. Впервые на русском языке приводится статья¹, посвященная ее деятельности, которую можно разделить на три периода: «Опыт работы в Европе» (1909—1929), «Критика национальной системы образования Бразилии» (1929—1945) и «Выдвижение альтернатив» (1945—1974). Рассматривается вклад Е. В. Антиповой в изучение развития интеллектуальных способностей детей, основанный на культурной и средовой теориях, в его соотношении с достижениями женевского интеракционизма и культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, а также в контексте критического взгляда на бразильскую образовательную систему.

Ключевые слова: педагогическая психология, бразильская образовательная система, Е. В. Антипова, тесты на интеллект, социализация детей

Благодарности: Публикуемое исследование выполнено при поддержке Бразильского национального совета по исследованиям и Министерства образования Бразилии. Автор выражает благодарность за теплый прием коллегам из архивов женевского Института Жан-Жака Руссо (Швейцария) Дэниэлу Хэмлайну и Фернандо Видалу, а также редактору английского перевода статьи Регине Фокс-Драммонд Гоуф.

Для цитирования: Кампос Р. Х. Ф. Елена Антипова (1892—1974): синтез швейцарской и советской психологии в контексте бразильской образовательной системы (окончание) / пер. с англ Гоуф под ред. Ф. И. Барского и М. Ю. Сорокиной // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 82—97. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-82-97.

Development of the education system: Russian and foreign experience

Original article

Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education

Regina Helena de Freitas Campos

Federal University of Minas Gerais, Belo Horizonte, Federative Republic of Brazil, regihfc@terra.com.br

Abstract. Elena Antipoff has played an important role in promoting a sociocultural approach to educational psychology in Brazil. Based on the knowledge advanced for its time, acquired in Paris, Geneva and Petrograd, and headed since 1929. one of the first psychological laboratories in Brazil, she proposed a fundamentally new explanation for the drop in school performance in public educational institutions in that country. For the first time in Russian, an article on her work is presented¹, which can be divided into three periods: “Experience in Europe” (1909—1929), “Criticism of the Brazilian national education system” (1929—1945) and “Putting forward alternatives” (1945—1974). The contribution of E.V. Antipoff to the study of the development of intellectual abilities of children, based on cultural and environmental theories, is considered in relation to the achievements of Geneva interactionism and L.S. Vygotsky's cultural and historical concept, as well as in the context of a critical view of the Brazilian educational system.

Keywords: pedagogical psychology, Brazilian educational system, E.V. Antipoff, intelligence tests, socialization of children

Acknowledgments: The published research was carried out with the support of the Brazilian National Research Council and the Brazilian Ministry of Education. The author expresses gratitude for the warm welcome to colleagues from the archives of the Jean-Jacques Rousseau Institute in Geneva (Switzerland) Daniel Hamline and Fernando Vidal, and the editor of the English translation of the article, Regina Fox-Drummond Gough.

For citation: Campos R.H.F. Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education (ending). *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):82—97. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-82-97.

(Окончание. Начало см.: Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 134—146.)

Второй период: критика национальной системы образования Бразилии (1929—1945)

К концу 1920-х гг. Минас-Жерайс, как Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, стал одним из самых значительных штатов в Бразильской Федерации в экономическом и политическом отношениях. Расположенный в холмистой местности, по соседству с приморским штатом Рио-де-Жанейро, где находился федеральный округ, Минас-Жерайс занимал площадь, сопоставимую по размерам с территорией Франции. В 1920 г. почти 11 % из около 6 миллионов жителей штата проживали в городах; большая часть населения жила в сельской местности. Начиная с 1920-х гг. в штате быстро разрастались города с численностью населения более 10 тысяч человек, а вместе с ними и государственные начальные и средние школы. С 1926 по 1930 г. количество поступающих в начальную школу увеличивалось в среднем на 17,4 % ежегодно. К 1930 г. ежегодный приток учеников в начальные школы составлял 20,7 % детей школьного возраста.

В течение 1920-х гг. несколько образовательных реформ были предприняты в различных штатах Бразилии. В 1924 г. группа прогрессивных педагогов основала Ассоциацию бразильского образования и приступила к кампании, нацеленной на расширение возможностей обучения и рационализацию школьного управления. Вклад психологов в реализацию этой реформы

¹ Campos R.H.F. Helena Antipoff (1892—1974): A Synthesis of Swiss and Soviet Psychology in the Context of Brazilian Education // *History of Psychology*. 2001. Vol. 4, no. 2. P. 133—158.

высоко ценился. Имея доступ к литературе европейского и американского движения «педагогике прогрессивизма», первые лидеры «Новой школы» выступали за использование тестов на интеллект с целью оценки способностей детей, которые должны были влиться в систему образования. Кроме того, эти деятели настаивали на важности профессиональной подготовки нового поколения по части академических и социальных навыков, необходимых обществу в процессе модернизации и урбанизации [1 ; 2].

В 1927 г. в штате Минас-Жерайс была проведена образовательная реформа. Она предполагала, помимо других нововведений, открытие педагогического колледжа по подготовке преподавателей новых методов, предложенных лидерами движения «Новая школа». Педагогическая психология стала преподаваться систематически в обычных школах, а в педагогическом колледже изучение педагогической психологии было направлено на дальнейшее развитие знаний о бразильских детях с помощью исследований и стандартизации тестов на интеллект [3].

В августе 1929 г. Антипова приступила к преподавательской деятельности в педагогическом колледже г. Белу-Оризонти. Ее студентами по большей части были обычные выпускники школ, уже работавшие директорами или супервизорами в государственной системе образования. Некоторые студенты приезжали из других штатов на прохождение полного двухлетнего обучения. В психологической лаборатории колледжа Антипова спланировала программу исследований с целью изучения умственного развития, идеалов и интересов местных детей.

Культура и познание в развитии детей

Первый доклад с результатами исследования ценностей и интересов четвероклассников был опубликован в 1930 г. Главной целью исследования для Антиповой была необходимость «как можно скорее сориентироваться в психологии маленьких бразильцев и уяснить их общий психический профиль» [4, р. 5].

Влияние женевской «Активной школы» и советского культурно-исторического подхода вполне заметно в этом исследовании, в котором Антипова изучала, какие дети в бразильских школах нуждаются в адаптации. Мысль о том, что ценности и интересы местных детей должны быть исследованы, доказывает учет ею культурных различий психических функций, на которые обращали внимание советские психологи. Хотя Антипова осознавала ограничения выбранного инструмента — опросника, она писала: «Человеческая душа слишком сложна, чтобы такой грубый инструмент, как анкетирование, смог вскрыть ее тонкие механизмы» [4, р. 6]. Ею был разработан опросник для четвероклассников, выявлявший предпочитаемые ими формы деятельности в школе и дома, игрушки и книги, ролевые модели и планы на будущее.

Полученные результаты были сопоставлены с данными В. Лобзина, У. Штерна, Х. Шифлера и Шульца (Германия); Кросвелла, Монро и Барнса (США); Э. Мюманна и Д. Варендока (Швейцария) и Богданова (Москва), что позволило прояснить воздействие социальной среды на формирование склонностей детей. Ценности и интересы бразильских детей были более ограничены и менее разнообразны, чем у их иностранных сверстников. Антипова объяснила такие результаты тем, что бразильцы происходили из низкой социальной среды, где семья занимала господствующее положение в жизни ребенка. Она также отметила разницу в организации образования: бразильцы учились меньшее количество часов в сутки по сравнению с европейцами и американцами¹.

¹ Различия в суточном времени обучения были следствием дефицита зданий, поэтому одни школы работали в режиме двух смен (утренняя и послеполуденная, длившиеся по четыре часа), а другие школы, в частности расположенные в неблагополучных районах и на окраинах, вынуждены были вводить три смены (утренняя,

Утверждая, что «существует постоянное взаимодействие между природой детей и средой их обитания» [4, р. 40], Антипова указала на противоречие в принципах «Активной школы», согласно которым воспитание должно брать за основание спонтанные интересы детей. Если эти интересы настолько ограничены, то как школа обогатит и разнообразит опыт учащихся? По ее мнению, внутренний мир ребенка может развиваться полноценным образом только в достаточно разнообразной среде, в которой «разные дети смогут отыскать то, что отвечало бы их потребностям» [4, р. 42]. Эти простые послы впоследствии будут закреплены в ее дальнейшей работе бразильского периода: с одной стороны, учет воздействия социального окружения на формирование умственных особенностей; с другой, — идея школ, которые способствуют раскрытию потенциала своих учащихся. Результаты исследования были опубликованы в женевском журнале «Archives de Psychologie» [6] и цитировались Э. Клапаредом в монографии «Функциональное образование» («L'Éducation fonctionnelle»): «Сравнив интересы европейских и бразильских детей, мадам Антипова прекрасно показала, что эти интересы зависят частично от среды и сложно выделить в них действительно „естественное“, соответствующее потребностям роста в определенном возрасте» [7, р. 253].

Продолжив исследование бразильских учащихся, Антипова опубликовала второе сообщение в 1931 г. — «Умственное развитие школьников Белу-Оризонти» [8]. В нем она представила результаты, полученные при применении трех типов тестов умственных способностей на выборке школьников от шести до семнадцати лет. Тест Ф. Гудинафа, суть которого состоит в анализе детских рисунков, был проведен на 900 учениках от семи до одиннадцати лет в шести начальных школах. Методика Дж. Дирборна, (представлявшая собой серию игр, доступных как образованным, так и неграмотным детям) была использована в той же самой, уже протестированной, выборке; при этом к прежней выборке была добавлена группа из 54 шестилетних детей, посещавших немногочисленные городские детские сады, а также группа из 490 одиннадцатилетних и шестнадцатилетних девочек и девушек, обучавшихся в обычных начальных и средних школах. «Тест на интеллект в ста вопросах» Дж. Белларда был проведен на выборке из 1 381 обследуемого в возрасте от семи до семнадцати лет, учащихся начальных и средних классов общеобразовательных школ.

Целью этого исследования было изучение умственного развития местных школьников в разных возрастных группах, сравнение полученной картины умственного развития с аналогичной ситуацией для детей из других стран, выявление того, как умственное развитие варьируется в зависимости от характера социального окружения. В данной работе Антипова реализовала более глубокое понимание воздействия общества и культуры на развитие умственных способностей, и это стало одной из ведущих тем, повлиявших на ее последующую работу в Бразилии. У нее была уникальная возможность наблюдать воздействие социальных и культурных аспектов на мышление и показать их значимость: эта демонстрация была необходима, чтобы оспорить приоритет фактора наследственности, постулируемого социал-дарвинизмом.

Концепция приобретенного («цивилизованного») интеллекта Антиповой

Опираясь на определение интеллекта Э. Клапареда и А. Бине как «способности разрешать новые проблемы посредством мышления» [9, р. 3], Антипова критиковала тесты на интеллект, которые лишь условно затрагивают способности к пониманию и познанию, подразумеваемые в данной дефи-

послеполуденная и вечерняя, с тремя часами на каждую). Школьные программы были утверждены законом и являлись адаптированными копиями французских аналогов, предназначенных для восьмичасового суточного графика обучения [5, р. 46].

ниции. С ее точки зрения, результаты таких тестов надо рассматривать более аккуратно, как оценку уровня умственного развития представителей данной выборки. Речь шла не о чистой способности к творческому мышлению, а, скорее, о способности к концентрации внимания, наблюдения, логического анализа, об «общем течении мысли». Однако это оказалось только частью проблемы. Другим значимым вопросом, на который требовалось найти ответ, был вопрос о природе интеллектуальных способностей: зависят ли они от врожденных задатков и возраста. Врожденные способности отождествлялись с наследственностью, а под возрастом понимались уровни зрелости. Оба положения входили в общую теорию интеллекта, принятую на тот момент. По мнению Антиповой, умственные способности были «...более комплексным образованием, продуктом, получавшимся под воздействием нескольких факторов, среди которых, кроме врожденных predispositions и биологической программы роста, стоит выделить сочетание характера и социальной среды, включая условия жизни и культуры, в которой ребенок развивается, а также обучение, образование и систему правил, которым подчиняется ребенок дома и в школе» [8, p. 131—132].

Придерживаясь такого понимания, Антипова дала собственное определение того, что измеряют тесты на интеллект: «Интеллект, фиксируемый в тестах, не столько является естественным (как предполагал Бине), сколько представляет собой продукт социализации... тесты дают оценку природному интеллекту, отшлифованному тем обществом, к которому принадлежит его обладатель, умственное развитие будет функцией опыта, пополняемого во времени» [8, p. 131—132].

Антипова утверждала, что начала разрабатывать свою концепцию измеряемого тестами интеллекта как «цивилизованного интеллекта» после работы по диагностике советских сирот. Эти дети, хотя и набравшие малое количество баллов по шкале Бине-Симона, не были умственно отсталыми. Согласно Антиповой, «им не хватало умения концентрировать внимание, с одной стороны, а, с другой, их уровень абстракции был недостаточен для понятийного мышления. Такие дети прекрасно ориентировались в конкретных знакомых им областях, когда ими двигали инстинкты, интересы и спонтанное внимание. Но в ситуации, требующей абстрактного мышления, они обнаруживали существенные провалы. По установленным критериям в интеллектуальных тестах, подобная дефицитарность исчислялась примерно двумя или даже тремя годами отставания по сравнению со сверстниками, жившими в благоприятных условиях. Дети росли вне семьи, вне школы, вне общества с его законами и правилами: они были частью культурно обедненного мира. Обеспеченные данными природой умственными способностями, эти дети, в то же время, не обладали социализированным интеллектом, который формируется благодаря правилам и требованиям, диктуемым детям в традиционной семейной жизни или школах. На самом деле, это и составляет цивилизованный интеллект, то, что измеряется интеллектуальными тестами, которые предназначались для оценки общих умственных способностей» [8, p. 134].

К похожему выводу пришел сам Бине, когда тестировал детей из обеспеченных парижских семей: последние показывали более успешные результаты; аналогичная тенденция наблюдалась и в случае городских детей в сопоставлении с сельскими [10, p. 138]. Однако Бине продолжил работу над инструментом, измерявшим исключительно природный интеллект, и вышеописанные сведения не были включены в его теории. Клапареду также не удалось увидеть связь между развитием интеллекта и социальной средой. Его функциональное определение умственных способностей опиралось на идею о том, что интеллект является «инструментом адаптации, играющим роль там, где другие средства адаптации — врожденные программы и привычки — не предусмотрены заранее» [7, p. 141—142]. В 1930 г.

Клапаред обратился к проведенному Антиповой исследованию ценностей и интересов детей г. Белу-Оризонти, где подчеркивалось значение влияния социальной среды, при этом выявилось противоречие между мнением исследовательницы и ожиданиями Клапареда, выступавшего за теорию стигматического развития.

Антипова также была в курсе американских разработок Льюиса Термена (1877—1956), она критиковала его за излишнее внимание экспертов к сравнению результатов тестов на интеллект, выполненных представителями негроидной и европеоидной рас. Антипова писала: «Американцы весьма охотно публикуют сравнительные нормы интеллекта темнокожего и светлокожего населения ...но эти результаты не проясняют суть проблемы. Социальное и материальное положение темнокожих и светлокожих людей подобны ночи и дню. Граждане европейского происхождения до сих пор наделены социальными привилегиями, не доступными для темнокожих. Такие выводы можно будет посчитать ценными для науки, только если обе группы обследуемых будут помещены в те же условия на протяжении веков» [8, р. 162].

Концепция интеллекта, выдвинутая Антиповой, была родственной советской культурно-исторической теории. Л. С. Выготский (1995) выступал с позицией, согласно которой высшие психические функции социально детерминированы и передаются в культуре посредством языка и орудий труда. Это указывает на то, что направление, в котором продвигалась советская психология после революции, сказалось на образе мыслей Антиповой.

Установленное Антиповой отличие между конкретным и абстрактным мышлением, как между двумя различными ветвями умственного развития детей в зависимости от их социального окружения, подкрепляет сходство ее взглядов с позицией советской группы культурно-исторических психологов. В начале 1930-х годов Александр Романович Лурия (1902—1977), близкий соратник Выготского, проверял на выборке из Центральной Азии идею о том, что процесс формирования понятий связан с уровнем культурного развития населения. Исследования Лурии были нацелены на выявление кросс-культурных различий восприятия, способностей к обобщению и абстрактному мышлению, к построению логического вывода и умозаключений, к рассуждению и решению проблем между населением, относительно недавно урбанизированным, и представителями традиционного сельского уклада. Лурия выявил, что мышление необразованных индивидов отличается от мышления образованных, ибо основывается на конкретных отношениях, определяемых практическим опытом, он пришел к заключению, что различия восприятия и стратегий по решению задач могут быть вызваны особенностями культуры и обучения [11].

Исследователи из Женевы также разделяли конкретное и формально-логическое мышление. Пиаже использовал это разграничение, описывая разные последовательные фазы развития интеллекта детей. Хотя Пиаже утверждал, что оба типа мышления образуются благодаря интериоризации действий детей по отношению к среде, ученый не уделил внимание социальным и культурным факторам в своей теории интеллекта.

Итак, концепция Антиповой о социализированном интеллекте оказалась отчасти результатом ее деятельности в России. В статье о развитии школьников г. Белу-Оризонти (1931) Антипова ссылаясь на Ж. Пиаже, А. Бине, Э. Клапареда и Л. Термена. Советские имена могли не прозвучать в силу ее опасения быть причисленной к коммунистам. С момента открытия педагогический колледж г. Белу-Оризонти противостоял оппозиции — традиционалистской группе представителей католической церкви, критиковавших реформу образования, основанную на светских ценностях. К тому же высшее общество города сохраняло консервативные взгляды на образование женщин. Некоторые влиятельные лидеры опасались, что обучение женщин

в колледже повредит их уровню нравственности. В такой атмосфере «даже факт того, что преподаватель русского происхождения возглавлял лабораторию психологии, становился поводом для подозрений» [3, р. 177].

Социально-психологический подход к школьному обучению

Исследование умственного развития школьников г. Белу-Оризонти было призвано эмпирически подтвердить правильность концепции Антиповой о социализированном интеллекте. Данные тестирования показывали, что в среднем местные дети справлялись с заданиями хуже своих европейских и американских сверстников. Такие результаты также указывали на связь между социально-экономическим статусом детей и их успешностью прохождения тестовых заданий. Для проверки этой корреляции были сопоставлены средние данные по тестам интеллекта, полученные на выборках из разных школ. Это позволило Антиповой сделать вывод, что «рейтинг каждой школы примерно соответствует экономическому и социальному благосостоянию района, в котором располагается школа» [8, р. 191].

Другой способ проверить наличие обозначенной выше связи состоял в нахождении соотношения между профессией отцов и результатами тестирования детей. Так была обнаружена значимая связь между низкими результатами ребенка по тестам и низким положением отца в социальной иерархии. Это позволило Антиповой сделать вывод о том, что «высокая степень корреляции между средой и интеллектом скорее подтверждает выдвинутую гипотезу, согласно которой тесты общих умственных способностей на самом деле измеряют социализированный, а не естественный интеллект» [8, р. 193].

Кроме верификации отношения между социально-экономическим статусом и результатами тестирования, Антипова также попыталась оценить умственное развитие бразильских детей по возрастному параметру и сравнить его с результатами, полученными в европейской выборке. Сравнительный анализ оказался осложнен тем, что кривые, построенные по данным выборки из г. Белу-Оризонти, плохо поддавались математическому описанию. Тогда Антипова приняла решение учитывать только результаты обычных школьников, исключив данные второгодников. Такая процедура позволила построить нормальное распределение, необходимое для последующего сопоставления. Однако в этом случае пришлось отбросить результаты почти половины учащихся из-за большого количества повторного прохождения того же учебного года в школьной системе. Как и предвидела исследовательница, ребенок должен был достигать более высоких результатов на фоне остальных, чтобы попасть в категорию нормы, критерии которой годились только для школьников, не нуждающихся в повторении программы. Антипова сформулировала эту проблему так: «Стандартная норма, хотя и эмпирически достоверная, так как была определена за счет действительных результатов тестирования, не может быть применена ко всему населению Белу-Оризонти, а только к тем детям, которые отвечают требованиям школьной системы» [8, р. 160].

В заключение Антипова пришла к выводу, что тесты на интеллект надо использовать весьма осторожно в плане оценки общего уровня умственного развития ребенка, хотя в принципе тесты являются адекватным инструментом для определения уровня социального и материального благосостояния различных групп людей.

В 1931 г. Антипова провела еще одно исследование по проблеме умственного развития местных школьников с использованием адаптированной шкалы Бине-Симона, которую она называла «прайм-тестом» (или первичным тестом). Выборка состояла из трех групп: в первой были необразованные дети от шести до восьми лет; во второй — четвероклассники одиннадцати и двенадцати лет; а в третьей — взрослые безграмотные девушки,

работавшие прислужой. Оказалось, что лучше всего справились четвероклассники, а первая и третья группа, состоящие из безграмотных детей и девушек, показали похожие результаты. В ходе рассуждения, близкого к линии культурно-исторического подхода в советской психологии, Антипова утверждала, что эти результаты раскрывали роль культуры, транслируемой школой в качестве мощного средства развития «цивилизованного» интеллекта [12]. В 1930-х годах Выготским также активно разрабатывалась идея изменений познавательной сферы под действием формального обучения [13, р. 363].

Значительное влияние социальной среды на психическое развитие ребенка побудило Антипову выдвинуть пять факторов, которые необходимо учитывать при интерпретации данных тестирования: опыт, культура, социальная среда, индивидуальные способности и эмоциональное состояние.

Под опытом понималась та доступная широта ситуаций, с которой дети имели дело; под культурой — разнообразие содержания школьных дисциплин, то, с какими предметами взаимодействовали учащиеся (бумага, карандаш и т. д.). Фактор социальной среды подразумевал социально-экономический уровень семьи, в которой рос ребенок. Индивидуальными способностями считались природные способности, а под эмоциональной сферой имелась в виду реакция ребенка на ситуацию тестирования. Например, для детей младшего возраста наиболее значимыми были факторы индивидуальных способностей, социальной среды и, более-менее, продолжительность формального образования — культуры в формулировке Антиповой. Для старшей категории важны были факторы эмоциональной реакции и опыта, хотя остальные факторы тоже отражались на успешности тестирования. Так, низкие результаты необразованных женщин по «прайм-тесту» можно было объяснить отсутствием формального образования, а также стеснительностью и замешательством в ситуации тестирования [12].

В 1930-е гг. в лаборатории психологии педагогического колледжа были проведены и несколько других исследований психического развития детей и организации обучения в государственных школах г. Белу-Оризонти. Они стали результатом исследовательского практикума, введенного Антиповой в ее курс педагогической психологии. Она писала: «Наши работы носят практический характер. В курсе теория дается лишь в качестве необходимой основы для психологического исследования, направленного на образование» [14, р. 77]. Курс психологии в педагогическом колледже включал двухгодичную программу. В течение первого года изучались теории и методы экспериментальной и детской психологии. На следующий год учащиеся осваивали исследовательскую деятельность. Исследования проводились как в лаборатории, где демонстрировались экспериментальные процедуры, так и в местных школах, где можно было наблюдать за классами и применять тесты на интеллект [14, р. 227].

Метод наблюдения применялся по методике естественного эксперимента, предложенного А. Ф. Лазурским [15]. По его мнению, за детьми необходимо наблюдать в обычных для них условиях, в разнообразных ситуациях, так, чтобы можно было бы зафиксировать наиболее полную картину их ответов на различные воздействия и выявить индивидуальные склонности. Считалось, что данный подход позволит выявить более точно реальные характеристики личностей детей, в отличие от очищенных ситуаций в контролируемых условиях лаборатории. С этой точки зрения поведение ребенка являлось конкретным продуктом действия тех факторов, которые необходимо изучать в полевых условиях, и речь шла о методах обучения, опытности педагога, учебных материалах, школьных средствах, социальном окружении, состоянии здоровья, индивидуальных особенностях детей и т. д.

Как справиться с трудностями школьного обучения с позиции культурно-ориентированного подхода?

Средовой подход обращал внимание на окружение, в котором росли дети, а не фокусировался на их врожденных способностях. Антипова считала, что несколько средовых факторов воздействовали на развитие детей, а данные по стандартизованным тестам интеллекта скорее отражали в количественном виде то качество обучения, которое получали дети, чем характеризовали их природные способности. Следовательно, полагала исследовательница, умственные способности детей вполне можно было успешно улучшить посредством образования. Антипова писала: «Идея существования естественного интеллекта есть ни что иное, как сбивающая с толку, искусственная, странная концепция, за исключением крайних случаев одаренности и умственной отсталости. Нами было показано в других работах, что способность решить большую часть тестовых заданий, предназначенных для оценки интеллекта, определяется в меньшей степени природными данными, чем социализированным интеллектом... В настоящий момент тесты общего интеллекта разделяют детей преимущественно по влиянию социального порядка — окружения и образования, которому они подвергаются с рождения и которое продолжается весь период раннего детства» [16, р. 27].

Антипова отметила рассогласованность между использованием тестов на интеллект (построенных на данных выборки, социализация которой проходила в семьях иного социального положения) и идеей государственной школы для всех детей. По ее мнению, угрозы преждевременного воссоздания социальной иерархии в школах можно было избежать по двум причинам. Во-первых, связь между результатами тестирования и социальным статусом обладала высокой значимостью именно для группы людей, но не для отдельного субъекта. Во-вторых, различия в умственных способностях из-за социальных и экономических факторов постепенно стирались, как считала исследовательница, вместе с улучшением успеваемости ребенка. Таким образом, однородность групп не препятствовала формированию смешанных классов детей из разных слоев общества в обычных школах. Выделение групп, опирающееся на тестирование, должно было стать подготовительной процедурой, после которой учителя тщательно наблюдали за учениками и находили индивидуальный набор методов, отвечавший потребностям каждого ребенка. Антипова придерживалась позиции, что «низкий уровень результатов тестирования детей из менее благополучной среды, выросших за пределами образовательных учреждений, не позволяет с точностью предсказать предстоящее отставание в учебе. В таком возрасте организм еще достаточно пластичен, а мозг способен ассимилировать существенный массив знаний в короткие сроки» [12, р. 16—17].

Дети, которые плохо справлялись с тестами на интеллект, были по большей части учащимися, заново проходившими программу одного и того же года в первый, второй или даже третий раз. Исследователи из психологической лаборатории изначально прибегли к однородной группировке перво-классников в общеобразовательной школе. Обычно здесь дети распределялись по возрасту с целью добиться более однородного набора в классах (второгодники, в общем, были старше). Однако Антипова выделила среди второгодников три группы: а) дети с трудностями обучения; б) дети с трудностями обучения, интеллектуальной и социальной недоразвитостью; в) дети с дефектами развития как физического, так и психического плана. Для разделения этих трех групп понадобилось два критерия: школьная успеваемость и возраст умственного развития. На практике принадлежность к группе выявлялась на основании возраста умственного разви-

тия, который определялся тестами на интеллект, стандартизированной психологической лабораторией для местного населения [5, р. 54—55].

Сопоставление результатов тестирования интеллекта, полученных в феврале 1931 г. на первоклассниках, с результатами тестов в конце школьного года показало, что для того, чтобы ребенок был переведен во второй класс, необходим как минимум уровень развития, соответствующий восьми годам. Это означало, что для того, чтобы проявить себя достаточно успешно в учебе, дети должны были опережать в среднем на год свой хронологический возраст в начале года (обязательное школьное обучение начиналось с семи лет).

Антипова видела в этом факте заложенное ожидание высоких показателей неуспеваемости по нескольким причинам. Например, то, что такие причины, как умственное развитие детей и нерегулярное посещение школы, не входили в круг рассмотрения со стороны образовательного учреждения. Другие причины лежали в области обязанностей школы: «чересчур объемная суточная учебная программа, которую нужно было освоить за три или четыре часа в день; разнородность классов, не позволяющая педагогам подавать материал так, чтобы все ученики могли с успехом его усваивать; порой сомнительная квалификация педагогов; частые продолжительные отпуска учителей, приводившие к дезорганизации учебного процесса под недостаточным контролем неопытных стажеров» [5, р. 42—43]. Сочетание всех этих факторов способствовало высоким показателям отставания в учебе. Подобный феномен наблюдался в школьной системе в ряде других штатов Бразилии. В 1931 г. 52 % детей, поступивших в первый класс, вынуждены были оставаться на второй год [5, р. 43]. Однако от лаборатории психологии требовали решать только проблему неоднородных классов. По мнению Антиповой, однородное распределение должно было уменьшить количество второгодников, хотя бы предоставляя возможность педагогам практиковать индивидуальный подход к ученикам. Это стало бы образцом специальной школы («*école sur mesure*»), за которую ратовал Э. Клапаред.

Третий период: выдвижение альтернатив (1945—1974)

Лаборатории психологии проблем психического развития школьников г. Белу-Оризонти при обследовании поступавших в школу детей удалось выявить наличие большого числа детей, не соответствовавших нормам. При проверке было установлено, что их несоответствие преимущественно детерминировалось социальными условиями жизни. Это побудило Антипову классифицировать таких детей как «особенных», а не «дефективных», что минимизировало негативный эффект ярлыка, который мог сказаться на их перспективах.

Согласно законодательству штата о начальных школах (1927), в них должны были быть организованы специальные классы для детей с отставанием в учебе (по французскому образцу, выстроенному по рекомендации А. Бине начала XX в.). Такие классы предназначались для «детей, отличающихся врожденными или приобретенными дефектами, что лишало их возможности успевать за сверстниками в обычных классах» [17, р. 1243—1244].

Учащиеся, которые повторяли программу одного и того же года три и более раз, как и те, у кого были диагностированы «очевидные физические недостатки, нарушения восприятия, расстройство внимания, психическая или эмоциональная нестабильность» [17, р. 1244], попадали в категорию педагогически отсталых. Государственное законодательство рекомендовало в целях отбора проводить тестирование умственных способностей и медицинское обследование детей. Число учащихся в специальных классах не должно было превышать пятнадцати человек. Вводилась особая программа обучения, включавшая преподавание основ чтения, правописания, элемен-

тарной математики и набор упражнений по коррекции умственных недостатков — все, как советовал Бине [17, р. 1245]. Предусматривалось, что педагогический колледж устроит соответствующий курс для учителей, преподававших в специальных классах для детей с умственной отсталостью.

Действительно, начиная с 1930 г. в педагогическом колледже стали проводиться дополнительные занятия по экспериментальным процедурам с демонстрацией упражнений по коррекции умственных недостатков, которые были рекомендованы к использованию в начальных школах. Это запустило курс подготовки преподавателей к применению специальных методов, предназначенных для классов с «дефективными» детьми. В 1934 г. Антипова и ее ученица, Найтрес Резенде, опубликовали работу по коррекции умственного развития для специальных классов, в основу которой были положены труды А. Бине (Париж) и Э. Дескедр (Институт Ж.-Ж. Руссо, Женева)¹. Антипова и Резенде [18] настаивали на том, что формы деятельности в таких классах должны опираться на методы «Активной школы»: «Обучение детей с особенностями развития должно затрагивать их интересы, использовать конкретные предметы, вводить курс стандартных навыков и быть индивидуализированным».

Начиная с 1932 г. Антипова была вовлечена и в другие мероприятия, направленные на разрешение проблем детей с особенностями развития. Вместе с группой католических священников, интеллектуалов и филантропов ей удалось учредить Общество Песталоцци в г. Белу-Оризонти, которое должно было помогать «особенным» и малоимущим детям. В 1933 г. Общество Песталоцци открыло медико-педагогический пункт для обследования и курирования детей с проблемами развития. Вскоре пункт стал Институтом Песталоцци, принимавшим детей с любыми «умственными недостатками и расстройствами, как, например, слабоумных, отсталых, с повышенной возбудимостью, с расстройствами речи и письма, глухонемых, страдающих от энуреза, а также детей с изъянами социального и морального характера» [19, р. 129].

Для коррекции проблем учащихся отводились специальные классы, введенные в институте: детей делили на группы в зависимости от результатов диагностики интеллекта. В специальные классы Института Песталоцци были назначены преподаватели, прошедшие в Педагогическом колледже курс по обучению «дефективных». Эти классы состояли: а) из классов для детей от семи до десяти лет, чье умственное развитие было на уровне дошкольников; б) классов для детей в возрасте от десяти до четырнадцати лет, в которых учащиеся обучались навыкам ручного труда. В институте также планировалось ввести дополнительный обучающий курс для учителей с целью поспособствовать продвижению исследований по проблемам умственного развития, а также стать центром популяризации евгеники и центром профессиональной помощи инвалидам и детям с дефектами [19, р. 129].

Учредители Общества Песталоцци были достаточно разнородной группой. Священники, как, например, преподобный отец Альваро Неграмонте, смотрели на такую деятельность как благотворительную работу, направленную на купирование конфликтов в обществе. Психиатры из Медицинской школы увидели в этом возможность применения на практике методов евгеники для снятия вопроса умственной отсталости: они предлагали стерилизовать членов семей, в которых рождалось неполноценное потомство. В одном из первых выпусков периодического издания Общества Песта-

¹ Монография Элис Дескедр (Alice Descoedres) «L'Éducation des Enfants Arriérés» («Обучение отстающих детей», 1931) была переведена на португальский язык одним из учеников Антиповой спустя несколько лет. Дескедр переделала название книги, заменив словосочетание «дети с отклонениями в развитии» на «отстающие» с целью минимизировать навешивание ярлыков на учащихся с особенностями развития. Это словоупотребление подвигло Антипову отказаться от использования понятия «отклонение» в пользу определения через «особенности».

лости *Infância Excepcional* («Особенные дети») психиатр Фернандо де Магалаес Гомес выступал за стерилизацию и изоляцию людей с патологиями в качестве превентивной меры против роста правонарушений и преступлений. Редактор журнала Е. В. Антипова сопроводила данную работу примечанием, в котором говорилось, что Общество Песталоцци не поддерживает позицию автора. Ее заслугой было постоянное подчеркивание в публикациях Общества темы помощи детям с особенностями развития.

Понятие ненормальности (или особенности развития — предпочитаемый Антиповой термин), употребляемое Обществом Песталоцци, характеризовалось противоречивостью содержания. Некоторые под ним понимали только органические врожденные дефекты с тяжелыми психическими отклонениями. Для других (в том числе для Антиповой) это значило не только указанное выше отклонение, которое встречалось у небольшой части школьников, но и недостатки, социально обусловленные и являющиеся последствиями школьной системы, требования которой превышали возможности обычных детей. Прежде всего, Антипова не считала подобные отклонения очевидными дефектами, не подлежащими исправлению. По ее мнению, большинство детей с некоторым замедлением психического развития были обучаемы и лишь нуждались в дополнительной помощи, чтобы справиться с затруднениями [20].

Более того, Антипова считала, что понятие умственной неполноценности включает расстройства, не являющиеся ограничениями интеллектуальной сферы. Дети, тестовые результаты которых были низкими, могли также страдать от личностных проблем, связанных с начальными этапами социализации. Антипова была в курсе того, что малоимущие семьи едва ли были в состоянии предоставить нужные условия для полноценного развития детей. Исследователи Общества Песталоцци часто сталкивались с алкоголизмом, насилием и другими проблемами в семьях низов общества, дети из которых проходили обследование в медико-педагогическом пункте [19]. В большинстве случаев результаты теста на интеллект отражали целый комплекс социальных и семейных проблем, оставивших на особенных детях свой след. Инициативы Антиповой в Обществе Песталоцци, отражавшие и ее российский послереволюционный опыт, были направлены на обеспечение поддержкой детей, вынужденных тащить на себе целый клубок социальных, домашних и психологических проблем, начиная с физической инвалидности и заканчивая склонностью к противоправному поведению. Поэтому предложенное ею понятие «особенности развития» не представляло собой чего-то однозначного и включало в эту же категорию несколько разных типов расстройств.

К концу 1930-х гг. Антипова была несколько разочарована тем направлением, которое было избрано государственными школами по отношению к их неоднородному и проблемному составу. В 1939 г. в своем выступлении на церемонии открытия учебного года в Педагогическом колледже она критиковала то чрезмерное внимание, которое отводилось «новым научным методам, новым рабочим материалам». Она полагала, что такой поворот может стать препятствием для педагогов в реализации их роли настоящих социальных реформаторов. Бразильские школы не выглядели более подготовленными к приему тех разнообразных детей, которые в них поступали [21].

Более того, после государственного переворота 1937 г., названного *Estado Novo* («Новое государство»), федеральное правительство заняло профашистскую позицию, и многие преподаватели с передовыми взглядами были сняты с должности. В начале 1940-х гг. правительство штата Минас-Жерайс отказало Антиповой в продлении ее контракта в Педагогическом колледже. Само заведение несколькими годами позже было преобразовано в школу для управляющих органами народного образования и утратило

роль центра исследований проблем образования и организации экспериментальных форм обучения. Однако из-за угрозы новой мировой войны Антипова не хотела возвращаться в Европу. В 1937 г. она отправилась во Францию на Первый Международный психологический конгресс. Ей удалось убедить своего сына Даниила, тогда жившего вместе с бабушкой и собиравшегося получать высшее образование в Париже, уехать вместе с ней в Бразилию. Даниил, родившийся в России в 1919 г., имел во Франции статус беженца. Он лишился своего советского гражданства, когда они вместе с матерью покинули страну. Эти обстоятельства и послужили причиной того, что Антипова вернулась в Бразилию на постоянное место жительства. Ее сын уехал из Франции в октябре 1938 г., за несколько месяцев до того, как разразилась война. В начале 1950-х гг. Антиповы стали гражданами Бразилии.

Но еще в самом начале 1940-х гг., приняв решение навсегда поселиться в Бразилии, Елена Антипова при финансовой поддержке Общества Песталоцци занялась продвижением идеи организации образцовой школы для обучения детей с особенностями развития в сельской местности, в небольшом городке Ибирите около г. Белу-Оризонти. Школа «Фазенда до Розарио», открытая на базе фермерского хозяйства в 1940 г. с учетом рекомендаций, выпущенных в 1919 г. Международным бюро «новых школ», представляла собой экспериментальную площадку по применению методов «активной школы» для воспитания и образования детей с особенностями развития в условиях сельской местности [22—25].

Эту школу можно считать самым крупным проектом Елены Антиповой. В «Розарио» она пыталась создать идеальную среду для обучения детей с особенностями развития. Школа стала живым экспериментом в 1950—1960 гг., здесь также занимались подготовкой учителей для сельских школ. Ввиду того, что многие бразильцы проживали в сельской местности (откуда и поступало большинство детей, не справляющихся с учебой в городских школах), Антипова полагала, что необходимо распространять данную систему образования на такие зоны. Это позволило бы сельским жителям вести и дальше хозяйство, уменьшив тем самым поток мигрантов в большие города с последующим разрастанием трущоб — источников бедности и беспорядков.

По этим причинам Антипова считала доступное образование уже само по себе решением социальных проблем. В отличие от некоторых влиятельных политических деятелей Бразилии, для которых роль образовательных учреждений ограничивалась функцией отбора лучших, Антипова видела в школах источник демократизации. Ее отношение к неудовлетворительным условиям жизни детей по большей части было следствием ее активной гражданской позиции, отзвуком Женевской декларации прав ребенка, принятой 26 ноября 1924 г. Пятой Ассамблеей Лиги Наций. Антипова выступала против того, чтобы школа транслировала ограниченное понимание прав и обязанностей. Напротив, гражданское сознание должно было быть закономерным результатом стабильной поддержки в развитии потенциала ребенка [26 ; 27].

Тем не менее отягощенная опытом войны и революции в Европе, Антипова стремилась к гармонии, а не борьбе. По ее мнению, социальный баланс мог быть достигнут при условии, что каждому человеку предоставлялась возможность развить свой потенциал. Центральную роль в этом играло образование. Представляя образование как научно организованный процесс, Антипова следовала идеалу своего наставника Э. Клапареда: «Педагогическая наука будет, шаг за шагом, накапливать знание, призванное помочь развиваться детям в гармоничной свободной отзывчивой атмосфере» [28]. С юности Антипова сохраняла веру в науку и разделяла мнение о том, что человек настолько полезен обществу, насколько оно способствует раз-

витию его способностей и призвания. Следуя этой логике, школьная система должна быть демократичной в той степени, в которой она поддерживает учащихся в их начинаниях и воодушевляет на раскрытие индивидуального потенциала. Тесты на интеллект могут быть полезными инструментами для получения более полных знаний о возможностях ребенка. Но эти тесты являются лишь первой ступенью для школ в планировании развития учащегося. Успех учеников, таким образом, должен быть обязанностью школы, а не субъекта, как думали поборники социал-дарвинизма. Необходимо внедрять разнообразные методы обучения, разработки «активной школы», чтобы школы стали действительно институтом социализации учащихся.

Это представление о связи между обществом и образовательной системой показывает, что Е. В. Антипова видела противоречия, свойственные бразильской системе образования, взяв за точку отсчета человека, находящегося в конце социальной иерархии. В исследованиях умственного развития школьников Антипова представила широкое разнообразие социокультурных типов школьников. В научных работах, используя свой европейский опыт, она смогла перевести эту разнородность на язык психологии. В своей исследовательской и педагогической практике Антиповой удалось разработать такие средства для работы с учащимися, предложить такой тип школьной системы, которые соответствовали многообразию потребностей детей.

Рекомендации Антиповой, однако, не вписывались в систему, главной целью которой было развитие школ как учреждений по селекции, отбору будущей правящей элиты страны. Ее предложения, в основе которых лежало убеждение, что школы — один из инструментов демократизации общественной жизни, никогда не были полностью реализованы в системе образования Бразилии. В то же время предложенный Антиповой синтез направлений, разработанных женевами и советскими психологами, в условиях бразильского образования остается живым напоминанием о том, как может расцветать демократия посредством школы и образования.

Список источников

1. O'Neill C. F. The Search for Order and Progress-Brazilian Mass Education in 1915—1935 : unpublished doctoral dissertation / University of Texas at Austin. Austin, 1975.
2. Wirth J. D. Minas Gerais in the Brazilian Federation. Stanford, 1977.
3. Peixoto A. M. C. A reforma educacional Francisco Campos / Unpublished master's thesis, Faculdade de Educacao da Universidad Federal de Minas Gerais. Belo Horizonte, 1981.
4. Antipoff H. Ideais e interesses das crianças de Belo Horizonte e algumas sugestões pedagógicas. Boletim 6. Belo Horizonte, 1930.
5. Antipoff H. Organização das Classes nos Grupos Escolares de Belo Horizonte e o Controle dos Tests. Boletim 8. Belo Horizonte, 1932.
6. Antipoff H. Les idéals et intérêts des enfants de Belo Horizonte // Archives de Psychologie. 1930. № 22. P. 153—186.
7. Claparède E. L'education fonctionnelle. Neuchâtel, 1931.
8. Antipoff H. O desenvolvimento mental das crianças de Belo Horizonte. Boletim 7. Belo Horizonte, 1931.
9. Claparède E. La genèse de l'hypothèse // Archives de Psychologie. 1933. № 24. P. 1—155.
10. Binet A. Les idées modernes sur les enfants (1911). Paris, 1920.
11. Luria A. R. Cognitive Development: Its Social and Cultural Foundations / M. Lopez-Morillas, L. Solotaroff, trans., M. Cole (ed.). Cambridge, 1976.
12. Antipoff H., Cunha M.L. Test prime. Boletim 10. Belo Horizonte, 1932.
13. Van der Veer R., Valsiner J. Vygotski: Uma sintese. Sao Paulo, 1996.
14. Antipoff H. A psicologia na Escola de Aperfeiçoamento de Belo Horizonte // Arquivos Brasileiros de Higiene Mental. 1930. № 3. P. 226—234.
15. Antipoff H. A experimentação natural: método psicológico de A. Lazurski // Boletim Claparède. 1980. № 3. P. 27—39.

16. Antipoff H. A homogeneização das Classes Escolares [// Revista do Ensino. 1934. № 8 (110). P. 27—55.
17. Regulamento do Ensino Primario [Положения для начальной школы]. Belo Horizonte, 1927. P. 1243—1245.
18. Antipoff H., Rezende N. Ortopedia mental nas classes especiais. Boletim 14. Belo Horizonte, 1934.
19. Sociedade Pestalozzi. Ata da Assembleia Geral de Marco de 1934 // Infância Excepcional. 1934. № 2. P. 127—128.
20. Antipoff H. A função social da assistência aos excepcionais // Neurobiologia. 1946. № 9. P. 279—285.
21. Antipoff H. O educador em face da criança // Revista do Ensino. 1939. № 13(164). P. 13—22.
22. Antipoff H. A função social da assistência aos excepcionais // Neurobiologia. 1946. № 9. P. 279—285.
23. Antipoff H. Missão rural para a Fazenda do Rosário : unpublished manuscript / Centro de Documentação e Pesquisa Helena Antipoff. Ibirité, 1952.
24. Antipoff H. Educação dos excepcionais // Revista Brasileira de Estudos Pedagógicos. 1956. № 25. P. 222—227.
25. Antipoff H. Educação dos excepcionais e sua integração na comunidade rural // Boletim da Sociedade Pestalozzi do Brasil. 1966. № 31. P. 7—18.
26. Antipoff H. Assistência aos menores desamparados, trabalhadores de rua // Infância Excepcional. 1934. № 2. P. 101—107.
27. Antipoff H. Como pode a escola contribuir para a formação de atitudes democráticas? // Revista Brasileira de Estudos Pedagógicos. 1944. № 1 (1). P. 26—45.
28. Guerra M. T. Assim pensava Helena Antipoff. Unpublished manuscript // Fundacao Helena Antipoff. Ibirite, n. d.

References

1. O'Neill C.F. The Search for Order and Progress-Brazilian Mass Education in 1915—1935, unpublished doctoral dissertation, University of Texas at Austin. Austin, 1975.
2. Wirth J.D. Minas Gerais in the Brazilian Federation. Stanford, 1977.
3. Peixoto A.M.C. A reforma educacional Francisco Campo [The Francisco Campos educational reforms]. Belo Horizonte, 1981.
4. Antipoff H. Ideais e interesses das crianças de Belo Horizonte e algumas sugestões pedagógicas [Ideals and interests of children in Belo Horizonte and some pedagogical suggestions], boletim 6. Belo Horizonte, 1930.
5. Antipoff H. Organização das Classes nos Grupos Escolares de Belo Horizonte e o Controle dos Tests, boletim 8. Belo Horizonte, 1932.
6. Antipoff H. Les idéals et intérêts des enfants de Belo Horizonte [The ideals and interests of children in Belo Horizonte], *Archives de Psychologie* [*Archives of Psychology*], 1930, no. 22, p. 153—186.
7. Claparède E. L'education fonctionnelle [Functional training]. Neuchâtel, 1931.
8. Antipoff H. O desenvolvimento mental das crianças de Belo Horizonte [The mental development of children in Belo Horizonte], boletim 7. Belo Horizonte, 1931.
9. Claparède E. La genèse de l'hypothèse [The genesis of the hypothesis], *Archives de Psychologie* [*Psychology Archives*], 1933, no. 24, p. 1—155.
10. Binet A. Les idées modernes sur les enfants (1911) [Modern ideas about children (1911)]. Paris, 1920.
11. Luria A.R. Cognitive Development: Its Social and Cultural Foundations [Cognitive Development: Its Social and Cultural Foundations], ed. M. Cole. Cambridge, 1976.
12. Antipoff H., Cunha M.L. Test prime, boletim 10. Belo Horizonte, 1932.
13. Van der Veer R., Valsiner J. Vygotski: Uma síntese [Vygotski: A Synthesis]. Sao Paulo, 1996.
14. Antipoff H. A psicologia na Escola de Aperfeiçoamento de Belo Horizonte [Psychology at the Belo Horizonte Training School] *Arquivos Brasileiros de Higiene Mental* [*Brazilian Archives of Mental Hygiene*], 1930, no. 3, p. 226—234.
15. Antipoff H. A experimentação natural: Método psicológico de A. Lazurski [Natural experimentation: A. Lazurski's psychological method], *boletim Claparède* [*Claparède Bulletin*], 1980, no. 3, p. 27—39.
16. Antipoff H. A homogeneização das Classes Escolares [The homogenization of school classes], *Revista do Ensino* [*Teaching Magazine*], 1934, no. 8(110), p. 27—55.
17. Regulamento do Ensino Primario [Polozheniya dlya nachal'noy shkoly] [Primary Education Regulations]. Belo Horizonte, 1927, p. 1243—1245.
18. Antipoff H., Rezende N. Ortopedia mental nas classes especiais [Mental orthopedics in special classes], boletim 14. Belo Horizonte, 1934.

19. Sociedade Pestalozzi. Ata da Assembleia Geral de Março de 1934 [Pestalozzi Society. Minutes of the General Assembly of March 1934], *Infância Excepcional [Exceptional Childhood]*, 1934, no. 2, p. 127—128.
20. Antipoff H. A função social da assistência aos excepcionais [The social function of care for the exceptional], *Neurobiologia [Neurobiology]*, 1946, no. 9, p. 279—285.
21. Antipoff H. O educador em face da criança [The educator in the face of the child], *Revista do Ensino [Teaching Magazine]*, 1939, no. 13(164), p. 13—22.
22. Antipoff H. A função social da assistência aos excepcionais [The social function of care for the exceptional], *Neurobiologia [Neurobiology]*, 1946, no. 9, p. 279—285.
23. Antipoff H. Missão rural para a Fazenda do Rosário [Rural mission to Fazenda do Rosário], unpublished manuscript. Ibirité, 1952.
24. Antipoff H. Educação dos excepcionais [Education of the exceptional], *Revista Brasileira de Estudos Pedagógicos [Brazilian Journal of Pedagogical Studies]*, 1956, no. 25, p. 222—227.
25. Antipoff H. Educação dos excepcionais e sua integração na comunidade rural [Education of the exceptional and their integration into the rural community], *Boletim da Sociedade Pestalozzi do Brasil [Bulletin of the Pestalozzi Society of Brazil]*, 1966, no. 31, p. 7—18.
26. Antipoff H. Assistência aos menores desamparados, trabalhadores de rua [Assistance for destitute minors, street workers], *Infância Excepcional [Exceptional Childhood]*, 1934, no. 2, p. 101—107.
27. Antipoff H. Como pode a escola contribuir para a formação de atitudes democráticas? [How can the school contribute to the formation of democratic attitudes?], *Revista Brasileira de Estudos Pedagógicos [Brazilian Journal of Pedagogical Studies]*, 1944, no. 1(1), p. 26—45.
28. Guerra M.T. Assim pensava Helena Antipoff. Unpublished manuscript [Assim pensava Helena Antipoff. Manuscript inédito], *Fundacao Helena Antipoff [Helena Antipoff Foundation]*, Ibirite, n. d.

Информация об авторе

Кампос Регина Хелена де Фрейтас — PhD, профессор педагогической психологии, Федеральный университет штата Минас-Жерайс, президент центра психологических исследований и документации им. Елены Антиповой (Федеральный университет штата Минас-Жерайс), координатор группы специалистов по истории психологии Бразильской психологической ассоциации, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия. E-mail: regihfc@terra.com.br

Information about the author

Regina Helena de Freitas Campos — PhD, professor of Educational Psychology, Federal University of Minas Gerais, president of the Center for Psychological Research and Documentation named after Elena Antipova (Federal University of Minas Gerais), coordinator of the group of specialists in the history of psychology of the Brazilian Psychological Association, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil. E-mail: regihfc@terra.com.br

Статья поступила в редакцию 14.07.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 14.07.2023; approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 98—108.
Siberia Humanitarian. 2024;(1):98—108.

Развитие системы образования: российский и зарубежный опыт

Научная статья
УДК 372.881.161.1(560)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-98-108

Обучение русскому языку в Турции: история и современность

Тюркан Олджай

Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика, turkanolcay@gmail.com

Аннотация. В статье прослеживается история обучения русскому языку и литературе в Турции начиная с 1883 г. по настоящее время. Предметом исследования являются деятельность первых преподавателей русского языка, а также первые учебные материалы, опубликованные в Турции. Прослеживается создание отделений русского языка и литературы в вузах Турции. Делается акцент на отношениях, установленных с Российской Федерацией после распада СССР, и их роли в преподавании русского языка и литературы в вузах Турции. Представлен обзор преподавания русского языка и литературы на уровне бакалавриата, современный процесс обучения.

Ключевые слова: обучение русскому языку, образовательное пространство, русистика в Турции

Для цитирования: Олджай Т. Обучение русскому языку в Турции: история и современность // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 98—108. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-98-108.

Development of the education system: Russian and foreign experience

Original article

Russian language teaching in Turkey: history and modernity

Türkan Olcay

Istanbul University, Istanbul, Türkiye Cumhuriyeti, turkanolcay@gmail.com

Abstract. The article traces the history of teaching Russian language and literature in Turkey from 1883 to the present. The subject of the study is the activity of the first teachers of Russian language, as well as the first teaching materials published in Turkey. The establishment of Russian language and literature departments in Turkish universities is traced. Emphasis is placed on the relations established with the Russian Federation after the collapse of the USSR and their role in the teaching of Russian language and literature in Turkish universities. An overview of the teaching of Russian language and literature at the undergraduate level and the modern teaching process is presented.

Keywords: Russian language teaching, educational space, Russian studies in Turkey

For citation: Olcay T. Russian language teaching in Turkey: history and modernity. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):98—108. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-98-108.

Начало преподавания русского языка в Турции: первые учителя и первые учебники

Преподавание русского языка в Турции на сегодняшний день охватывает исторический период в 140 лет. По политическим и стратегическим причинам русский язык начали преподавать в военных учебных заведениях. Впервые его стали изучать в Военной школе Харбие (Mekteb-i Fünun-ı Harbiye) в Стамбуле. Русский язык вошел в учебную программу всех ее отделений (гвардейское, пехотное и инженерное) в 1883/1884 учебном году.

Следует отметить, что это стало возможным вследствие крупной реорганизации в военных образовательных учреждениях, которая была осуществлена в рамках реформы османской армии при содействии Германии по просьбе султана Абдулхамида II. В 1883 г. султан Абдулхамид II обратился к императору Германии Вильгему II с просьбой направить военную делегацию для модернизации османской армии и военных школ. В состав делегации вошел барон подполковник Вильгельм Леопольд Кольмар Фрейхерр фон дер Гольц (Wilhelm Leopold Colmar Freiherr von der Goltz) (1843—1916), преподаватель истории войны в Берлинской военной школе¹.

По предложению В. Л. Кольмара фон дер Гольца, из школьной программы, сокращенной с четырех до трех лет, были исключены курсы, не связанные с военным делом. Вместо них были широко представлены география и стратегическая география, а также практические предметы и курс по изучению организаций зарубежных стран. В качестве иностранных, помимо французского, стали преподавать немецкий и русский языки.

В первые годы преподавания русского языка использовались русские учебники с французскими пояснениями. Так, в предисловии к своему учебнику «Учитель русского языка» (*Rusça Muallimi*), изданному в 1888 г., подполковник Мехмед Садык пишет, что преподает русский язык на пехотном отделении школы Харбие уже в течение пяти лет, но в отсутствие учебников по русскому языку на турецком языке ему приходилось пользоваться учебником 1860-х гг., написанным Полем Фишером для французов по методу Г. Г. Оллендорфа [1].

Однако важно отметить, что уже в первые годы обучения русскому языку в дополнение к учебникам с французскими пояснениями для чтения использовались русские книги. Так, Реджеп Вахьи, учившийся в школе в те же годы, что и Мехмед Садык, и ставший одним из первых переводчиков русской литературы, в своей записной книжке 1889—1891 гг. оставил заметку о том, что чтение в школе проводилось по русским книгам.

В учебном плане военной школы Харбие на 1887/1888 учебный год в качестве преподавателей русского языка указаны имена капитана пехоты Черфески (имя отсутствует) и капитана пехоты Али Рыза [2, s. 315]. Они и Мехмед Садык считаются первыми преподавателями русского языка в Турции.

С включением в учебную программу русского языка как иностранного успешные выпускники, помимо обучения в европейских странах, стали отправляться на учебу в Россию. Так, в 1887 г. пять капитанов пехоты, только что окончившие военную школу, были отправлены в Россию на четыре года. Они обучались в офицерской артиллерийской школе стрельбы в Санкт-Петербурге [3 ; 4]². Из них Салих Сабри и Ахмед Седат за успехи в обучении были награждены знаками отличия, а их звания были повышены [5 ; 6]. После возвращения в Турцию в 1891 г. Ахмед Седат был назначен в отдел

¹ Гольц был представлен Абдулхамиду II во дворце Йылдыз, где султан сообщил, что лично ожидает от него услуг по реформе военных школ. Гольц, получивший в последующем звание паши (генерала — Т. О.), в 1883—1895 гг. служил инспектором военных училищ.

² Предполагаем, что речь идет о Николаевской академии Генерального штаба. В академию могли поступать офицеры не моложе 18 лет и в чинах не старше капитана армии и штабс-капитана гвардии, артиллерии и сапёров. Здесь обучались также офицеры болгарской и сербской армий.

переводов Генерального штаба вооруженных сил (Erkân-ı Harbiye-i Umumiye). Тем же временем он начинает преподавать русский язык в школе Харбие. Салих Сабри был назначен консулом, и его дальнейшая деятельность не была связана с преподаванием русского языка [7, s. 82—83].

В 1892 г. еще три выпускника кавалерийского класса военной школы — Бекир Сыдки, Мехмед Садык и Ахмед Фейзи — были отправлены в Санкт-Петербург на обучение в офицерской кавалерийской школе. По возвращении в 1896 г. они были назначены в Хамидийские кавалерийские полки, созданные в Четвертой и Пятой армиях¹.

В начале 1900-х гг. преподавание русского языка вышло за стены военных учебных заведений. В 1903 г. руководством Дома политехнических наук² (Darülfünun-ı Şâhâne) было рассмотрено предложение об открытии отделения языков (Elsine şubesi), на котором в дополнение к турецкому, арабскому и персидскому³ планировалось изучение французского, английского, немецкого и русского языков. Несмотря на принятие данного предложения, отделение языков не было открыто [9, s. 2].

Отделение языков при Доме политехнических наук открылось спустя девять лет, 21 апреля 1912 г., по инициативе вновь назначенного министра народного образования Эмруллы Эфенди. На нем вместе с обучением французскому, английскому, немецкому и итальянскому языкам проводилось обучение и русскому языку. Желающие имели возможность приобрести знания и о литературе на изучаемом языке. Занятия проводились два раза в день — утром и вечером. Количество студентов и желающих посещать достигло почти 1 000 человек.

Однако череда войн прервала занятия русским языком в Доме политехнических наук, а также и в военной школе Харбие. Преподавание русского языка в Доме наук было возобновлено только в 1915/1916 учебном году, но, к сожалению, неизвестно, как долго оно продолжалось. Преподавание русского языка в военной школе, превратившейся с объявлением в 1923 г. в стране республиканского правления в военную академию, возобновилось в 1927 г., но длилось только два года⁴. В стране происходили крупные реформы, главнейшей из которых являлась реформа языка. 1 ноября 1928 г. был принят закон о переходе с арабской графики на латиницу, переход на новый алфавит длился несколько лет. Помимо того что нужно было перевести всю документацию в новый формат, необходимо было создать школы и курсы для обучения, закупить новые печатные станки и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что за 45-летний период преподавание русского языка в дореспубликанский период встало на прочную основу. Этому во многом способствовали подготовленные преподавателями военной школы Харбие учебные пособия, словари и другие учебные материалы на русском языке.

Первым из них является пособие «Учитель русского языка» (*Rusça Muallimi*). На русскоязычной его обложке за упомянутым названием следуют следующие сведения: «С Высочайшего соизволения Его Императорского Величия Всемилоостивейшего СУЛТАНА для употребления в военном училище „Мектеби Харбие“». Составил подполковник М. САДЫК.

¹ Их задача состояла в том, чтобы инспектировать соответствующие полки и докладывать свои соображения о применении в них изученного ими казачьего метода [8].

² Дом политехнических наук в разное время именовался Османским, Султанским, Изящным или Стамбульским домом политехнических наук, (Darülfünun-ı Osmani/Sultani/Şahane, İstanbul Darülfünunu). Он является предшественником Стамбульского университета. В дореспубликанский период он не имел университетской структуры. Факультеты в современном понимании были сформированы 7 октября 1925 г., а университетом он стал называться после реформы 1933 г.

³ Сведения об этом содержатся в исторической справке за 1903 г., расположенной в начале 6-го тома «Салнаме-и Незарет-и Маариф-и Умумийе».

⁴ Изучение русского языка в военных учебных учреждениях возобновилось в 1948 г. С 1962 г. его изучение проводилось в открывшейся при военном училище Харбие языковой школе на постоянной основе.

Преподаватель в том же училище и помощник Генерал-Инспектора всех военных училищ, Его Высокопревосходительства БАРОНА ФОН ДЕР ГОЛЬЦА» [1]. Пособие состоит из трех частей. Первые две части — «Русский алфавит» (10 + 50 + 2 с.) и «Русский учитель чтения» (167 с.) вышли в 1889 г. В них имеются пояснения на турецком, однако все тексты — на русском языке. В 1895 г. Мехмед Садык закончил третью часть и издал в том же году под названием «Школьный друг: книга для чтения в пяти частях» (*Mekteb Arkadaşı: Rusça kiraat kitabı*). Она состоит из пяти глав (206 с.). За исключением предисловия (4 с.) на турецком языке вся книга — на русском языке. В 1897 г. пособие было издано повторно с некоторыми изменениями и дополнениями. Во втором издании первая часть состояла из 194 страниц.

С целью облегчения изучения русского языка в 1892 г. подполковником Ахметом Седатом были подготовлены к изданию «Краткая русская грамматика» (*Rusça Muhtasar Grameri*) и Русско-турецкий словарь (*Rusça-Türkçe Lügat*).

«Краткая русская грамматика» является переводом книги Александра Ивановича Кирпичникова «Синтаксис русского языка применительно к правописанию. 3-й курс», 1869) (77 с.) [10]. Вероятно Седат приобрел ее во время учебы в Санкт-Петербурге (1887—1891). В предисловии он отмечает, что у кадетов не хватало пособий по грамматике, из-за чего он решил перевести на турецкий учебник Кирпичникова, 25 раз переизданный в России.

Изданный им же Русско-турецкий словарь (645 с.) является первым в своем роде словарем в Турции. При создании словаря были использованы русско-французский, русско-татарский и другие двуязычные словари, приобретенные Седатом в России. В словарь, имеющий обложку одновременно на русском и турецком, включено 18 тыс. статей, почти 20 тыс. слов имеют турецкие эквиваленты. Словарь внес большой вклад в обучение студентов и был переиздан в 1908 г. В 2016 г. он был переиздан в третий раз издательством «Академи титиз» (*Akademi Titiz Yayınları*) (865 с.). Транскрипция с османских букв на современные была осуществлена Угуром Гюрсю.

В 1903 г. капитан Мехмед Хусню издал обширный учебник (590 с.) «Учить русский» (*Rusça Öğrenmek*) для всех отделений военной школы. На первых 22 страницах дается русский алфавит и фонетика, после чего следует раздел «Упражнения со словами» (*Talim-i Lügat*). Выполнение упражнений строится на теоретическом знании грамматики, обучении лексике и переводу. Центральное место в учебнике занимают тексты и словарная работа с ними. Грамматические правила сопоставляются с правилами французского языка. Значение русских слов дается одновременно на французском и турецком языках, а иногда и только на французском. Тексты под заголовком «Перевод» представляют собой тексты, дословно переведенные с французского языка. Существует также множество текстов о правилах поведения при знакомстве офицеров с представителями нежного пола. Однако то что является естественным для французского офицера, бывает неприемлемым для турецкого. Таким образом становится ясно, что автор руководствовался французскими источниками без попытки их адаптации к среде и образу жизни обучающихся в Турции.

В 1905 г. Махмуд Назми подготовил учебное пособие «Сборник правильных и неправильных глаголов» (*Efal-i Kıyasıye ve Gayr-i Kıyasıye Mecmuası*) (78 с.) на русском языке опять же для курсантов школы Харбие. Оно содержит разъяснения одной из труднейших для усвоения иностранцами тем — совершенный и несовершенный вид глаголов.

Последним учебным изданием по русскому языку в дореспубликанский период стал изданный в 1908 г. Ремзи-эфенди «Русский букварь» (*Rusça Elifba*).

Большой вклад в распространение русского языка в тот период внесли десятки тысяч русских белоэмигрантов, оказавшиеся в Турции с 1919 по 1924 г. вследствие разразившейся в России Гражданской войны. Кроме множества торговых и обслуживающих предприятий, в Стамбуле сразу по их приезду открывались и школы, разного рода кружки и курсы, издавались альманахи, газеты и книги на русском. Начиная с осени 1923 г. русские эмигранты стали уезжать в европейские страны и Америку.

Радикальные перемены, наступившие после Октябрьской революции в России и национально-освободительной борьбы в Турции, привели к сближению двух стран, что, в свою очередь, имело важные культурные и интеллектуальные последствия. Подписание 19 марта 1921 г. дипломатического соглашения между представителями Великого национального собрания Турции и Россией и установление в результате этого тесных связей на государственном уровне подготовили условия для плодотворного сотрудничества во многих областях науки и искусства. В 1930 г. весьма активизировалась деятельность отделения тюркологии при Институте востоковедения в России. В Турции возникла потребность создания подобных научных учреждений, где могли бы проводиться систематические академические исследования по русистике.

Создание отделений русского языка и литературы в вузах Турции

Системное, академическое преподавание русского языка и литературы в Турции началось в 1936 г. в Анкарском университете. Отделение русского языка и литературы (бакалавриат) стало одним из первых при учрежденном по предложению Мустафы Кемаля Ататюрка в 1935 г. факультете языков, истории и географии (Dil, Tarih ve Coğrafya Fakültesi). В создании отделения активное участие принимали выдающиеся ученые, историки и лингвисты, выходцы из России (Татарстан, Башкирия), Болгарии и Польши: Акдес Нимет Курат (Агдес Нигметов Курат) (1903, Казань — 1971, Стамбул), Хасан Эрен (1919, Видин — 2007, Анкара), Абдулкадир Инан (Фатхелкадир Мустафиевич Сулейманов) (1889, Сарыкульмяк — 1986, Стамбул), а также дипломат, историк и мемуарист Михал Сокольников (1880—1967, Анкара), оставшийся после окончания службы в качестве посла Польши в Анкаре в 1945 г. жить в Турции.

Вплоть до начала 1990-х гг. отделение русского языка и литературы Анкарского университета оставалось единственным в стране, где готовили преподавателей русского языка и литературы, переводчиков, а также востребованных для работы в военно-политических и дипломатических сферах специалистов. В тот период ставились задачи изучения русского языка в сопоставлении с турецким языком, а также освоения через язык культуры народа — носителя языка.

Здесь же готовились учебники русского языка с пояснениями на турецком в соответствии с требованиями военных учебных школ. Так например, «Учебник русского языка для военных средних школ, I—II» (*Askeri Liseler İçin Rusça Ders Kitabı, I—II*) (1953, 1956), подготовленный преподавателем отделения Февзие Султанзаде (I часть — 113 с., II часть — 240 с.), является одним из лучших образцов подобных изданий. При его написании автор шел от простого, базового к сложному. Учебник, которым пользовались одновременно курсанты и студенты, восполнил пробел в издании пособий, длившийся пятьдесят лет.

В 1966 г. в издательстве Генерального штаба вышел второй учебник республиканского периода — Учебник русского языка (*Rusça Ders Kitabı*) майора Фарука Унлютюрка. Майором Унлютюрком был составлен и издан в том же году и издательстве Турецко-русский разговорник-справочник (*Türkçe Rusça Konuşma Kılavuzu*).

В качестве словаря широко использовался изданный Зейнелем Аккочемв в 1947 г. (2 изд. — 1949 г.) Русско-турецкий словарь. При его составлении автор руководствовался словарем Д. А. Магазаника и М. С. Михайлова.

Укрепление социокультурных, политических, экономических и туристических связей между Турцией и странами СНГ привело к расширению сфер применения русского языка и повышению его статуса в образовательной парадигме Турции.

В результате пробуждения интереса к России, русской культуре, русскому языку и литературе к концу 1980-х годов в Анкарском университете открылись магистратура и докторантура по русскому языку и литературе. В начале 1990-х годов одно за другим возникли отделения русского языка и литературы (бакалавриат) в четырех университетах: в 1992 г. — в Стамбульском и Сельчукском (г. Конья), в 1993 — в Эрджиеском (г. Кайсери), в 1995 — в Гази (г. Анкара)¹. В 1996 г. в Университете Фатиха² (г. Стамбул) открылось отделение для подготовки профессиональных переводчиков-русистов.

С 2001/2002 учебного года сначала в Стамбульском университете, а затем и в других были открыты подготовительные отделения по русскому языку. Среднее количество студентов на факультетах русского языка и литературы, слушателей подготовительных отделений в упомянутых университетах за пять лет составило около 200 человек.

С того же 2001/2002 учебного года первоначально в Стамбульском университете, а затем в университетах Эрджие и Гази открылась магистратура и аспирантура по русскому языку и литературе. Открытие этих академических программ создало условия для увеличения количества новых научных сотрудников, а также академических исследований и улучшения их качества.

По решению Министерства национального образования Турции с 2003 г. русский язык преподается на факультетах по подготовке специалистов коммерческой и туристической сфер.

Русский язык вышел из категории малоизучаемых и узкопрофильных специальностей, поднялся на шестое место в рейтинге востребованности после английского, арабского, французского, немецкого и персидского языков [11].

Все это подготовило почву для открытия новых отделений и кафедр русского языка и литературы еще в 23 университетах: Кавказском (г. Карс, 2004), Средиземноморском³ (г. Анталья, 2007), Черноморском техническом (г. Трабзон, 2009), Анатолийском (г. Эскишехир, 2010), Памуккалийском (г. Денизли, 2013), Ардаханском⁴ (2014), Гиресунском (2015), университетах имени Караманоглу Мехметбея (г. Караман, 2008), Сулеймана Демиреля (г. Испарта, 2009), Ататюрка (г. Эрзурум, 2010), Хаджи Бекташ Вели (г. Невшехир, 2010), Ибрагима Чечена (г. Агры, 2012), Реджепа Тайипа Эрдогана (г. Ризе, 2015), Намыка Кемаля (г. Текирдаг, 2015), Мехмета Акифа Эрсоя (г. Будур, 2015), Йылдырыма Беязыта (г. Анкара, 2010), университетах «Медениет» (г. Стамбул, 2010), «9-го сентября» (г. Измир, 2015), Орду (2015), «Бозок» (г. Йозгат, 2006), «Йедитепе» (г. Стамбул, 2017), Чорух⁵ (г. Артвин, 2018) и Университете социальных наук (г. Анкара, 2019). Таким образом, число отделений и кафедр русского языка и литературы в турецких вузах после 1990-х гг. достигло 28.

¹ В 2018 г. в результате разделения Университета Гази отделение русского языка и литературы продолжило свое существование в Университете Анкары имени Хаджи Байрам Вели.

² Университет Фатиха был закрыт 23 июля 2016 г. на основании закона о мерах, принятых в условиях чрезвычайного положения (ОНАЛ).

³ Отделение русского языка и литературы при университете открылась в 2007 г., но стало принимать студентов с 2015 г.

⁴ Кафедра русского языка и литературы Ардаханского университета не имеет подготовительного отделения.

⁵ Отделение не имеет своих студентов, русская литература, культура и история преподаются на кафедре английского языка и литературы как избираемые предметы.

В этот же период также были открыты отделения русского письменного и синхронного перевода в четырех вузах: «Окан» (г. Стамбул, 1999), «Айдын» (г. Стамбул, 2007), «Бейкент» (г. Стамбул, 2007) и Авразийском университете (г. Трабзон, 2013).

Русский язык стал вторым изучаемым иностранным языком в таких университетах, как Ближневосточный технический (г. Анкара), Босфорский (г. Стамбул), «Билим» (Анталья), Тракийский (г. Эдирне), «Хаджеттепе» (г. Анкара), «Билькент» им. Ихсана Дограмаджи (г. Анкара), «Атылым» (г. Анкара), Яшар (г. Измир), Университет им. Сабахаттина Заима (г. Стамбул), «Озьегин» (г. Стамбул), «18 марта» (г. Чанаккале), Университет им. Сыткы Кочмана (г. Мугла), а также на факультетах коммерции и туристической индустрии множества других университетов.

Русский язык преподается также в качестве факультативного курса в университетах Турецкой авиационной ассоциации, экономики и технологий, Объединения палат и бирж Турции, Чанкая (г. Анкара) и МЭФ (г. Стамбул).

Русский язык продолжает сохранять свое значение и свое место в системе высшего образования Турции и в настоящее время. Согласно директиве о программах и квотах высшего образования 2022 г., которая регулирует поток студентов в Турции, четырехлетняя образовательная программа (бакалавриат) по русскому языку и литературе в настоящее время предлагается в общей сложности в 16 высших учебных заведениях, из которых 15 государственных и одно частное [12]. Кроме того, три частных университета готовят профессиональных переводчиков широкого профиля, владеющих как минимум двумя иностранными языками, специализирующихся на устном, письменном, синхронном и художественном переводах [13]. Если посмотреть на данные последних лет, то видно, что каждый год в среднем 750—830 студентов начинают изучать русский язык. Квота на 2022 г. составляла в целом 830, из них 90 — на факультеты письменного и синхронного перевода. В 2020 г. впервые в Анкарском университете была открыта дистанционная форма обучения при кафедре русского языка и литературы с квотой 100 студентов.

Академический состав на 2021/2022 учебный год состоял из 20 профессоров, 30 докторов наук, 15 доцентов и 33 научных сотрудников. Многие университеты укрепили свои кафедры русского языка иностранными и местными специалистами, получившими образование за рубежом. Помимо граждан Турции, работающих на постоянной основе в большинстве университетов, есть приглашенные преподаватели, для которых русский язык является родным (из России, Украины, Беларуси, Азербайджана, Грузии, Казахстана и Кыргызстана).

Преподавание русского языка и литературы на уровне бакалавриата

Для поступления в университеты на отделение русского языка и литературы (РЯЛ) абитуриенты, помимо экзаменов по математике, турецкому языку, социальным и естественным наукам, сдают экзамен по иностранному (английский, немецкий, французский) языку, который изучали в средней школе. Для зачисления на отделение РЯЛ необходимо получить достаточно высокие баллы на вступительных экзаменах.

Студенты бакалавриата в Турции начинают изучать русский язык с элементарного уровня. По этой причине, в отличие от других факультетов иностранных языков, языком преподавания на факультетах русского языка и литературы, как правило, является турецкий. Утверждение, что языком обучения в некоторых университетах является русский, не полностью отражает действительность. 30-летний опыт позволяет говорить о том, что чем глубже знания, тем сложнее студентам усвоить и интерпретировать их на русском языке. Поэтому когда речь идет о кафедрах русского языка

и литературы, выбор целевого языка в качестве языка обучения является препятствием для достижения желаемого успеха.

Несмотря на то что в программах русского языка и литературы турецких вузов встречаются разные наименования предметов [14—21], учебный план в целом основан на применяемом в российских и европейских вузах классическом учебном плане. Программа охватывает четыре цикла дисциплин: лингвистический, литературоведческий, лингвострановедческий и переводческий.

Лингвистический цикл включает в себя фонетику, лексикологию, лексикографию, словообразование, морфологию, синтаксис русского языка, практику устной и письменной речи, практическую грамматику русского языка, грамматику русского языка продвинутого уровня, стилистику русского языка, чтение, письменную и устную коммуникацию, язык и коммуникацию, введение в языкознание, сравнительное языкознание, русский язык для профессиональных целей.

Литературоведческий цикл включает введение в литературоведение, теорию литературы, анализ текста, древнерусскую литературу, анализ древнерусских текстов, русскую литературу XVIII в., русскую литературу XIX в., русскую литературу XX в., современную русскую литературу, русский модернизм.

Лингвострановедческий цикл — историю России, историю русской культуры (древнерусская культура, культура Петровской эпохи, культура эпохи Просвещения, культура XIX в., современная русская культура).

Переводческий — теорию и практику перевода, предпереводческий анализ текста, русско-турецкий перевод, турецко-русский перевод, художественный перевод, перевод деловой переписки, перевод научных текстов.

Программа по русскому языку и литературе в вузах Турции, как и программа классической подготовки филологов-русистов, построена на линейно-ступенчатом, системном принципе. Так, например, дисциплина «Практика устной и письменной речи» изучается от элементарного до продвинутого уровня, при этом особое внимание уделяется обучению видам речевой деятельности: чтению, аудированию, письму, говорению. Дисциплины по русскому языку изучаются в соответствии с системной организацией языка: от фонетики до синтаксиса и грамматики продвинутого уровня, дисциплины по русской литературе — в соответствии с историко-литературным процессом: от древнерусской до современной русской литературы.

Цель учебной программы «Русский язык и литература» в общих чертах заключается в подготовке специалистов, способных нормативно и коммуникативно использовать русский язык и разбираться в вопросах литературы и культуры. Кроме того, дисциплины и учебные мероприятия, предусмотренные учебным планом, обеспечивают формирование предметных компетенций — коммуникативной, языковой, лингвистической и лингвокультурной, соответствующих Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком (Common European Framework of Reference, CEFR).

Успешным студентам предоставляется возможность пройти обучение в рамках программы «Эразмус» в течение одного или двух семестров в высших учебных заведениях Европейского союза и в рамках программы «Мевлана» — в университетах России, Украины и Казахстана. Программа «Фараби» предоставляет турецким университетам возможность обмениваться студентами между собой. Эти программы способствуют не только предметной специализации студентов, но и сотрудничеству университетов и модернизации системы образования.

В рамках названных программ преподаватели русского языка и литературы университетов Турции имеют возможность работать, стажироваться, заниматься научно-исследовательской работой в университетах Европы, России, Украины, Казахстана, с которыми подписаны договоры.

Для преподавателей русского языка как иностранного университетов и учителей школ Турции регулярно проводятся практические семинары. Министерство национального образования Турции предоставляет преподавателям русского языка и литературы стипендии для обучения в аспирантуре ведущих университетов России и материальную поддержку при научно-педагогической и научно-исследовательской стажировке в университетах России.

В настоящее время не имеется недостатка в учебных материалах для преподавания русского языка в вузах Турции. На уроках грамматики используются учебники и другие материалы, подготовленные для иностранцев такими российскими учеными, как С. А. Хавронина, И. М. Пулькина, В. Е. Антонова, М. Н. Аникина и др. Они публикуются издательствами «Русский язык» и «Златоуст» в России и распространяются издательствами «Мультилингвал» и «Ньюанс», являющимися их представителями в Турции. Словари, разговорники, книги с картинками и рабочие тетради также доступны через эту дистрибьюторскую сеть.

В преподавании русской литературы и культуры наряду с учебными материалами по истории русской литературы, изданными в России, используются исследования турецких ученых-русистов. Эти работы публикуются в основном издательствами университетов, в которых они работают, или издательствами, выпускающими академическую литературу.

Как мы видим, преподавание русского языка и литературы, начавшееся в Турции в 1880-х гг., продолжается уже 140 лет. Таким образом, русский язык смог занять важное место среди иностранных языков в Турции.

В высших учебных заведениях Турции русский язык включен в учебную программу как язык обучения, как первый или второй иностранный язык или как язык по выбору. На факультетах, где русский язык является языком обучения или первым иностранным языком, проводится углубленная теоретическая и практическая специализация по русскому языку и структуре русского языка, а также русской литературе, культуре, истории, традициям и обычаям. Кроме того, с учетом важности языка и литературы в межкультурном взаимодействии студентам предоставляется возможность познакомиться с различными культурами.

В заключение можно сказать, что преподавание русского языка в Турции, как сочетание различных образовательных объектов, содержания образования, методов и приемов, средств и технологий обучения, отражает исторический процесс в соответствии с целями образования в контексте социально-экономических потребностей страны.

Список источников

1. Sadık M. Rusça Muallimi[], İstanbul : Tab-ı Cedid İstanbul Agop Matbaası, 1305 по гиджри / 1888.
2. Gülcü N. Von der Goltz Paşa'nın Osmanlı Askeri Okullarını Modernize Etmesi ve Türk İstiklal Savaşına Etkisi // *Mediterranean Journal of Humanities*. 2019. № IX (2). S. 311—317.
3. BOA. Y. A. HUS. 198/56 (22 R. ahir 1304/18 Ocak 1887).
4. BOA. Y. A. HUS. 199/19 (6 C. evvel 1304/31 Ocak 1887).
5. BOA. İ. DH. 88898 (20 Şevval 1306/19 Haziran 1889).
6. BOA. İ. DH. 97135 (13 Muharrem 1309/19 Ağustos 1891).
7. Gençoğlu M. Osmanlı Devleti'nce Batı'ya Eğitim Amacıyla Gönderilenler (1830—1908) — Bir Grup Biyografisi Araştırması : yayımlanmamış Doktora Tezi / Hacettepe Üniversitesi Ankara. S. 82—83.
8. BOA. Y. MTV, 138/92.
9. Dölen E. Meşrutiyet Döneminde Darülfünun // *Osmanlı Bilimi Araştırmaları*. 2008. № X (1). S. 2.
10. Kırpıçnikov A. Rusça Muhtasar Gramer (Çev. Ahmed Sedad). İstanbul, 1310 (по гиджри) 1892.
11. Русский язык в мире : доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2003. 287 с.
12. URL: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-bolum.php?b=10176> (дата обращения: 18.11.2022).

13. URL: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-bolum.php?b=97126> (дата обращения: 18.11.2022).
14. Актай Ш. Историко-хронологический процесс и современное предшествование русского языка и литературы в Турции // *Idil Art and Language Journal*. 2012(4). С. 43—59.
15. Караджан Х. Место и значение российского образования в Турции : дис. ... докт. наук / Университет Анкары. Анкара, 2012.
16. Юнусов И., Озтюрк М. О некоторых особенностях подготовки русской литературы турецким студентам // *Филология и культура*. 2012. № 2(28). С. 161—164.
17. Актай С. История образования русского языка в Турции (на примере Анатолийского университета) // *Самарский вестник*. 2015. № 1(10). С. 128—130.
18. Parlak H. Rus Dilinin Türkiye'de Öğretim Yöntemleri ve Problemleri. Kayseri : Ahis, 2016.
19. Сабзиева М. Система работы подготовительного отделения русского языка и литературы Университета Анкары // *Русский язык в Турции*. 2018. № 10. С. 3—5.
20. Климкина О. И. Преподавание русского языка в системе высшего образования в Турции: традиции и современность // *Siyasi, Sosyal ve Kültürel Yönleriyle Türkiye ve Rusya* (2). Берикан, 2019. Р. 717—738.
21. Сабитова З. К. Преподавание русского языка и литературы в Турции // *Slavicahelsingensia*. 2019. № 52. С. 144—151.

References

1. Sadık M. Rusça Muallimi [Russian Instructor]. İstanbul, Tab-ı Cedid İstanbul Agop Matbaası, 1305 po gidzhri / 1888.
2. Gülcü N. Von der Goltz Paşa'nın Osmanlı Askeri Okullarını Modernize Etmesi ve Türk İstiklal Savaşına Etkisi [Von der Goltz Pasha's Modernization of Ottoman Military Schools and its Impact on the Turkish War of Independence], *Mediterranean Journal of Humanities [Mediterranean Journal of Humanities]*, 2019, no. IX(2), p. 311—317.
3. BOA [BOA]. Y. A. HUS, 198/56 (22 R. ahir 1304/18 Ocak 1887).
4. BOA [BOA]. Y. A. HUS, 199/19 (6 C. evvel 1304/31 Ocak 1887).
5. BOA [BOA]. İ. DH, 88898 (20 Şevval 1306/19 Haziran 1889).
6. BOA [BOA]. İ. DH, 97135 (13 Muharrem 1309/19 Ağustos 1891).
7. Gençoğlu M. Osmanlı Devleti'nce Batı'ya Eğitim Amacıyla Gönderilenler (1830—1908) — Bir Grup Biyografisi Araştırması [Those who were sent to the West by the Ottoman Empire for Educational Purposes (1830—1908) — A Group Biographical Study], yayımlanmamış Doktora Tezi, Hacettepe Üniversitesi Ankara, p. 82—83.
8. BOA [BOA]. Y. MTV, 138/92.
9. Dölen E. Meşrutiyet Döneminde Darülfünun [Darülfünun in the Constitutional Monarchy period], *Osmanlı Bilimi Araştırmaları [Ottoman Science Studies]*, 2008, no. X(1), S. 2.
10. Kirpichnikov A. Rusça Muhtasar Gramer (Çev. Ahmed Sedad) [Russian Grammar (Trans. Ahmed Sedad)]. İstanbul, 1310 (po gidzhri)/1892].
11. Russkiy yazık v mire [Russian language in the world], doklad Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii. Moscow, 2003, 287 p.
12. Available at: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-bolum.php?b=10176> (accessed: 18.11.2022).
13. Available at: <https://yokatlas.yok.gov.tr/lisans-bolum.php?b=97126> (accessed: 18.11.2022).
14. Aktay Sh. Istoriko-khronologicheskii protsess i sovremennoe predshestvovanie russkogo yazyka i literatury v Turtsii [Historical and chronological process and modern antecedents of Russian language and literature in Turkey], *Idil Art and Language Journal*,. 2012(4), p. 43—59.
15. Karadzhan Kh. Mesto i znachenie rossiyskogo obrazovaniya v Turtsii [Place and importance of Russian education in Turkey], Dr. ... sci. diss. Ankara, 2012.
16. Yunusov I., Ozturk M. O nekotorykh osobennostyakh podgotovki russkoy literatury turetskim studentam [On some peculiarities of Russian literature training for Turkish students], *Filologiya i kul'tura [Philology and culture]*, 2012, no. 2(28), p. 161—164.
17. Aktay S. Istoriya obrazovaniya russkogo yazyka v Turtsii (na primere Anatoliyskogo universiteta) [History of Russian language education in Turkey (on the example of Anatolian University)], *Samarskiy vestnik [Samara Gazette]*, 2015, no. 1(10), p. 128—130.
18. Parlak H. Rus Dilinin Türkiye'de Öğretim Yöntemleri ve Problemleri [Teaching methods and problems of Russian language in Turkey]. Kayseri, Ahis, 2016.
19. Sabzieva M. Sistema raboty podgotovitel'nogo otdeleniya russkogo yazyka i literatury Universiteta Anadolu [Anadolu University Preparatory Department of Russian Language and Literature Work System], *Russkiy yazık v Turtsii [Russian language in Turkey]*, 2018, no. 10, p. 3—5.
20. Klimkina O.I. Prepodavanie russkogo yazyka v sisteme vysshego obrazovaniya v Turtsii: traditsii i sovremennost' [Russian Language Teaching in Higher Education in Turkey: Traditions and Modernity], *Siyasi, Sosyal ve Kültürel Yönleriyle Türkiye ve Rusya [Political, Social and Cultural Aspects of Turkey and Russia]* (2). Berikan, 2019, p. 717—738.

21. Sabitova Z.K. Prepodavanie russkogo yazyka i literatury v Turtsii [Teaching Russian language and literature in Turkey], *Slavicahelsingiensia* [*Slavicahelsingiensia*], 2019, no. 52, p. 144—151.

Информация об авторе

Олджай Тюркан — доктор филологических наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Information about the author

Türkan Olcay — doctor of philological sciences, professor, Istanbul University, Istanbul, Türkiye Cumhuriyeti. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

Развитие системы образования: российский и зарубежный опыт

Научная статья
УДК 376.744(47+57)(091)
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-109-117

Учебники русского языка в школах немецких колонистов (последняя треть XIX — начало XX в.)

Ирина Васильевна Черказьянова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, cherk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Аннотация. В статье рассматривается проблема введения русского языка в немецких сельских школах в России во второй половине XIX в., выделяется вопрос разработки и применения учебников русского языка. Первые опыты правительства по включению русского языка в образование колонистов относятся к 1830-м гг. и связаны с организацией центральных училищ. В период «великих реформ» введение русского языка касалось всей начальной системы образования колонистов, процесс ускорился после передачи немецких школ в ведение Министерства народного просвещения (последняя треть XIX в.). На первом этапе в колонистских школах применяли неадаптированные учебники для русских учебных заведений, позже разработкой учебников занялись педагоги и пасторы из колоний. Типовое разнообразие учебников, недостаток русских учителей в школах и отсутствие повседневной практики использования русской речи негативно сказывались на результатах обучения языку.

Ключевые слова: немецкие колонисты, начальная школа, русский язык, учебники, авторы учебников, Министерство народного просвещения

Для цитирования: Черказьянова И. В. Учебники русского языка в школах немецких колонистов (последняя треть XIX — начало XX в.) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 109—117. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-109-117.

Development of the education system: Russian and foreign experience

Original article

Russian language textbooks in schools of German colonists (the last third of the 19th — early 20th centuries)

Irina V. Cherkazyanova

Pushkin Leningrad State University. A.S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation, cherk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1569-002X>

Abstract. The article deals with the problem of introducing Russian language in German rural schools in Russia in the second half of the 19th century, and highlights the issue of development and application of Russian language textbooks. The first experiments of the government on the inclusion of Russian language in the education of colonists belong to the 1830s and are connected with the organization of central schools. During the period of “great reforms” the introduction of the Russian language concerned the entire primary education system of the colonists, the process accelerated after the transfer of German schools to the Ministry of Public Education (the last third of the XIX century). At the first

stage, colonist schools used non-adapted textbooks for Russian educational institutions; later, teachers and pastors from the colonies were engaged in the development of textbooks. The typical variety of textbooks, the lack of Russian teachers in schools, and the absence of daily practice in the use of Russian speech had a negative impact on the results of language teaching.

Keywords: German colonists, elementary school, Russian language, textbooks, textbook authors, Ministry of Public Education

For citation: Cherkazyanova I.V. Russian language textbooks in schools of German colonists (the last third of the 19th — early 20th centuries). *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):109—117. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-109-117.

Введение

Обращение к настоящей теме обусловлено необходимостью исследования малоизученного исторического опыта освоения государственного языка нерусскими народами. Накануне Первой мировой войны в Российской империи насчитывалось около 2,5 млн немцев, основная часть была крестьянами. Вопрос о применении русского языка в столь значительной прослойке нерусского населения является репрезентативным в целом для темы адаптации нерусских народов в российском обществе. Сегодня проблема особенно актуальна в связи с попытками совершенствовать миграционную политику в России.

Тема школьного обучения немцев-колонистов глубоко проанализирована в монографических работах Н. Э. Вашкау [1], В. Зюсса [2], И. В. Черказыановой [3]. Вопрос русского языка в образовании немцев неизменно присутствует в работах о центральных училищах [4—6], специально созданных государством для продвижения русского языка в колонистской среде при подготовке учителей и писарей для скорейшей адаптации немцев в России. Имеются многочисленные статьи о школах колонистов, однако проблема использования русского языка на этапе начального образования колонистов оставляет широкие возможности для исследователей. В настоящей публикации рассматривается учебная литература по русскому языку в последней трети XIX — начале XX в., применявшаяся в начальных сельских немецких школах. Для исследования использованы учебники из фондов Российской национальной библиотеки.

Начальная колонистская школа и учебная литература во второй половине XIX в.

Традиция обязательного посещения школы детьми обоего пола связана в Германии с проведением Реформации — каждый верующий должен был сам читать Библию, а не довольствоваться ее толкованием служителем церкви. С прибытием колонистов в Россию в XVIII в. отношение к школе было перенесено и на российскую почву. Учеба продолжалась до достижения ребенком 12 (обычно для девочек) — 14 (для мальчиков) лет. Население, которое содержало свою школу, воспринимало учебу детей как подготовку к их вступлению в церковную общину (обряд конфирмации). В традиционной школе важную роль играла церковь, пасторы определяли программу обучения и сроки конфирмации, от церкви зависело утверждение учителя на должность. В целом обучение носило религиозный характер, школа была, скорее, школой чтения, заучивания готовых текстов.

«Великие реформы» внесли существенные изменения в жизнь колонистов, в частности в практику немецкой школы. С 1860-х гг. стал вводиться русский язык как один из обязательных предметов. В 1881—1892 гг. все колонистские школы были переданы из Министерства государственных имуществ и Министерства внутренних дел в ведение Министерства народного просвещения (МНП). Это повлекло за собой изменение практики назначения учителя — сельская община утратила право самостоятельно выбирать учителя, хотя за ней сохранялось обязательство материального обеспечения школы и учителя. Учитель выводился из подчинения церкви

и сельской общины, за священнослужителями в школах оставался надзор за духовным воспитанием, преподаванием закона Божьего. С 1897 г. начинается перевод на русский язык преподавания всех предметов, кроме вероучения и собственно немецкого языка.

Масштабы проблемы легче понять, если обратиться к школьной статистике. В 1881 г. в шести губерниях России действовало 535 немецких приходских школ, в том числе в Саратовской губернии — 61, Самарской — 117, Херсонской — 94, Бессарабской — 34, Екатеринославской — 84, Таврической — 145 [7, л. 3—14].

Типовое многообразие школ было отличительной чертой системы образования в России в XIX в. — насчитывались десятки разных учебных заведений, разбросанных по министерствам и часто никак не связанных между собой, отсутствовала преемственность в ступенях образования. К концу XIX в. у немцев также действовали разные типы учебных заведений: центральные училища (готовили учителей для начальных немецких школ), частные, товарищеские, земские, министерские, прогимназии. Зародилась сеть женских училищ. В начале XX в. у колонистов появились торговые и сельскохозяйственные училища.

Основными учебными предметами начальной школы были: закон Божий, русский и немецкий языки, чистописание, арифметика, пение, рисование (черчение). В зависимости от исторического периода, типа школы, наличия специального учителя и средств у общины в школах вводились история, родиноведение, география, естествознание, гимнастика.

Сравнение школ по регионам свидетельствует о том, что учебная программа и набор учебных предметов практически не различались. Так, в школах Царскосельского уезда Петербургской губернии (колонии Кронштадтская, Стрельнинская, Кипеньская) в 1885 г. изучались библейская история и катехизис с объяснительным чтением, правила арифметики, заучивались тексты из Библии и духовные песни, читали и писали на двух языках, русском (по шесть часов в неделю) и немецком, были уроки церковного пения [8, л. 18 об.]. В 1870 г. в Крыму во всех 23 немецких колониях имелись школы, в них числилось 1 188 детей (632 мальчика и 556 девочек). Наряду с другими предметами дети изучали русский язык (чтение, письмо, перевод) [9, с. 214].

Особенности исторического развития немецких школ, изменение в управлении школами, конфессиональные различия, компактное проживание в разных губерниях России — все это предопределяло механизм выработки, утверждения и применения учебников, вносило тематическое разнообразие в их содержание.

Рассмотрением и утверждением учебников и пособий для немецких школ ведали Ученый комитет МНП и особые комитеты при попечителях учебных округов, Рижского (с 1890) и Одесского (с 1896). Большая часть учебных книг для всех немецких школ проходила цензуру и печаталась в Дерпте (Юрьев), Одессе, Риге, т. е. в тех регионах, где немецкое население было значительным. Несмотря на централизованный допуск светских учебников в школы, сам перечень учебной литературы был достаточно обширным и предлагал несколько вариантов одной книги. Учебники закона Божьего для лютеран и католиков утверждали высшие церковные круги, у меннонитов эти вопросы решали училищные советы, во главе которых стояли духовные старшины.

К концу XIX в., кроме Одессы, Дерпта и Риги, появились издательские центры в крупнейших немецких колониях: Гальбштадте, Пришибе, Таловке. В 1886 г. в Гальбштадте П. Нейфельд организовал собственную типографию (позже издательство «Радуга»), поэтому значительная часть духовной литературы, различных календарей для меннонитов, а также учебников на немецком языке издавалась уже на месте. Часть изданий выходила в сосед-

ней колонии в Пришибе, которая была центром лютеранского колониистского округа на р. Молочной.

Длительное время книги для колонистов поступали из-за рубежа, особенно это касалось духовной литературы. Так, первый известный катехизис для меннонитских школ был отпечатан в России (Бердянск) лишь в 1874 г., это был идентичный оттиск с прусского издания [10]. Первые задачки (*Rechentafeln*) и книги песнопений (*Choralus*) для южнорусских меннонитских школ, известные с 1850 г., также поступали из Германии, в основном из крупнейшего центра книгопечатания, каким был Лейпциг [10, с. 670]. Позже *Choralus* был переработан учителем В. Нейфельдом и переиздан в Гальбштадте. Немцы Поволжья использовали работы немецкого богослова Г. Ф. Зейлера (1733—1807) для проведения конфирмации детей немецких колоний на Луговой стороне Волги еще в начале XX в.

Традиционно авторами учебников выступали священнослужители, педагоги, работавшие в городских учебных заведениях, а в более поздний период — сельские учителя и пасторы. Преобладание пасторов среди авторов закономерно и во многом объясняется системой подготовки лютеранского духовенства в России. Центром подготовки будущих священнослужителей был теологический факультет Дерптского университета, некоторые пасторы приезжали непосредственно из Германии. В программе факультета значились дисциплины, связанные с преподаванием в школе. Кандидат богословия при сдаче экзамена *pro ministerio* на право занять место пастора в приходе, кроме испытаний по специальным богословским наукам, проходил аттестацию по педагогике, особенно по методике начального обучения. Университетская подготовка позволяла духовенству создавать церковные школы, а также преподавать в светских учебных заведениях.

Русский язык и учебники русского языка в немецких школах в конце XIX — начале XX в.

Введение русского языка как обязательной дисциплины в немецких школах во второй половине 1860-х гг. породило множество проблем, связанных не только с отношением населения к этому факту, но и отсутствием учителей русского языка и адаптированных учебников для немцев. А вопрос о времени начала обучения языку носил скорее политический характер, чем учебно-методический. После введения русского языка его преподавали сначала с третьего года обучения, потом со второго года. С 1893 г., когда в нерусских школах, к тому времени перешедших в ведение МНП, стали применять естественный (натуральный) метод обучения русскому языку, его стали преподавать с первого года.

Введение обучения на русском языке не могло произойти автоматически после принятия закона, следует учесть настроения в колониистском обществе, которое не спешило отказываться от родного языка в школах. В 1896 г. в Екатеринославской губернии школы с двумя языками («государственным» и «местным») составляли 25,5 % (160 школ), в Таврической — 41,5 % (303), в Херсонской — 20,2 % (142), в Самарской — 19,8 % (147), в Саратовской — менее 1 % (6) [11, с. 66—67, 82—83]. Через несколько лет ситуация в Таврической губернии резко изменилась. По данным на 1 января 1900 г., практически во всех немецких школах преподавался русский язык, исключение составляли две школы для глухонемых. В то же время русский язык вообще не преподавался у татар (505 школ), евреев (116), караимов (10) [12, с. 6]. Эти показатели говорят о более лояльном отношении к русскому языку у колонистов юга России в сравнении с немцами Поволжья, и их отношение вообще несопоставимо с отношением других нерусских народов. Приведенные данные отражают внешнюю сторону проблемы введения русского языка в немецких школах.

На всем протяжении дореволюционного периода учебники русского языка в немецких школах менялись. В последней трети XIX — начале XX в. использовали книги педагогов и методистов А. Г. Баранова (1844—1911), Н. Д. Бунакова (1837—1904), М. А. Вольпера (1851—?), Ф. В. Голотузова, Д. И. Тихомирова (1844—1915), Д. К. Ушинского (1823—1870) и др. В отчетах немецких учителей, собранных Вольным экономическим обществом при обследовании грамотности в России в 1894 г., отражена смена учебников русского языка [13, л. 96 об., 146 об.]. В меннонитских колониях Таврической губернии русский язык начали преподавать с 1869 г. В это время из-за отсутствия адаптированных учебников использовали хрестоматии Ф. В. Голотузова, нацеленные на обучение переводу с русского языка на немецкий и более соответствующие гимназическому курсу. Около 1880 г. им на смену пришло «Родное слово» Ушинского [14 и другие издания]. В 1885 г. к нему прибавилась книга для чтения А. Г. Баранова [15 и другие издания]. Несколько лет спустя учебник Ушинского (ч. 1) был заменен для первого и второго отделений (первые четыре года обучения в немецкой школе) «Русской речью» Вольпера. Первые учебные пособия Вольпера вышли в 1886—1887 гг., состояли из трех выпусков: «Букваря», «Первой после букваря книжки для чтения», «Книги для чтения». Они были предназначены для школ, в которых дети при поступлении не умели говорить по-русски. Позже он разработал учебники для старших ступеней обучения [16 и другие издания]. В колонии Александркрон (Таврическая губерния) учитель Генрих Тиссен использовал в 1894 г. в первом отделении учебник К. Э. Шельцеля [17]¹, во втором и третьем — М. А. Вольпера, в четвертом — книги для чтения А. Г. Баранова и «Начатки грамматики» Д. И. Тихомирова (первое издание вышло в Москве в 1885 г.) [18, л. 64 об.]. В немецких школах Самарской губернии (на 1891 г.) общепризнанным методом обучения грамоте был метод Бунакова, последователя Ушинского. Применялись первые книги после азбуки Бунакова, «Родное слово» Ушинского (1-й и 2-й годы обучения), затем следовали книги для чтения Бунакова и И. И. Паульсона. В лютеранских церковных школах Поволжья русский язык изучали по уже упоминавшемуся учебнику Вольпера «Русская речь», а в русско-немецких товарищеских школах применяли руководства Вольпера или Голотузова и азбуку «Петушок» [19, л. 12—13 об.].

Впервые русская азбука «Петушок» была издана в 1884 г. [20], исправленное и дополненное издание появилось в 1895 г. Более поздние издания нам не известны, но, скорее всего, они были. Составителем был Гюнтер Гуго Амандус Юлиус (1854—1918), лютеранский пастор из поволжской колонии Таловка (Байдек). Это был высокообразованный человек. Он окончил гимназию в Дерпте, а затем там же теологический факультет университета (1881). В 1882—1899 гг. служил пастором в Таловке, был редактором ежемесячного христианского журнала *Friedensbote auf Berg- und Wiesenseite der Wolga* («Фриденсботе»).

Закономерно появление учебника русского языка, составленного немецким пастором, именно в этот период. После передачи всех типов немецких сельских школ в ведение МНП позиции церкви в школе пошатнулись. Священнослужители уже не могли влиять на программу обучения, выбор учителя и учебников, за духовенством осталось лишь право надзора за религиозным образованием и воспитанием юношества. С одной стороны, подготовка собственных учебников была выходом из ситуации для священнослужителей, с другой стороны, это был вклад в разработку адаптированных к нуждам населения учебников.

Предложенный Гюнтером вариант был ориентирован на детей немцев Поволжья. Учебник построен на параллельных текстах (каждое слово име-

¹ В последующие годы учебник выходил под редакцией одного К. Э. Шельцеля.

ет подстрочный перевод на немецкий язык). После общего знакомства с русским алфавитом сразу переходили к заучиванию слогов, состоявших из двух, трех букв, а затем к упражнениям со строчными буквами. Одновременно шло знакомство с гласными (Laute, Vocale) и согласными (Stimme, Consonante) буквами. Во второй трети курса появляется раздел «Упражнения в чтении по слогам и предложениями». Здесь вводятся элементы грамматики: детей знакомят с частями речи (глагол, существительное, прилагательное), членами предложения (подлежащее и сказуемое), падежами и лицами, единственным и множественным числом. Книга заканчивается таблицей умножения и образцами по чистописанию.

Содержательную сторону книги отличает толерантность к русской культуре, верноподданническое отношение к правящему Дому Романовых. Фронтиспис книги оформлен портретом императора Александра III, раздел для чтения «Стихи» начинается российским гимном, отдельный раздел озаглавлен «Наши солдаты». На титуле под рисунком петуха напечатан стихок «Петушок, петушок, золотой гребешок», правда, сам петух почему-то держит в лапе раскрытую книгу с немецкими буквами. Тексты для чтения познавательны и нравоучительны. Использованы стихи А. С. Пушкина («Зимний вечер»), Ю. М. Лермонтова («Ангел», «Молитва»), А. А. Фета («Осень»), И. С. Никитина («Молитва дитяти»). Весьма незначительно, но все же в подобранных словах и текстах для чтения присутствует этнический и местный компоненты. Например, приведены только два этнических определения — прилагательные «русский» и «немецкий», среди имен собственных есть фамилия реформатора Лютера, а город Юрьев в переводе на немецкий язык назван по-прежнему Дерптом (Dorpat). Среди поговорок встречаются тексты, посвященные Волге («Волга всем рекам мать», «Волга добрая лошадь, все свезет»), в коротких диалогах есть прямое упоминание о Луговой и Нагорной сторонах Волги (на обеих сторонах жили колонисты). Названы города на Волге в районе проживания немецких колонистов — Саратов, Самара, Астрахань.

Несколько слов следует сказать о вкладе в разработку учебников для немецкого населения Карла Эрнестовича Шельцеля, преподавателя немецкого языка Одесского шестиклассного училища. О самом авторе почти ничего неизвестно, кроме того, что он работал многие годы в Одессе, а в 1901 г. обозначен как учитель центрального училища в лютеранской колонии Пришиб на Украине, был германским подданным (сведения до 1914 г.). Он разрабатывал учебники русского языка для нерусских школ и немецкий букварь для элементарных школ России. Шельцель стал применять натуральный метод, получивший широкое распространение в Европе в XIX в., для преподавания русского языка инородцам России, немцам в частности. Этот же метод лег в основу его учебников. Его книги ежегодно переиздавались вплоть до 1916 г. В 1892 г. вышло пособие Шельцеля «Методическое руководство для первоначального обучения русскому языку в инородческих школах по реальному (натуральному) методу». Это издание не имело предшественников. По решению попечителя Одесского учебного округа с этого времени преподавание русского языка по реальному методу стало обязательным для школ немецких колонистов на территории округа.

Среди немецких педагогов этого периода выделялся А. А. Нейфельд (1862—1909), учитель и руководитель центрального училища в Хортице (с 1890 г.), затем учредитель и директор частного реального училища в Бердянске (с 1905 г.) [21 ; 22]. Он учился в Орловском центральном училище и в Бердянской гимназии, потом три года, до 1883 г., на историко-филологическом факультете Новороссийского университета, завершал образование в Берлине. Хортицкое училище он изменил полностью, организовал при нем двухгодичные педагогические курсы, приложил немало ста-

раний для организации в Хортице женского училища. Одновременно с педагогической деятельностью он редактировал один из разделов газеты *Odessaer Zeitung* («Одессаэр цайтунг»), при его участии появилась постоянная рубрика «Из колоний», а газета в целом превратилась в настоящий орган колонистов.

Итоги обучения можно проследить, например, по уровню знания русского языка у новобранцев России в 1896 г. Первое место занимала Эстляндская губерния (99 %), Петербургская губерния стояла на шестом месте (80 %). Губернии, в которых проживала основная часть немецких колонистов, распределились в следующем порядке: Таврическая (47 %), Донская (46 %), Херсонская (42 %), Екатеринославская (41 %), Саратовская (40 %), Самарская (28 %) [23, с. 111]. Хотя данные лишь косвенно говорят об уровне владения русским языком колонистами, они отражают состояние проблемы в целом на национальных окраинах.

Предложенный обзор проблемы русского языка в немецких колонистских школах, анализ практики применения учебников на русском языке представляет собой взгляд на историю школьного образования у немцев изнутри, с позиции учителя и ученика, церковных деятелей, авторов учебников. Анализ школьного образования немецких колонистов в историческом развитии, внедрения русского языка в школы показывает, как много зависело от политики государства, большое значение имели священнослужители и учителя в роли проводников, которые своим участием смягчали проблему изучения неродного языка для детей. Несовершенство учебников, методики преподавания тормозило процесс усвоения языка. Изучение учебников для немецких сельских школ в дореволюционный период и в советское время находится в самом начале пути и требует объединенных усилий педагогов и историков.

Список источников

1. Вашкау Н. Э. Школа в немецких колониях Поволжья. 1764—1917 гг. Волгоград : Изд-во ВГУ, 1998. 208 с.
2. Зюсс В. Чему и как учили в немецких школах России (начало XVIII столетия — 1917 год). СПб. : Росток, 2007. 520 с.
3. Черказянова И. В. Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы в Сибири в XVIII—XX вв.). СПб. : [СПбГУТД], 2004. 368 с.
4. Зюсс В., Смагина Г. Подготовка учителей в немецких колониях Российской империи. 1833—1917. Центральные училища и педагогические курсы. СПб. : Росток, 2022. 328 с.
5. Черказянова И. В. Центральные немецкие училища Поволжья в 1833—1917 годах (по материалам Национального архива Республики Татарстан) // Немцы Сибири: история и культура : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 16—18 мая 2006 г.). Омск, 2006. С. 259—266.
6. Черказянова И. В. Центральные училища: к вопросу о русификации и самоизоляции немцев // Молочна—2004: Меноніти і їх сусіди (1804—2004) : Міжнародна наукова конференція (Запоріжжя, 2—5 червня 2004 р.). Zaporozhye, 2004. Запорожье, 2004. С. 100—103 (рус.), 133—136 (англ.)
7. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 14719.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 448.
9. Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1870. № 4. С. 214.
10. Friesen P. M. Die Alt-Evangelische mennonitische Bruderschaft in Rußland (1789—1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtges-chichte. Halbstadt : Raduga, 1911. 777, 154 s.
11. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 год. [Вып. 1]. СПб. : Департамент народного образования, 1898. VI, 303 с.
12. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии, Севастопольского и Керченского градоначальств за 1898 и 1899 годы. Симферополь, 1900. С. 6.
13. РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 877.

14. Ушинский К. Д. Родное слово: для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения. СПб., 1864. [2], 30, 74, II с.
15. Баранов А. Г. Книга для чтения, примененная к тем начальным школам, в которых родному языку начинают обучать по «Родному слову» К. Ушинского. СПб., 1882. 132 с.
16. Вольпер М. А. Русская речь: сборник статей образцовых русских писателей, составленных для старших отделений тех училищ, в которых обучаются не коренные русские дети. СПб., 1893. 265 с.
17. Русская азбука: учебник, примененный к методическому руководству К. Шельцеля для первоначального обучения русскому языку в инородческих школах по реальному методу / сост. К. Шельцель и И. Непокойчицкий. Одесса, 1894.
18. РГИА. Ф. 91. Оп. 3. Д. 877.
19. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 19381.
20. Петушок: русская азбука и первая книжка для чтения / сост. Г. Гюнтер. Таловка, 1884. 68 с.
21. Wilhelm K. A. A. Neufeld // *Odessaer Zeitung*. 1909. 11 Januar.
22. Kurzer Abriß des Lebenslaufes A. A. Neufeld // *Odessaer Zeitung*. 1909. 18 Januar.
23. Фармаковский В. И. Начальная школа Министерства народного просвещения (по официальным источникам). СПб., 1900. 200 с.

References

1. Vashkau N.E. Shkola v nemetskikh koloniyakh Povolzh'ya. 1764—1917 gg. [School in the German colonies of the Volga region. 1764—1917]. Volgograd, Publ. VGU, 1998, 208 p.
2. Zyuss V. Chemu i kak uchili v nemetskikh shkolakh Rossii (nachalo XVIII stoletiya — 1917 god) [What and how they taught in German schools in Russia (early 18th century — 1917)]. Saint Petersburg, Rostok, 2007, 520 p.
3. Cherkaz'yanova I.V. Shkol'noe obrazovanie rossiyskikh nemtsev (problemy razvitiya i sokhraneniya nemetskoy shkoly v Sibiri v XVIII—XX vv.) [School education of Russian Germans (problems of development and preservation of German school in Siberia in XVIII—XX centuries)]. Saint Petersburg, [SPbGUTD], 2004, 368 p.
4. Zyuss V., Smagina G. Podgotovka uchiteley v nemetskikh koloniyakh Rossiyskoy imperii. 1833—1917. Tsentral'nye uchilishcha i pedagogicheskie kursy [Teacher Training in the German Colonies of the Russian Empire. 1833—1917. Central colleges and pedagogical courses]. Saint Petersburg, Rostok, 2022, 328 p.
5. Cherkaz'yanova I. V. Tsentral'nye nemetskie uchilishcha Povolzh'ya v 1833—1917 godakh (po materialam Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tatarstan) [Central German schools of the Volga region in 1833—1917 years (on the materials of the National Archive of the Republic of Tatarstan)], *Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura : materialy 5 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Omsk, 16—18 maya 2006 g.)* [Germans of Siberia: history and culture : materials of the 5th International scientific and practical conference (Omsk, May 16—18, 2006)]. Omsk, 2006, p. 259—266.
6. Cherkaz'yanova I.V. Tsentral'nye uchilishcha: k voprosu o rusifikatsii i samoizolyatsii nemtsev [Central schools: to the question of Russification and self-isolation of Germans], *Molochna—2004: Menoniti i ikh susidi (1804—2004) : Mezhdunarodna naukova konferentsiya (Zaporizhzhya, 2—5 chervnya 2004 r.)* [Molochnaya-2004: Mennonites and their neighbors (1804—004)]. *International Scientific Conference (Zaporizhia, June 2-5, 2004)*. Zaporozh'e, 2004, p. 100—103 (rus.), 133—136 (angl.)
7. Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan (NART) [National Archive of the Republic of Tatarstan (NART)], coll. 92, aids 1, fol. 14719.
8. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)], coll. 821, aids 5, fol. 448.
9. Izvestiya o deyatelnosti i sostoyanii nashikh uchebnykh zavedeniy [News about the activity and condition of our educational institutions], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (ZhMNP)* [Journal of the Ministry of National Education (JMNP)], 1870, no. 4, p. 214.
10. Friesen P.M. Die Alt-Evangelische mennonitische Bruderschaft in Rußland (1789—1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte [The Old Protestant Mennonite Brotherhood in Russia (1789—1910) within the framework of the Mennonite overall history]. Halbstadt, Raduga, 1911, 777, 154 p.
11. Statisticheskie svedeniya po nachal'nomu obrazovaniyu v Rossiyskoy imperii za 1896 god [Statistical data on primary education in the Russian Empire in 1896], [issue 1]. Saint Petersburg, Departament narodnogo obrazovaniya, 1898, VI, 303 p.
12. Obshchiy ocherk sostoyaniya narodnykh uchilishch Tavricheskoy gubernii, Sevastopol'skogo i Kerchenskogo gradonachal'stv za 1898 i 1899 gody [A general outline of the state of the public schools of the Tauride province, Sevastopol and Kerch city governments in 1898 and 1899]. Simferopol', 1900, p. 6.

13. RGIA [RGIA], coll. 91, aids 3, fol. 877.
14. Ushinskiy K.D. Rodnoe slovo: dlya detey mladshego vozrasta. God pervyy. Azbuka i pervaya posle azbuki kniga dlya chteniya [Native word: for younger children. The first year. The ABC and the first book to read after the ABC]. Saint Petersburg, 1864, [2], 30, 74, II p.
15. Baranov A.G. Kniga dlya chteniya, primennaya k tem nachal'nym shkolam, v kotorykh rodnomu yazyku nachinayut obuchat' po «Rodnomu slovu» K. Ushinskogo [A reading book applied to those primary schools in which the native language is being taught according to the "Native word" of K. Ushinsky]. Saint Petersburg, 1882, 132 p.
16. Vol'per M.A. Russkaya rech': sbornik statey obraztsovykh russkikh pisateley, sostavlennykh dlya starshikh otdeleniy tekhnicheskikh uchilishch, v kotorykh obuchayutsya ne korennye russkie deti [Russian Russian: a collection of articles by exemplary Russian writers compiled for the senior departments of those schools where non-native Russian children study]. Saint Petersburg, 1893, 265 p.
17. Russkaya azbuka: uchebnik, primennyy k metodicheskomu rukovodstvu K. Shel'tselya dlya pervonachal'nogo obucheniya russkomu yazyku v inorodcheskikh shkolakh po real'nomu metodu, ed. K. Shel'tsel' i I. Nepokoychitskiy [Russian alphabet: a textbook applied to the methodological guidance of K. Schelzel for the initial teaching of the Russian language in foreign schools using the real method]. Odessa, 1894.
18. RGIA [RGIA], coll. 91, aids 3, fol. 877.
19. NART [NART], coll. 92, aids 1, fol. 19381.
20. Petushok: russkaya azbuka i pervaya knizhka dlya chteniya [The Cockerel: the Russian alphabet and the first book to read], ed. G. Gyunter. Talovka, 1884, 68 p.
21. Wilhelm K. A.A. Neufeld [New field], *Odessaer Zeitung [Odessa Newspaper]*, 1909, 11 Januar.
22. Kurzer Abriß des Lebenslaufes A.A. Neufeld [Brief outline of the curriculum vitae of A.A. Neufeld], *Odessaer Zeitung [Odessa Newspaper]*, 1909, 18 Januar.
23. Farmakovskiy V.I. Nachal'naya shkola Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (po ofitsial'nym istochnikam) [Elementary school of the Ministry of Public Education (according to official sources)]. Saint Petersburg, 1900, 200 p.

Информация об авторе

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, A. S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.

The article was submitted 26.12.2023; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

РУССКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ МЫСЛЬ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

RUSSIAN HUMANITARIAN THOUGHT: THEORY AND PRACTICE

Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 118—127.
Siberia Humanitarian. 2024;(1):118—127.

Русская гуманитарная мысль: теория и практика

Научная статья
УДК 159.9.316.6
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-118-127

Модель коррекционно-развивающей работы по развитию детей с расстройствами аутистического спектра

Наталья Владимировна Мандель

Областной центр диагностики и консультирования, Новосибирск, Российская Федерация,
mandel_natalya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется модель коррекционно-развивающей работы с детьми с расстройствами аутистического спектра, которая строится в рамках эмоционально-смыслового подхода. Акцентируется внимание на значимости взрослого во взаимодействии с ребенком и его роли в развитии детей с аутизмом посредством использования аутистимуляции ребенка для установления контакта с ним и построения направляющего эмоционально-смыслового комментария как основного инструмента привнесения смыслов, что позволяет достигать основной цели работы — адаптации ребенка к социуму. Приводятся примеры из практики автора.

Ключевые слова: эмоционально-смысловой комментарий, эмоционально-смысловой подход, направляющий эмоционально-смысловой комментарий, смысловое поле, коррекционно-развивающая работа, расстройство аутистического спектра, «прамь»

Для цитирования: Мандель Н. В. Модель коррекционно-развивающей работы по развитию детей с расстройствами аутистического спектра // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 118—127. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-118-127.

Russian humanitarian thought: theory and practice

Original article

Model of correction and developmental work on the development of children with autism spectrum disorders

Natalya V. Mandel

Regional Center for Diagnostics and Counseling, Novosibirsk, Russian Federation, mandel_natalya@mail.ru

Abstract. The article analyzes the model of correction and developmental work with children with autism spectrum disorders, which is built within the framework of the emotional-sense approach. Attention is emphasized on the importance of an adult in interaction

with a child and his role in the development of children with autism through the use of autostimulation of the child to establish contact with him and the construction of guiding emotional and semantic commentary as the main tool for bringing meanings, which allows to achieve the main goal of work — the adaptation of the child to society. Examples from the author's practice are given.

Keywords: emotional and meaningful commentary, emotional and meaningful approach, guiding emotional and meaningful commentary, meaning field, corrective and developmental work, autism spectrum disorder, “pram”

For citation: Mandel N.V. Model of correction and developmental work on the development of children with autism spectrum disorders // *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):118—127. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-118-127.

Отечественные психологи уделяют особое внимание развитию личности в социокультурном контексте. Детская психология, психология деятельности, психология личности, психология коллектива, спортивная и космическая психология — области наблюдений и исследований, которые не только обогатили знания о становлении человека в общественных отношениях, но и убедительно определили направления в развитии и возвышении человека от импульсивных неупорядоченных действий младенца к трудовой и творческой самореализации зрелой личности. Особое место в отечественном научном наследии занимает психология аномального развития, которая опирается в своих подходах на понимание нормы.

Развитие ребенка в норме, как процесс поэтапных качественных изменений в кризисные периоды детства и отрочества, происходит только во взаимодействии с человеком. Значимость этой связи на всех этапах детства начиная с рождения была одной из основных идей, разрабатываемых Л. С. Выготским в его культурно-исторической теории развития. Социальная ситуация, в которой взрослый не просто присутствует, но активно организует жизнь ребенка, создает особый вид взаимосвязи, которую Л. С. Выготский называет «прамы». «Прамы» выступает как нераздельная «психическая общность младенца и матери» [1, с. 94], обеспечивающая необходимую для развития ребенка безопасность. Мир для младенца проявляется при его активном реагировании на реальность. При этом уже с рождения предпочтение младенца отдается людям. Начиная с двух месяцев ребенок активно ищет контакт, который проживается в связанных с человеком впечатлениях. Важное открытие значимости общности матери и ребенка становится для нас основанием в выстраивании логики коррекционно-развивающей работы с детьми с расстройствами аутистического спектра (РАС), у которых нарушено проживание этой общности.

Специфика детей с аутизмом определяется не «суммой отдельных трудностей» [2, с. 72], а нарастающей дезадаптацией по мере усложнения социальной ситуации. При этом социальное взаимодействие, которое при нормальном развитии является неотъемлемым условием и привлекает ребенка с рождения, вызывает аффективный дискомфорт у детей с РАС. Они не адаптируются к миру с помощью близких взрослых. Нарастающие трудности приводят к появлению аутистических форм адаптации посредством аутостимуляции. Аутостимуляция начинает выполнять не только защитную, но и тонизирующую функцию. Таким образом, ребенок с РАС не стремится к общению и исследованию, а воспроизводит приятные для себя впечатления, будь то повторяющиеся движения в пространстве, сенсорные впечатления в форме особых визуальных, слуховых и тактильных эффектов или однообразные действия с предметами в избирательной последовательности. Можно сказать, что жизнь ребенка с РАС сводится к «воспроизведению одной и той же ситуации» [1, с. 92], которое заменяет качественные изменения в развитии.

Направление развития ребенка определяется взрослым человеком в культурно-историческом пространстве социума, наполненном предметами

и объектами. Л. С. Выготский обращает внимание на то, что ребенок с раннего возраста находится среди предметов, задающих его активность. Предметы либо притягивают ребенка и «провоцируют» его действия, либо отталкивают, вызывая у ребенка «отрицательную аффективную валентность» [1, с. 147—148]. При этом ребенок оказывается вовлеченным в мир предметов через связанность с человеком. Активность ребенка направляет его к «предметам окружающего мира через другого человека» [1, с. 92]. Предметы становятся поводом взаимодействия взрослого и ребенка, возникают новые ситуации, усиливающие речевую активность.

Ребенок с РАС мир воспринимает искаженно: сенсорные свойства предметов, объектов и явлений в их аффективном притяжении или отвержении приобретают избирательную сверхзначимость. И без специально организованного коррекционно-развивающего процесса ребенок остается во власти аффектов сенсорного поля.

Формы контакта с миром ребенка с РАС не имеют коммуникативной направленности. Он не может указать ни словом, ни жестом на то, что хочет. Даже когда его автономная речь (механическое повторение слогов или слов) воспринимается взрослым как говорящий указательный жест, побудительный мотив к взаимодействию у ребенка отсутствует. Автономная речь ребенка с РАС не является средством общения и не связывает его с другими в социальных отношениях. Например, ребенок многократно произносит, двигаясь в пространстве: «картошечки нет, картошечки нет», а родитель угадывает, что ребенок хочет жареной картошки, потому что любит ее.

Учитывая трудности в развитии и определяя основную цель коррекционно-развивающей работы с детьми с РАС, мы придерживаемся логики эмоционально-смыслового подхода, разработанного О. С. Никольской, Е. Р. Баенской, М. М. Либлинг и др. [3 ; 4—6] Эмоционально-смысловой подход в коррекционной работе с детьми с расстройствами аутистического спектра «опирается на идею первичности аффективных нарушений в патопсихологической структуре аутизма... организующих сознание и поведение» [2, с. 143]. Этот подход направлен на нормализацию аффективной сферы, которая позволяет адаптировать поведение и развивать сознание. Адаптация в социальной среде за счет развития выносливости в контакте у ребенка с аутизмом является основной целью работы специалиста с детьми с РАС.

Задачами коррекционно-развивающей работы с детьми с РАС выступают (при их условной иерархичности), во-первых, развитие у ребенка выносливости в контакте посредством совместных впечатлений, разделенного внимания, сотрудничества, во-вторых, развитие осмысленности происходящего и устойчивости к изменениям и, в-третьих, формирование положительного социального стереотипа адаптации в рамках коррекционно-развивающего занятия как аффективно значимой положительной ситуации.

Коррекционно-развивающая работа с детьми с РАС строится в заданной логике. Важным условием работы выступает увеличение времени взаимодействия, когда выносливость ребенка постепенно нарастает за счет накопления повторяющихся кратковременных эпизодов новых впечатлений, организуемых взрослым. Развитие выносливости в контакте, когда реализуется номинативная возможность слова как имени предмета и регулятивная — как внешнее управление поведением, происходит в совместных впечатлениях. Привлечение ребенка к совместному со взрослым участию в интересном и радостном сенсорном, моторном или игровом взаимодействии создает эмоциональную основу для коррекционной работы.

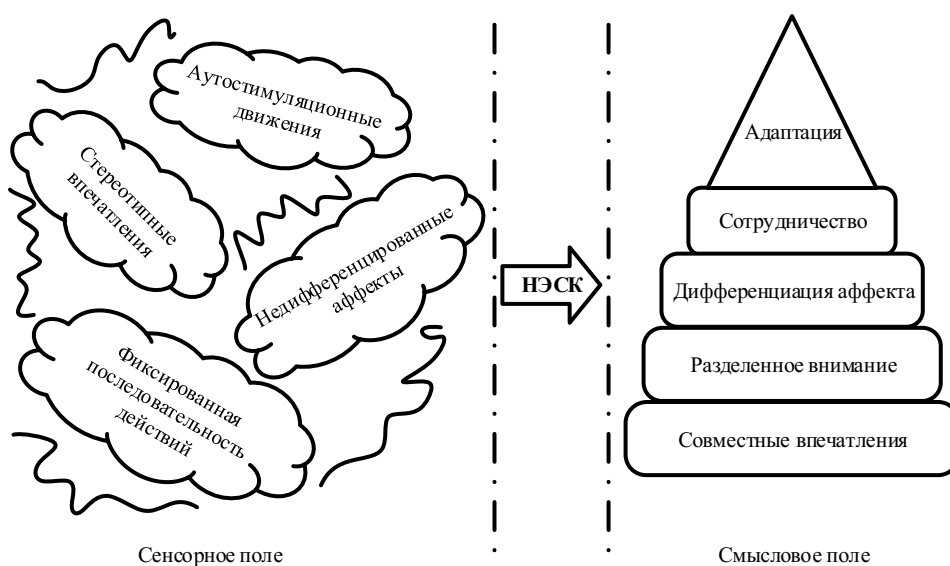
Совместное впечатление организуется и используется взрослым в коррекционно-развивающей работе, с тем чтобы воссоздать социальную ситуацию особой эмоциональной общности («прамь») и придать проживае-

тому ребенком опыту положительную аффективную окраску: «не страшно, а весело», «не опасно, а интересно». Другими словами, «обязательным условием вовлечения ребенка... является эмоционально-смысловой комментарий» [2, с. 145]. Он «тонизирует или успокаивает ребенка», придает игровой или бытовой смысл его аутостимуляционной активности [2, с. 145—146].

Следующим этапом в переходе от совместных впечатлений к сотрудничеству выступает этап разделенного внимания. При этом разделенное внимание понимается нами как ситуация ожидания ребенком впечатления, создаваемая активностью взрослого посредством направляющего эмоционально-смыслового комментария (НЭСК). Например, для организации ситуации разделенного внимания (ожидания впечатления) в совместной игре на коленках «по кочкам» взрослому следует дозировать впечатление до одного-двух повторений. После этого взрослый останавливает игру и «заманивает» ребенка вопросом «еще?», используя для этого тональность, повторение, громкость. При пресыщении ребенка и отсутствии его инициативы (взгляда, направленного к взрослому, улыбки или вокализации) взрослый комментирует: «Поиграли, потом еще поиграем». Если ребенок проявляет инициативу в любой из перечисленных выше форм, то игра продолжается с привнесением новизны. Начало нового цикла игры сопровождается ответом взрослого за ребенка, например «да, еще».

Устойчивость к изменениям позволяет вносить новизну в совместные впечатления, разделенное внимание, совместные действия, вводить правила при сотрудничестве. Подобная ситуация отличается тем, что чувство безопасности ребенка при постоянстве условий (место, освещение и размер помещения), значимых для ребенка предметов (наполненность пространства, количество и назначение объектов) сопровождается развивающей активностью взрослого с обязательным дозированным внесением новизны.

Привнесение взрослым новизны и усложнение совместных впечатлений дает возможность детям узнавать от взрослого ответы на еще не сформулированные вопросы «что это?», «какое это?», «как это?» [1, с. 75]. Так объекты получают имена и приобретают значения в процессе развивающего сотрудничества, и постепенно сенсорное поле ребенка упорядочивается осознанной активностью взрослого в смысловое поле (рисунок).

Модель коррекционно-развивающей работы
Model of corrective-developmental work

Понятие «смысловое поле» впервые встречается у Л. С. Выготского. Анализируя исследования К. Левина, который ввел понятие психологического поля как «жизненного пространства», где разворачивается поведение и динамические связи, обеспечивающие дифференциацию, Выготский оперирует понятием смыслового поля, интерпретируя его как «ситуацию в мысли».

Привнесение смыслов в процессе коррекционно-развивающей работы с ребенком с РАС дает возможность ребенку учиться ждать, просить, отказываться и действовать по очереди. Так в процессе сотрудничества происходит все большее овладение аффектом. И если для детей в норме господство желаний и их удовлетворения, находящееся в прямой зависимости от непосредственной ситуации, характерно только на этапе раннего детства, то для детей с РАС это остается аффективно значимым на протяжении долгих лет. Поэтому сотрудничество является необходимым этапом развития понимания социальной ситуации в смысловом поле и введения «нового аффекта», который изменяет отношение к ситуации. Происходит дифференциация аффекта, появляется предвосхищение ситуации и возможных последствий, например, возникшая у ребенка негативная аффективная реакция комментируется «так играть не будем». Таким образом взрослый делает акцент на интересных играх в прошлом, и ребенок, желая продолжения игры, успокаивается и вступает во взаимодействие. Для детей с РАС только «практическая, чувственно-предметная» [7, с. 281] совместная деятельность в процессе общения с взрослым создает возможности для развития аффективного реагирования. Другими словами, снижение аффективного напряжения желаний опосредуется взрослым через внесение новизны и приятной (интересной) неожиданности в совместные впечатления. Создавая ситуацию ожидания, с учетом доступной для ребенка продолжительности, взрослый задает вопросы «еще?», «хочешь?» и отвечает за ребенка «да, еще!», «да!» Так, совместные впечатления постепенно преобразуются в смысловом поле в совместную игру как вид сотрудничества с развитием диалога, который первично организует взрослый, отвечая за ребенка на свои вопросы. Ребенок с помощью слова учится побуждать «одну вещь как бы воздействовать на другую в смысловом поле» [3, с. 71]. По словам Выготского, возникает «новое отношение между смысловым полем, т. е. между ситуацией в мысли, и реальной ситуацией». Хотя для ребенка с РАС, как и для ребенка в норме на этапе раннего развития, мышление проявляется первично в восприятии и лишь позднее в памяти [3, с. 79]. Поэтому первично «ситуацию в мысли» организует взрослый посредством разыгрываемого им диалога, который сопровождает совместные впечатления и оставляет след в памяти ребенка. На каждом этапе коррекционно-развивающей работы у ребенка с РАС увеличивается выносливость в контакте, появляется устойчивость к изменениям и новизне, накапливается опыт овладения аффектом и сотрудничества, что дает ему возможность адаптироваться в социальной среде.

Основным методом реализации коррекционно-развивающих задач выступает направляющий эмоционально-смысловой комментарий, являющийся разновидностью эмоционально-смыслового комментария. Первично комментарий предстает в естественной речи матери, которая успокаивает или тонизирует ребенка, помогает ему осмыслить происходящее. В коррекционно-развивающей работе с детьми с РАС эмоционально-смысловой комментарий «присоединяется к активности ребенка», придает «игровой (или бытовой, житейский) смысл действиям ребенка», «положительную эмоциональную окраску» [2, с. 146].

НЭСК устанавливает связь между актуальной активностью ребенка с аутизмом и словом как именем и значением, направляя его внимание к собственной активности и воспринимаемому им опыту, переживаемому аффективно значимому впечатлению, в том числе полученному в другой социальной ситуации. Приведем пример из нашей практики

Илья, 3 года.

Илья приходил на занятия, спокойно позволял закрыть дверь и играл с взрослыми, оставаясь в помещении. Однако после неудачного опыта посещения кабинета массажа выносимость в контакте у ребенка резко снизилась. Травмирующее переживание, вызванное удержанием в статичном положении, телесным контактом с незнакомым человеком при массаже, зафиксировалось у ребенка и связалось с закрытыми дверями. Илья, когда закрывали дверь, стал плакать и, по рассказу родителей, не успокаивался даже дома. В течение месяца вместе с Ильей и его мамой мы ходили по коридору, рассказывая, что и где находится, открывали и закрывали двери в кабинетах, заглядывали в помещения и двигались дальше. Только после продолжительного периода безопасного для ребенка перемещения в открытом пространстве коридора Илья смог вернуться к игре в кабинете.

Значение направляющего комментария заключается в тех смыслах, которые «приписываются» действиям ребенка в проживаемой им ситуации. Оно (слово), по Дж. Боулби, «присутствует, как ожидание» (пример: «откроем-закроем, посмотрим — что там? — игрушки»). Множественность значений направляющего комментария тесно связана с вариативностью смыслового поля, которая позволяет выбирать значения, опирающиеся на активность ребенка с РАС, его актуальное состояние и социальный контекст. Например, «побежали-побежали» может быть как игрой в одной ситуации, так и возможностью успеть при опоздании в другой. А «поймаю-поймаю» из игры превращается взрослым в мягкую форму обучения перемещаться вместе с родителями, не убегая от них.

Восприятие для детей с расстройствами аутистического спектра первично тесно связано с сенсорными процессами и эмоциональными реакциями. Использование речи в направляющей развитие логике структурирует хаос импульсивных движений и желаний. НЭСК использует логику смыслов и значений, соединяет импульсы ребенка с именами объектов, субъектов, событий и явлений. Направляющий комментарий называет предметы, движения и действия ребенка, его спонтанные состояния, что позволяет ребенку открывать значения объектов, а также своих движений, действий и в конечном счете формировать самовосприятие. Направляющий комментарий сопровождает любое движение или действие, совершаемое ребенком, от его начала до завершения, ориентируя ребенка в текущем пространственно-временном бытии, задавая первичную логику «сначала — потом».

Опорами для облегчения восприятия выступают глаголы, обозначающие аутистимуляционную активность ребенка. Например, «побежали, побежали — прибежали». Интонационная окраска и интенсивность подчеркивают скорость движения и остановку. Повторы соотносятся с продолжительностью движения. Паузы используются для создания ситуации ожидания — «еще?» Прекращение движения или действия связывается с возможностью вернуться к нему в будущем: «потом». Совершение ребенком нового движения сопровождается соответствующим движением направляющим комментарием. Соединение активности ребенка со словом в направляющем комментарии сохраняет логику развития детской речи ребенка в норме: называется предмет (что это?) или субъект (кто это?), называется движение/действие (что делает?). «Ребенок всегда начинает с произнесения отдельных слов; этими словами в начале развития являются имена существительные; далее имена существительные снабжаются глаголами — возникают так называемые двучленные предложения. В третьем периоде появляются прилагательные и, наконец, с приобретением известного запаса фраз — рассказ с описанием...» [8, с. 378]. Приведем пример того, как эта логика воспроизводится в направляющем комментарии.

Егор, 5 лет.

Егор бежит по кругу, эпизодически хватая кубики и бросает. При использовании направляющего комментария для соединения восприятия и совершаемых движений сначала обозначается объект импульсивного восприятия ребенка и следом действие, относящееся к объекту: «Кубик (объект) — бах! Упал (действие)». Когда кубики стали мешать движениям Егора, я их подняла, комментируя: «Уберем, все-все уберем! (двучленное предложение)».

Последовательное усложнение комментария позволило включить ребенка в сотрудничество. Для этого была создана новая ситуация — ситуация совместной игры. Бросанию ребенком кубиков был «приписан» новый — игровой — смысл. Я стала «ловить» кубики со словами: «Ой, не поймала, опять не поймала, поймала! На!» Постепенно мальчик начал ждать, когда будет пойман кубик, стал бросать кубик в мою сторону. Позднее уже разделяемое впечатление было преобразовано в строительство и разрушение башни: «Поставим кубик, еще поставим, сюда, вместе. Высокая башня! Бах и упала!» Процесс усложнения направляющего комментария проходил в горизонтальной плоскости смыслов, когда к называнию совершаемого ребенком действия присоединялось действие взрослого, потом действие взрослого преобразовывалось в совместное впечатление «поймать — не поймать кубик», из которого организовалась игра «Вместе строим башню».

При этом форма глаголов первого лица множественного числа объединяет в «прамы»: «побежали-побежали — прибежали», «апчихи, чихнули и носик вытрем, раз и вытерли» и т. д. Л. С. Выготский замечает, что «название предмета дано вместе с его восприятием, и... само восприятие отдельных объективных сторон этого предмета находится в зависимости от того значения, от того смысла, которым сопровождается восприятие» [8, с. 372]. Близкий взрослый сопровождает направляющим комментарием восприятие ребенка с расстройством аутистического спектра, называя объекты и придавая значения происходящему.

Мы начинаем коррекционную работу с организации специфического внешнего действия, используя НЭСК. Точность направляющего комментария, его описательное соответствие по смыслу, тональности и интенсивности движениям, действиям, состояниям и аффектам ребенка с расстройством аутистического спектра позволяет организовать новый внешний контур смыслов в опыте ребенка. По мере приобретения нового опыта в разделенных впечатлениях, в совместных переживаниях аффект ребенка дифференцируется, происходит «изменение... отношений», что и «составляет содержание развития эмоций» [9, с. 210]. Эту мысль Выготского ярко иллюстрирует пример из практики.

Вася, 11 лет.

Ребенок впервые пришел с мамой на консультацию. Из предварительной беседы с мамой стало известно, что несколько дней назад произошел инцидент в душевой детского бассейна. Сверстники окружили Васю, толкали, смеялись и обзывали. Мальчик не мог себя защитить, а взрослых рядом не было. Зайдя ко мне в кабинет, Вася начал браниться, плевать в сторону взрослых. Мама не могла понять поведение сына и чувствовала себя крайне дискомфортно. Я успокаивала маму и наблюдала за развитием ситуации. Вскоре Вася приблизился и начал пинать нас. На комментарий: «Ты же хороший мальчик» ребенок отошел, но продолжал возбужденно двигаться и браниться. И только после того, как его состояние было понято и правильно названо: «Очень плохо мальчики сделали! Очень плохо! Нельзя обижать, нельзя так делать, очень плохо сделали мальчики, очень-очень плохо! Расстроился, сильно расстроился...», Вася мгновенно расслабился, подошел, сел рядом, прижался и стал рассказывать о своих увлечениях историческими фильмами.

Этот пример подтверждает слова Выготского об овладении аффектом — «называние эмоций изменяет эмоцию» [10, с. 189]. Каждый ребенок осмысляет аффект сначала восприятием, потом памятью, а позднее в сюжетной и ролевой игре — воображением. Приведем пример постепенного

осмысления ребенком аффекта в социальной ситуации, осложненной травматическим опытом ребенка.

Марк, 7 лет.

Коррекционная работа с Марком на описываемый момент велась три года. За это время ребенок научился говорить, задавать вопросы и отвечать на них, ждать, играть с использованием предметов-заместителей в сюжетно-ролевые игры, рисовать, слушать истории, рассказывать стихи и плавать. Все достижения Марка были особенно значимы с учетом его первичного состояния на начало коррекционно-развивающей работы: на тот момент Марк не говорил, не играл, импульсивно бросал предметы, в том числе предметы мебели, передвигался только под контролем и с крепким удерживанием руки мамой. Высокая чувствительность ко всем сенсорным свойствам и явлениям окружающего мира: запахам, звукам, свету, движению, явлениям природы, особенно облакам, — возбуждала и ранила его. Марк постоянно испытывал страх и дискомфорт, что проявлялось в двигательной расторможенности и множественных аутостимуляциях.

В описываемом примере Марк находился вместе с мамой в игровой и ждал меня, как обычно, выбирая игрушки. Однако мое появление вызвало неожиданное поведение — Марк подбежал со словами «любимая Наталья Владимировна!», прижался и обнял. Никогда мальчик так не делал. Это было тем более удивительно, что Марк имел высокую тактильную чувствительность и избегал прикосновений. После неожиданного выражения чувств ребенок стал быстро бегать и прыгать — подобная интенсивность и резкость движений была характерна для него три года назад. Мама Марка тихо сообщила, что умерла ее сестра, тетя мальчика, которую он знал с рождения, и вчера ее похоронили. Марка на похороны не взяли. После рассказа мамы я поняла, что наблюдаемое поведение Марка было связано с ситуацией острой дезадаптации на фоне потери родного человека. Я приняла решение «проиграть» похороны. Для этого была использована кукла-мальчик, которую Марк уже выхватил из шкафа и подбрасывал к потолку. Куклу он называл Игореша. «Игореша упал и умер, — подхватила я куклу. — Надо похоронить. Где будем хоронить?» Марк быстро определил: «В сухом бассейне!» Я сказала: «Пойду за коробкой. Она будет „гробом“. А ты пока копай „могилку“». Марк старательно копал ямку в сенсорном бассейне с шариками, когда я вернулась с коробкой. Он положил куклу в «гробик», закрыл коробку. Когда «гробик» положили в ямку, закопал «могилку». Я сказала, что нужен памятник. Марк придумал сделать его из игрушечной вазы с цветами. «Теперь надо сказать хорошие слова», — призвала я. Марк ждал. Я начала говорить, каким хорошим был Игореша, как мы любили с ним играть, как мы будем скучать без него. Марк слушал речь на «похоронах», забравшись высоко на спортивную лестницу и разглядывая происходящее сверху. Потом я обернулась к Марку и спросила: «Ты любишь свою тетю?» Ребенок ответил: «Да». «Будешь скучать?» — продолжила я. «Буду очень скучать!» — ответил мальчик. «Тетя будет приходить и обнимать тебя во сне, разговаривать с тобой. Она тебя тоже очень любит». Мы уже рисовали с Марком сны и разговаривали о том, что ему снится. Поэтому была возможность использовать эти смыслы. Поведение Марка после завершения «похорон» и короткого разговора о тете изменилось. Он расслабился, вернулась обычная плавность движений. По рассказу мамы, дома разговор был продолжен, поговорили о том, как все любили тетю и будут скучать.

Неосознаваемый аффект, возникший в травматической ситуации потери близкого человека, был в заданных смыслах «кукла — похороны — хорошие слова — любовь тети» прожит как новый опыт. Были получены ответы на вопросы: «что это?», «как это называется?», «что с этим можно сделать?» и «что это значит для меня?»

Осмысленность вплетается направляющим комментарием в проживание ребенком недостаточно дифференцированной ситуации. Осознание близким взрослым аффекта, действия и деятельности, организуемой и называемой им, позволяет ребенку с РАС пройти путь от слитности с сенсорным полем к освоенности развивающих смыслов в социальных ситуациях через взаимодействие и диалог. Только в общении с другим человеком происходит принятие смыслов. Так «восприятие может соединиться с любым зна-

чением» [8, с. 375]. Это позволяет усложнять НЭСК в ситуации захваченности аффектом, внося развивающее ребенка значение — значение «как мое отношение к моей среде» [9, с. 469]. В логике развития ребенка с РАС мы следуем в направлении «овладения им аффектом» и развития им осмысленности своих желаний, действий и ситуации. Несмотря на то что «осмысленность — свойство восприятия взрослого, не присущее ребенку», она, по словам Л. С. Выготского, «возникает на известной ступени, является продуктом развития, а не дана с самого начала» [9, с. 466]. Если при нормальном развитии действие ребенка с рождения направлено на человека и осуществляется через него, то и в коррекционно-развивающей работе мы проходим с детьми с РАС этот путь, направляя их к человеку и действиям вместе с человеком.

Список источников

1. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. СПб. : Перспектива, 2020. 224 с.
2. Аутизм и расстройства аутистического спектра: диагностика и коррекционная помощь / О. С. Никольская и др. М. : Юрайт, 2022. 295 с.
3. Выготский Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Психология развития: хрестоматия. СПб. : Питер, 2001. С. 56—79.
4. Баенская Е. Р. Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием (ранний возраст). М. : Теревинф, 2014. 112 с.
5. Либлинг М. М., Баенская Е. Р. Значение эмоционально-смыслового комментария в коррекционной работе с детьми с аутизмом // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2016. № 1. С. 24—28.
6. Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М. Аутичный ребенок: пути помощи. М. : Теревинф, 2010. 288 с.
7. Запорожец А. В. Избранные психологические труды : в 2 т. Т. I. Психическое развитие ребенка. М. : Педагогика, 1986. 320 с.
8. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982. 504 с.
9. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / под общ. ред. Е. Завершневой и Р. Ван дер Веера. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 608 с.
10. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Элькнина. М. : Педагогика, 1984. 432 с.

References

1. Vygotskiy L.S. Voprosy detskoy psikhologii [Child psychology issues]. St. Petersburg, Perspektiva, 2020, 224 p.
2. Nikol'skaya O.S. et all. Autizm i rasstroystva autisticheskogo spektra: diagnostika i korrektsionnaya pomoshch' [Autism and autism spectrum disorders: diagnosis and remedial assistance]. Moscow, Yurayt, 2022, 295 p.
3. Vygotskiy L.S. Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitii rebenka [Play and its role in the mental development of the child], *Psikhologiya razvitiya* [Developmental Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2001, 512 p.
4. Baenskaya E.R. Pomoshch' v vospitanii detey s osobym emotsional'-nym razvitiem (ranniy vozrast) [Help with raising children with special emotional development (early childhood)]. Moscow, Terevinf, 2014, 112 p.
5. Libling M.M., Baenskaya E.R. Znachenie emotsional'no-smyslovogo kommentariya v korrektsionnoy rabote s det'mi s autizmom [The importance of emotional and semantic commentary in correctional work with children with autism], *Vospitanie i obuchenie detey s narusheniyami razvitiya* [Upbringing and education of children with developmental disabilities], 2016, no. 1, p. 24—28.
6. Nikol'skaya O.C., Baenskaya E.R., Libling M.M. Autichnyy rebenok: puti pomoshchi [An autistic child: ways to help]. Moscow, Terevinf, 2010, 288 p.
7. Zaporozhets A.V. Selected psychological works [Selected psychological works : in 2 vol., vol. I. Psychical development of the child]. Moscow, Pedagogika, 1986, 320 p.
8. Vygotskiy L.S. Collected Works. Vol. 2. Problemy obshchey psikhologii [Problems of general psychology], ed. V.V. Davydov. Moscow, Pedagogika, 1982, 504 p.
9. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Selected Works [Notebooks of L.S. Vygotsky. Selected], ed. E.Zavershneva, R. Van der Veer. Moscow, Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2018, 608 p.

10. Vygotskiy L.S. Collected Works. Vol. 4. Detskaya psikhologiya [Child psychology], ed. D.B. El'konin. Moscow, Pedagogika, 198

Информация об авторе

Мандель Наталья Владимировна — педагог-психолог, Областной центр диагностики и консультирования, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: mandel_natalya@mail.ru

Information about the author

Natalya V. Mandel — educational psychologist, Regional Center for Diagnostics and Counseling, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: mandel_natalya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 01.03.2024.

Русская гуманитарная мысль: теория и практика

Научная статья
УДК 930.85:801.7
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-128-141

Трансформация Русского мира в раннесоветский период

Тамара Юсуфовна Красовицкая

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
tkrasovitskaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается первый период становления Советского государства в контексте поисков языковых форм и паттернов, соответствующих меняющейся картине мира. Анализируется культурно-политический фон, оказывающий влияние на изменение контента Русского мира. Акцентируется внимание на отдельных функциях языка и их роли в формировании механизмов влияния на сознание масс. В конкретно-исторический анализ впервые вовлечены источники, ранее применяемые в лингвистике и литературоведении.

Ключевые слова: Русский мир, раннесоветский период, авангардизм, пропаганда, идеология, ЛИТО

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023—2025 гг. (руководитель — академик РАН В. А. Тишков).

Для цитирования: Красовицкая Т. Ю. Трансформация Русского мира в раннесоветский период // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 128—141. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-128-141.

Russian humanitarian thought: theory and practice

Original article

Transformation of the Russian World in the Early Soviet Period

Tamara Yu. Krasovitskaya

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tkrasovitskaya@mail.ru

Abstract. The article deals with the first period of the formation of the Soviet state in the context of the search for language forms and patterns corresponding to the changing world picture. The cultural and political background influencing the changing content of the Russian world is analyzed. Attention is emphasized on the individual functions of language and their role in the formation of mechanisms of influence on the consciousness of the masses. For the first time the sources previously used in linguistics and literary studies are involved in the concrete-historical analysis.

Keywords: Russian world, early Soviet period, avant-gardism, propaganda, ideology, LITO

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the program of scientific research related to the study of ethno-cultural diversity of the Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity 2023—2025 (head — Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).

For citation: Krasovitskaya T.Yu. Transformation of the Russian World in the Early Soviet Period. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):128—141. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-128-141.

В актуальных исследованиях забвений, преодолений, ностальгий, фреймов, рессентимента, травм, фронтиров, так или иначе связанных с идеей Русского мира, важно привлечь внимание к раннесоветскому периоду формирования дискурса, протекавшего в пространстве власти, в разных практиках первых лет формирования Советского государства. Актуальные инверсии истории и памяти, войны, которые ведутся на этом поле, нуждаются в осмыслении и уточнении. В данной статье рассмотрим общественно-политические процессы, определившие трансформацию идейно-культурной концепции Русского мира, синтеза государственных задач и языковых ресурсов, послужившего развитию не только политической системы, но и лингвистики.

Российское общественное сознание к 1917 г. представляло собой духовно-интеллектуальный сплав идей разной степени радикализма: символистской «третьей духовной революции», «нового религиозного сознания» Д. Мережковского, богостроительства А. Луначарского и М. Горького, философии «общего дела» Н. Федорова, теософии Е. Блаватской, христианского социализма С. Булгакова, экуменизма В. Соловьева, космогонических фантазий Э. Циолковского, христианского анархизма Л. Толстого и, конечно, марксизма в разных изводах его исповедования.

После октября 1917 г. институт государства подвергся серьезным трансформациям. Перед представителями разных литературных течений и групп встал вопрос о возможности взаимодействия с новой властью. Многие деятели искусства и науки связывали с революционными преобразованиями большие надежды. «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — такой вопрос задала газета «Петербургское эхо» литературным и общественным деятелям в начале января 1918 г. А. Блок ответил без колебаний, что может и обязана. «...У интеллигенции звучит та же музыка, что и у большевиков... Декреты большевиков — это символы интеллигенции...» [1]. Эль Лисицкий подчеркивал особенность момента: «Интеллектуалы, академики ожидали прихода „нового времени“ в образе Мессии с сияющим нимбом над головой, в белых одеждах на белом коне, с наманикюренными руками» [2]. Разночинцы с Васильевского острова и Петроградской стороны, сверстники российского и советского теоретика литературы Виктора Шкловского и его товарищи выбирали революцию сознательно. Они действительно верили: политическая свобода способна творить чудеса. Культура, как и власть, имеет дело с чрезмерностью, всплесками энергии, бесцельными и потому прекрасными. А главное — при новом режиме социальные лифты будут двигаться с огромной скоростью... С апломбом называют они модернизм, авангардизм, футуризм, супрематизм передовыми и передовейшими «революционными течениями». В. Б. Шкловский вспоминал позже: после революции его поколение рассчитывало на «диктатуру Академии наук, точнее — диктатуру искусства. Мы были убеждены, что это случится» [3, р. 125]. А. В. Луначарский, увлекаясь, хотя и помня их умение метать отравленные стрелы в прежнюю власть (сам участвовал!), считал: в будущем нового человека и нового общества они разберутся.

Сообразно политической трансформации общества происходило переосмысление идеи Русского мира, лежащей в центре культурных традиций. Основную тему брюсовской историософии о трагической смене культур разделял И. А. Аксенов, блюститель традиций русского авангарда, сторонник радикального новаторства, организатор диспутов о новом искусстве с Д. Д. Бурлюком, В. В. Маяковским, А. В. Лентуловым. В 1918 г. Аксенов

вошел в состав Совета ЛИТО Наркомпроса от литературной группы конструктивистов. Идеолог западной ориентации среди московских футуристов, он с начала 1920-х — ближайший сподвижник Вс. Э. Мейерхольда. Философ и эзотерик П. Д. Успенский пытался заложить интеллектуальные и духовные основы культуры нового типа. Его видение творческих исканий в России и на Западе основано на идее иерархического строя реальности, различных уровней знания и сознания, подъема и упадка цивилизаций [4]. Писатель, психолог и философ, он объяснял сложное сплетение жизненных и философских влияний Запада и Востока. Пробираясь в 1919 г. к югу, подальше от Наркомпроса, Успенский неистовыми декламациями прокладывал путь арсеналам радикальных доктрин. Его литературный герой «обещал дать людям все, о чем они мечтали, все, о чем они могли бы мечтать. И ни на секунду он не задумался о том, может это быть выполненным или нет». Как культурную катастрофу Успенский оценивает то, что произошло после смены государственного строя в октябре 1917 г.: «Фактически жизнь России была остановлена в первую минуту революции. Эта минута означала уничтожение какой бы то ни было возможности культурной работы» [5]. Поборник теории Третьего Ренессанса А. К. Топорков, философ из круга «Мусагета», оказавшись руководителем «диалектического кружка» при Военной академии штаба РККА, выдвигал очередную модель развития русской культуры: Россия и славянский мир должны осуществить новое Возрождение, прообразом послужит позднеантичная александрийская культура с ее характером, объединяющим Запад и Восток. Идеи Топоркова разделяли Вяч. Иванов и античник Ф. Ф. Зелинский, «символистом в душе» его называл А. Ф. Лосев [6—8].

Тем не менее коммуницирование со складывающейся политической реальностью помогало представителям разных сторон приспособляться к ней, преобразовывать ее. Язык получил статус *природного ресурса государственного строительства*, его политических практик. Кипящие споры вокруг возникающих политических проектов и планов, например монументальной пропаганды, реформы школы и вузов, судьбы театрального Октября и пр. привлекали символистов, акмеистов, имажинистов, поэтов, прозаиков и переводчиков, эссеистов, критиков. Языковые проблемы вовлекали в дискуссии, связанные с научной и политической рефлексией в границах разных проблемных полей [9].

Так, изменение правописания 1918 г. — сложная и неоднозначная проблема, требующая тщательного изучения как с культурной, так и с исторической точки зрения, встретила резкую критику политического характера. Творческая элита не принимала большевистскую революцию и ее последствия, в том числе и реформу орфографии. Больше всего нападков было на низкий профессионализм реформаторов, сильных лишь большевистским напором. Но созданная при Отделении русского языка и словесности Академии наук Орфографическая комиссия с 1904 г. призвана была решить задачу упрощения русского письма (в первую очередь в интересах школы). Возглавлял ее выдающийся языковед Ф. Ф. Фортунатов, в состав входили А. А. Шахматов (возглавивший комиссию в 1914 г. после смерти Фортунатова), И. А. Бодуэн де Куртенэ, П. Н. Сакулин и др.

В ходе исследования М. О. Карманова выявила четыре причины негативного отношения научной и литературной элиты к реформе правописания. Первая причина — социокультурная: орфография воспринималась как одна из основ культуры. Ее изменения воспринимались как предательство исторических устоев, нарушение культурных кодов. Вторая причина крылась в том, что реформа, по мнению творческой элиты, представляла собой прямое вмешательство в личную и творческую жизнь. Третья причина: изменение правописания олицетворяло собой «секуляризацию русского языка». И четвертая, основная причина была сугубо политической [10, с. 130—135].

Вяч. Иванов, работавший в ЛИТО и других отделах Наркомпроса, считал реформу правописания «антиэстетической», восклицая, что «преемственностью может ли дорожить умонастроение, почитающее единственным мерилом действенной мощи — ненависть, первым условием творчества — разрыв?» [11, с. 89] Он вывел на поверхность основной источник конфликта, затронув столкновение двух принципов — исторического (связанного с церковнославянским языком) и фонетического письма как причину несогласия с реформой.

Поэты, писатели, философы и ученые были уверены, что большевики шли на поводу у безграмотных масс и упростили орфографию, чтобы поставить на один уровень интеллигенцию и безграмотные массы. Негативное отношение к реформе усиливалось из-за насильственной реализации: не объяснялась необходимость реформы, упраздненные буквы изымались из типографий и наборных касс, изъятие порождало множество казусов.

В научных кругах отношение к реформе правописания было неоднозначным. Филолог Ф. Браун называл реформу «педагогически разумной» [12, с. 2—3]. Он поддерживал идею П. Н. Сакулина, что правописание должно быть доступно: «Безразлично, как пишет человек, — лишь бы написанное им понималось читающим без труда». Филолог и литературовед Н. К. Кульман из Комиссии по русскому правописанию при Императорской академии наук противился нововведениям из-за их принудительного введения. Эмигрировав в 1919 г., он утверждал: «Реформа была принята в атмосфере революционного кипения и при помощи революционных методов... Новая орфография, совершенно не будучи академической, стала большевицкой». Отрицательное отношение он объяснял политическими причинами. «Для кого „новая“ Россия начинается с большевиков, тот, само собой, должен защищать и новое правописание, один из их атрибутов, но кто не с большевиками, тот должен старую орфографию оберегать», поскольку «...крутая и насильственная ломка правописания в стране с богатым литературным наследием — недопустима» [13, с. 15].

Власти, упорядочивающей этнокультурный дискурс в политическом пространстве, необходим был адекватный язык для создания новой картины мира. Особое значение обрела номинативная функция языка. Перемена названий позволяла менять смысловые рамки (фреймы), что давало возможность влиять на восприятие и формировать новое сознание. Изменение названий, придание им нового смысла, с одной стороны, прерывало связь с дореволюционным прошлым многих сфер жизни, предавало забвению все, что напоминало о нем, а с другой — создавало впечатление обновления всех сторон жизни общества. Более того, перемена наименований призвала к существенным изменениям самого объекта номинации. Прагматическая сторона дела определялась *учительным и мессианским* отношением.

Ленинские установки задавали политические императивы практикам «переформатирования» сознания и поведения человека. Партийные верхи стремились воздействовать на общественное сознание, реализуя свои цели именно через лексику. В. Шкловский, один из представителей русского формализма, считал главной функцией языка и создаваемой им картины мира в политической коммуникации борьбу за политическую власть. Он отмечал *политически важный талант* коммуницирования новых лидеров в стране, особенно выделяя Ленина, создав яркий образ воздействия его мысли: «...катил свою мысль как громадный булыжник... он *сминал перед собой сомнения*, точно кабан тростник» [14, с. 52].

Сразу после смерти Ленина, 6 марта 1924 г. в Российский институт истории искусств (Разряд истории словесных искусств), «основную цитадель формализма», поступил циркуляр Главнауки, которая, руководствуясь постановлением Наркомпроса «О мероприятиях по изучению жизни и деятельности В. И. Ленина», потребовала от учреждений «указать, в какой

форме» они собираются «отразить в процессе своей работы личность и идеи» вождя. Все, конечно, почувствовали политическое давление, однако В. М. Жирмунский продолжал изучать целостность развития человеческой культуры на примерах исторической поэтики, продолжая работу А. Н. Веселовского, умершего в 1918 г. Но на заседании 19 марта 1924 г. «слушали заявление Б. М. Эйхенбаума о том, что группа членов Разряда приступила к работе по изучению языка и стиля ЛЕНИНА». Для придания работе «более широкого характера» он предложил образовать «межведомственную комиссию по изучению языка и стиля ЛЕНИНА, которая объединила бы в этой работе научно-исследовательский Институт при Университете, Словесный разряд Института Истории Искусств и Институт Живого Слова». Заявление Эйхенбаума о готовности «приступить к работе» кажется странным: ведущими «ОПОЯЗовцами» (Шкловский, Эйхенбаум, Тынянов, Якубинский и Томашевский) уже написаны статьи, посвященные языку и стилю Ленина в журнал «Лев». Вышедший в 1924 г. первый номер журнала открыт призывом-статьей редакции: «не торгуйте Лениным!»; «учитесь у Ленина, но не канонизируйте его». Далее публиковались тексты статей В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, Л. Якубинского, Ю. Тынянова, Б. Казанского [14—18].

ОПОЯЗовец с аспирантских лет, Якубинский стал секретарем комиссии по изучению языка Ленина, видел изучение языка Ленина делом «очень даже научным». Он не только сотрясал воздух на тему изучения языка диктатуры пролетариата, но и стал пионером социолингвистики [19 ; 20]: «Задача науки, — писал он, — не только исследовать действительность, но и участвовать в ее преобразовании; языкознание... давало и дает теоретическую основу для разработки практики воспитания и обучения речи в школе; но его значение... неизмеримо возрастет, если оно направит свое внимание на такие объективно существующие в быту и обусловленные им технически различные формы организованного речевого поведения человека, как устная публичная (т. е. „ораторская“) речь или речь письменная публичная, в частности публицистическая... Поскольку эти — социально чрезвычайно важные — речевые разновидности... подразумевают некую выучку, воспитание, обучение для тех, кто в данных направлениях хочет практически работать в обществе. Отсюда совершенно ясно вытекает необходимость организации технического образования в области речи, которое будет жалким кустарничеством, если не будет основано на науке, как своей базе... технология речи — вот то, что должно родить из себя современное научное языкознание, что заставляет его родить действительность» [16, с. 71—72].

ОПОЯЗовские наблюдения за языком Ленина выявили важные критические интуиции о появлении в науке идеологии [21]. ОПОЯЗовский анализ языка Ленина опознавал идеологический аппарат *самой идеологии набором установок восприятия реальности* [22 ; 23]. Это заставляет предположить сложную субъектность опоязовцев: появление *идеологии еще имело подчиненное научному значение* [24].

Декалонизатором назвал Шкловский Ленина, описывая ломающую привычные контекстуальные связи его речь, обнажающую новые отношения между словами и их понятийными смыслами [22, с. 226]. «Ленина звали „раскалыватель“, действительно, он охотно шел на раскалывание явления» [14, с. 55]. А. И. Куприн после встречи с Лениным отметил, что он «нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И при том — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая — уничтожаю» [25]. В коридорах наркомата лингвисты пересекались с М. Покровским и другими строителями новой системы образо-

вания, увлекавшими формалистов на заседания, чтобы направить их талант на службу сложных паттернов, на политические поиски тождества языковых проблем и исторической ситуации.

Луначарский, не разбираясь основательно, как, например, В. Шкловский, в анализе лингвистов, продолжал использовать «кадры» в политических проектах. Вместе с другими советскими теоретиками 1920-х гг. (Л. Троцкий, Н. Бухарин, В. Фриче и др.) активно «пристраивал» их к работе по идеологической «нормализации» масс. Те ощущали уже скрытую власть политического принуждения. Но В. Шкловский, хорошо понимая суть авангардизма, остроумно заметил: «Великая русская литература — большое несчастье для современности. Потому что от нее ждут „большого полотна“ и Кити Левину — комсомолкой» [26, с. 79].

Вопрос языка в новой общественно-политической реальности стоял остро и в этнокультурном аспекте. Так, 3 июля 1919 г. на заседании Госкомиссии по просвещению драматизм проблемы концентрировал жесткий императив — задачи стоят «коммунистические и интернациональные»: «немедленно, может быть, ввести один общегосударственный язык» [27, л. 96, 103]. Однако Б. Б. Каратаев (казахский депутат от ВЦИК) остудил желающих снизить этническую актуальность проблемы: «В таких случаях мы считаем своей нравственной обязанностью вставать и кричать... для тех, кто мыслит социалистически, марксистски», что целью просвещения «несомненно... должна быть 1) ассимиляция народностей в идеале... Затем... одна единая общечеловеческая пролетарская культура». Но «нужно задуматься» и над тем, что «социалистическая общественная жизнь мыслима только тогда, когда в этом строительстве принимает энергичное, активное участие... 99,9 % чувашей, мордвы, вотяков, черемис и т. д.». Тогда придется признать, что родной язык — «единственное орудие влияния». Замнаркома просвещения М. Покровский, руководивший совещанием, признал: «мешать самостоятельному развитию... мы не должны» [27, л. 112—117].

В контекст аналитических рассуждений включались молодые фонологи и социолингвисты В. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, Н. Яковлев, Г. Винокур, оценивая авангардный историко-культурный феномен практик «языкового строительства» молодой власти. Споры увязывались с социокультурными задачами времени. Г. Винокур настаивал на профессиональном подходе к решению политической проблемы «нашей революционной фразеологии и нашей языковой политики... Никто решительно, конечно, не знает, что такое — языковая политика; в особенности же загадочна наша языковая политика, и по очень простой причине: нашей языковой политики в природе вообще не существует. Между тем такая политика насущно необходима, ибо армия бесписменных народов юго-востока Европейской России и Сибири начала выделять специалистов (большею частью — весьма сомнительных), которые изобретают национальные алфавиты, составляют национальные грамматики, начинают вводить свой язык в круг административно-государственного пользования и т. п. <...> Является ли это массовое производство туземных Кириллов и Мефодиев элементом языковой политики? <...> Политика в области языка строится не на основе руководства какими-либо принципиальными лингвистическими положениями. И в том, и в другом случае — политические меры в области языка несколько, в сущности, не затрагивают языка, как такового: и не только потому, что инициаторы этих мер ставят себе цели, языку посторонние... но также и потому, что предписания... отдаются *не языку, а людям*: „не говорите по-русски“, „говорите по-чувашски“». Винокур уточнял мысль: «Языковая политика, в соответствии с вышесказанным, должна ставить себе цели строго лингвистические, хотя бы осуществление этих целей и могло быть затем использовано в социально утилитарном смысле; а главное — языковая политика должна осуществляться строго-лингвистическими ме-

тодами, а не дубинками и кулаками». Досталось от Винокура партийному пропагандисту И. Вардину и Л. Троцкому: поэты, считал формалист «лучше, чем кто-либо, сумеют выполнить задания, которые наметит языковая политика. Что же касается до руководства этой политикой, то так как оно немыслимо без строгих лингвистических познаний, оно, конечно, должно принадлежать лингвистам — языковым технологам. Всякое иное руководство будет смахивать на политику царских чиновников и нынешних окраинных государств. Другое дело — приспособление результатов этой политики к практическим социальным нуждам» [28].

В силу созвучности задачам постреволюционного времени на первый план вышел авангардизм. Нарком просвещения А. Луначарский видел: благодаря творчеству авангардистов Россия выдвигается в число стран, искусство которых определяет не только уровень мировой цивилизации, но и наполняет идеями ее содержание. Отношение к авангардизму перекрывало все национальные различия народов многоязыковой евроазиатской империи. Течение русского авангарда было многогранным. В нем отсутствовало однообразие идей, форм и способов осмысления жизни. Стремление к борьбе за свободу в реальности, за право свободного мышления и чувствования преобладало в создании новых форм культуры и искусства, философии, а, главное, в социальной организации нового индустриального мира с его урбанизацией и новыми технологиями. Все направления развивались не изолированно, синтезируя в своем творчестве разные начала, новые взгляды и пр. Больше других подходили конструктивисты, стремившиеся отразить современное индустриальное общество и городское пространство. Символисты при этом выражали сложные идеи, используя символы и метафоры. Авангардисты набирали силу. Язык, объединявший людей в символическую сеть, являлся одной из базовых технологий и практик, придавал и передавал им глубоко заложенный смысл. Решение виделось в овладении языком как ресурсом материализации авангардных идей в сложнейших обстоятельствах.

Остро вставала проблема с кадрами, которые будут решать эту задачу. 1 июня 1918 г. О. Мандельштам по рекомендации Луначарского поступил в Наркомпрос заведующим подотделом художественного развития учащихся в отделе реформы высшей школы с окладом 600 руб. [29] Когда Наркомпрос переехал в Москву, Мандельштам перебрался в новую старую столицу, поселился в «Метрополе». Там он, кажется единственный раз в жизни, лицом к лицу столкнулся с Лениным [30]. Регулярно, как показывают архивные протоколы, он посещал заседания коллегии отдела реформы школ и его подотделов, где шла разработка основополагающих документов создающейся советской трудовой школы [31, л. 210, 234—235, 258, 291].

11 декабря 1919 г. коллегия Наркомпроса утвердила положение о Литературном отделе (ЛИТО). Луначарский доволен: в Петрограде, наконец, «главный вопрос о заведующем Литературным отделом счастливо разрешен. Алексей Максимович Горький очень заинтересовался этим делом, согласен стать во главе его и быть заведующим» [32, с. 247—249]. В Москве заведовать отделом назначен В. Я. Брюсов. Н. Гумилёв, работая во «Всемирной литературе», предполагал работать в Петроградском отделении ЛИТО Наркомпроса и вел об этом переговоры [33]. В 1920 г. ЛИТО войдет в состав Главполитпросвета, который возглавит Н. Крупская. ЛИТО состоял из академического, художественного, пропагандистского и литературно-издательского подотделов.

В ЛИТО осуществлялись масштабные проекты, наполняющие концепт Русского мира новым содержанием, способным оказывать существенное влияние на развитие не только русской, но и мировой культуры. Редакционная коллегия «Всемирной литературы» помогла создать каталог будущих изданий. Он вышел в 1919 г. на русском, французском, английском

и немецком языках, чтобы иностранцы видели, как писал Горький Ленину, что «российский пролетариат не токмо варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди». Горький выделял восточное направление деятельности: «Теперь нами организовано издание „Литературы Востока“, в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими. <...> Это — огромная работа, и, конечно, она хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции Западной Европы» [34, с. 74—75]. «Замысел... громаден и универсален: дать рожденному революцией многомиллионному читателю все ценное, созданное человечеством в области литературы за всю историю его существования на всех языках», — писал Н. Чуковский [35].

С образованием ЛИТО языковая сфера как система интеллектуального развития общества связывалась с патронажем государством. Брюсов, возглавляя ЛИТО, закладывал *основы этносимволизма*, внимание к нему стало существенным в модернизации наций. За небольшой период через руки Брюсова прошли латышский, эстонский, финский, украинский и еврейский поэтические тексты [36, с. 38]. Брюсов подчеркивал: «...кроме знания языка, нужно еще особое чутье к его тайнам... которое, кажется, дается лишь для материнского языка (*langue maternelle*)». В богатом этнокультурном наследии России, в этой «фиалке в тигеле» Брюсов понимал политическую «тяжесть проклятия вавилонского смешения языков» [37].

Брюсов, продолжая продвигать на политическую сцену этнокультурный онтологический опыт России, связывал его с актуальной проблемой взаимопроникновения культур как основы нового Русского мира. Кавказ в этом процессе занял особое место. «Кавказские мотивы» — историко-литературный феномен, актуальный для историков, этнографов, фольклористов, уточнял эту «генеалогию». Так, сложные черты символизма в творчестве армянского поэта В. Терьяна свели его с Брюсовым. Когда в Московском армянском комитете назрела идея создать на русском языке большой сборник армянской поэзии, Терьян вместе с Ал. Цатуряном по совету М. Горького обратились к Брюсову. Брюсов вначале изучил армянскую литературу, ее историю. «Мною была прочитана целая библиотека книг, — признавался он, — на разных доступных мне языках (русском, французском, немецком, английском, латинском, итальянском)». Он три месяца учил армянский язык у литературного и общественного деятеля П. Макинцьяна, игравшего важную роль в руководстве этнокультурными практиками в Наркомнаце, Наркомпросе, а также и в родной Армении [38]. Помогал сын профессора словесности Лазаревского института К. Б. Кусикьяна, будущий византист Иосиф Кусикьян, в 1924—1930 гг. ответственный за перевод на армянский язык законов СССР. Брюсов интересовался работами Н. Я. Марра, открывшего культуру яфетидов: в древнем Ване «знакомящих нас с целым культурным миром, о котором наука ранее едва подозревала, изменяя в значительной степени нашу концепцию всемирной истории» [39].

Брюсов привлек к переводам лидеров поэтического авангарда К. Бальмонта, А. Блока, И. Бунина, Вяч. Иванова, Ю. Веселовского, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, Ю. Балтрушайтиса. Самого Терьяна он считал «учеником символистов» и «наиболее видным деятелем среди молодых поэтов „русской Армении“» [40, с. 393 ; 41, с. 463]. Брюсов видел «две силы, два противоположных начала»: они, «скрешиваясь, переплетаясь и сливаясь в нечто новое, единое, направляли жизнь Армении и создавали характер ее народа на протяжении тысячелетий: начало Запада и начало Востока, дух Европы и дух Азии» [42].

Очерк исторических судеб армянского народа издан в 1918 г. Поэт писал: «...как историк, как человек науки, я увидел в истории Армении целый, самобытный мир, в котором тысячи интереснейших, сложнейших вопросов

будили научное любопытство, а как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении такой же самобытный мир красоты» [43]. Академик арабист И. Крачковский поздравлял его: «Ни в России, ни в Европе (насколько я знаю) ни одна восточная поэзия не представлена в таком образцовом издании, литературно-изысканном и в то же время научно-добросовестном» [44].

Авангардисты в структурах управления культурными ресурсами в национальных окраинах использовали опыт Брюсова. Сын этнографа, поэт-символист С. Городецкий издал в Тифлисе в 1918 г. цикл стихов «Ангел Армении» с посвящением армянскому поэту О. Туманяну, считая «себя продолжателем славного дела Валерия Брюсова» [45]. В Баку он, заведя художественным отделением РОСТА в Политуправлении Каспийского флота, работал над содержанием символики эмоциональных трагедий региона: «Все экзотическое восприятие Востока, которое... повлекло меня на Кавказ, а не в Галицию, которую я тоже жаждал освободить, сгорело в пестрых лохмотьях народа, уходящего с родины. И Восток впервые предстал предо мной таким, каким он был не в мечтах, а в жизни» [46, с. 120]. Этот реализм в 1918 г. ценил нарком Луначарский. «...Там, в желтой, испеченной солнцем Армении, израненной человеческим зверством», возникают произведения, которые «болезненно сжимают сердце читателя» [47, с. 46]. Восточные мотивы близки и А. Блоку, отмечавшему, что «у Лермонтова свой Восток, у Полонского — свой и у Бунина — свой». Блок показал, как различаются Запад и Восток: по обычаям, истории, культуре, мировоззрению, духовному развитию. «Скифы» Блока заставляли думать о необходимости перемирия между непохожими мирами. Помогавший Брюсову освоить армянский язык П. Макинцян в 1919—1920 гг. на заседаниях коллегии Восточного отдела «Всемирной литературы» с востоковедами С. Ольденбургом, И. Крачковским, Б. Владимирцовым, В. Алексеевым обсуждал важность восточной классики для понимания современных обстоятельств жизни народов [48].

Брюсов продвигал свой подход в кругах балтийских, украинских, еврейских элит, переводя поэзию латыша Я. Райниса, финна С. Топелиуса (писавшего на шведском [49]), литовца Ю. Балтрушайтиса. В 1916 г. у М. Горького возник план издать сборник эстонской литературы. Редактором раздела поэзии должен быть Брюсов [50, с. 23—25]. Готовя издание антологии украинской литературы, издательство «Парус» пригласило Брюсова редактировать поэтический раздел. Брюсов привлек Вс. Роджественского, К. Липскерова, В. Ходасевича, Н. Гумилева. Несколько переводов из Т. Шевченко, В. Самойленко, О. Маковее и Н. Филианского он выполнил сам. В 1918 г. Брюсов переводил стихи еврейских поэтов Культур-Лиги Х. Бялика, Я. Кагана, С. Черняховского, Р. Шоула с идиш и иврита [51].

16 ноября 1921 г. на торжественном открытии Высшего литературно-художественного института (ВЛХИ) Луначарский отметил: «В то время как музыка, живопись, архитектура имеют свои преподавательские пути, литературное искусство находилось во власти кустарничества каждого отдельного писателя. Опыт эпох и школ пропадал даром... Этот опыт и взял на себя Наркомпрос, создавая Высший литературно-художественный институт. Опыт крайне тяжелый, ибо это первый опыт во всем мире» [52]. Брюсов привлек в ВЛХИ талантливых преподавателей: М. Гершензона, Л. Гроссмана, П. Когана, А. Луначарского, Н. Пиксанова, П. Сакулина, В. Фриче, М. Цявловского. В трехлетний курс обучения включались профильные дисциплины и ряд «вспомогательных» предметов (история изобразительного искусства, языкознание, история театра, философия искусства, логика, психология, техника речи, музыка, библиотечное дело, дыхание, народное творчество, иностранные языки, техника собраний и др.), общественные науки (например, исторический материализм, организация производства и даже электрификация).

Одним из важных направлений работы ЛИТО были правила коммуникации власти с обществом, с миром, с другим человеком, их языковые аспекты. На решение этих же задач ориентирован Институт живого слова (Комиссия живого слова — с 1925 г.), основанный в 1918 г. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом при поддержке Наркомпроса [53, с. 13 ; 54, с. 1—52]. История института восходила к курсам дикции и декламации, организованным чтецом-философом В. К. Сережниковым. Вдохновленный революцией, он писал: «...хоровая декламация после Октября... созвучна новой общественности, в которой индивидуальное, обособленное начало уступает место коллективному, массовому. Основанная на принципе коллективизма, массового организованного сотрудничества... вся общественная атмосфера была как бы насыщена коллективистическими устремлениями» [55, с. 6—7]. С осени 1919 г. они сделались Государственным институтом декламации (ГИД), а с осени 1920 г. — Государственным институтом слова («ГИС — это Государственный институт Сережникова», — шутили завистники). В здании ГИС на Воздвиженке символист Ю. Верховский читал курс итальянской литературы, бывший директор императорских театров С. Волконский учил «искусству произнесения», поэт и искусствовед С. Шервинский — стиховедению, знакомая с Луначарским фольклорист О. Озаровская учила понимать фольклор, друг А. Скрябина Л. Сабанеев — историю музыки. За две голодные зимы в ГИС успели поработать искусствовед Б. Грифцов, поэты — теоретик мистического анархизма Г. Чулков и председатель московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьёва Г. Рачинский, философы Г. Шпет, Н. Бердяев, Ф. Степун и др. Особо выделялся идеолог символизма Вяч. Иванов, он не просто читал там лекции, но налаживал связи с наркомпросовскими работниками и самим наркомом. История ГИСа закончилась в январе 1922 г.: часть студентов и преподавателей перешли в Брюсовский институт [56].

В 1919 г. открылся Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (Институт им. А. Н. Веселовского) при Петроградском университете (с 1930 г. — Институт речевой культуры). В 1920 г. в Москве начал работать Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока при Главнауке Наркомпроса (иногда назывался Северокавказским из-за преимущественного внимания к региону). Комитет возглавил Н. Ф. Яковлев. Армянский институт был переименован в Институт живых восточных языков. В октябре 1921 г. ВЦИК объединил его с Петроградским институтом живых восточных языков, восточным отделением университета в Институт востоковедения. В 1921 г. создан Институт яфетидологических изысканий (с 1922 г. — Яфетический институт, с 1931 г. — Институт языка и мышления, в его состав включена бывшая Комиссия по русскому языку АН).

Впервые используемые в отечественной историографии документы существенно уточняют содержание концепта Русского мира в отечественном политическом и научном языке в раннесоветский период. Русский мир был феноменом, активно используемым в советской политической практике, в формировании нового государства, на базе культурно-лингвистических подходов, обогащая свой этнический контент, развивал интеллектуальные ресурсы взаимодействия в новых исторических условиях и обстоятельствах, раскрывал новые возможности фронтальной коммуникации, оказывающей влияние на массовое сознание.

Список источников

1. Ларин И. Двенадцатая ночь Александра Блока // Знамя. 2011. № 8. С. 195—206.
2. Ушакин С. «Не взлетевшие самолеты мечты»: о поколении формального метода (часть первая) // Гефтер. 2016. 6 апр. URL: <https://gefter.ru/archive/18082> (дата обращения: 18.09.2024).

3. Shklovsky: Witness to an era: interviews with Serena Vitale / trans. J. Richards. Champaign : Dalkey Archive Press, 2012. 120 p.
4. Фаликов Б. Крученых, Малевич, Матюшин: «Причудливая игра» // Театр. 2017. 15 июля. URL: <https://oteatre.info/kruchenyh-malevich-matyushin-prichudlivaya-igra/> (дата обращения: 19.03.2024).
5. Ouspensky P. D. Letters from Russia, 1919. London : Routledge & K. Paul, 1978. 59 p.
6. Топорков А. К. Идеалы современной демократии. М. : Революция и Культура, 1918. 108 с.
7. Югурта [Топорков А. К.]. Поэзия и литература // Гостиница для путешественников в прекрасном. 1923. № 2. С. 19—20.
8. Немов А. [Топорков А. К.] Идея славянского возрождения. М., 1915—1916. 60 с.
9. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 792 с.
10. Карманова М. О. Отношение творческой интеллигенции к реформе русского языка 1918 года: Советское государство как историко-культурный феномен // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 130—138.
11. Иванов Вяч. Наш язык // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. ; Петроград, 1918. С. 89.
12. Браун Ф. А. Новая орфография // Руль. 1921. № 143.
13. Кузьман Н. К. О русском правописании. Берлин : Русская мысль, 1923. 16 с.
14. Шкловский В. Ленин как деканонизатор // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 53—56.
15. Эйхенбаум Б. Основные стилевые тенденции в языке Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 57—70.
16. Якубинский Л. О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 71—81.
17. Тынянов Ю. Словарь Ленина-полемика // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 81—110.
18. Казанский Б. Речь Ленина: опыт риторического анализа // ЛЕФ. 1924. № 1(5). С. 111—139.
19. Брагинская Н. В. Между свидетелями и судьями: реплика по поводу книги: В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005 // М. М. Бахтин в Саранске: исследования, документы, материалы : сб. науч. тр. Мордов. гос. ун-та ; отв. ред. О. Е. Осовский. Саранск : [б. и.], 2006. С. 39—60.
20. Якубинский Л. Язык и его функционирование : избранные работы / отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука, 1986. 205 с.
21. Калинин И. Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов // Там, внутри: практика внутренней колонизации в культурной истории России : сборник статей. М. : НЛЮ, 2012. С. 587—664.
22. Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15(4). С. 605—617.
23. Яров С. Риторика вождей: В. И. Ленин и И. В. Сталин как ораторы // Звезда. 2007. № 11. С. 168—179.
24. Борис Эйхенбаум как советский субъект: несколько мыслей о работе Е. А. Тоддеса «Б. М. Эйхенбаум в 30—50-е годы: к истории советского литературоведения и советской гуманитарной интеллигенции» // НЛЮ. 2014. № 6(130).
25. Общее дело. 1921. 21 февраля.
26. Шкловский В. Куда шагает Дзига Вертов // Шкловский В. За 60 лет: работы о кино. М. : Искусство, 1985. С. 79—82.
27. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 102.
28. Винокур Г. О революционной фразеологии: один из вопросов языковой политики // ЛЕФ. 1923. № 2. С. 104—119.
29. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 51. Д. 180.
30. Ивнев Р. Дневник 1906—1980. М. : Эллис Лак, 2012. 880 с.
31. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 6. Д. 4.
32. Литературный отдел Наркомпроса: к истории его создания // Вопросы литературы. 1969. № 2. С. 247—249.
33. Воспоминания о Н. С. Гумилёве: запись Л. В. Горнунга от 11.09.23 г. // Николай Гумилёв : электронное собрание сочинений. URL: <https://gumilev.ru/biography/166/#bp7> (дата обращения: 17.03.2024).
34. Дзванкауская М. В., Мясников А. С., Рыбинский М. И. А. М. Горький — организатор издательства «Всемирная литература» (1918—1921 гг.) // Исторический архив. 1958. № 2. С. 67—95.
35. Чуковский Н. К. Литературные воспоминания. М. : Советский писатель, 1989. 336 с.
36. Сивоволов Б. М. Валерий Брюсов и передовая русская литература его времени. Харьков, 1985. 135 с.
37. Брюсов В. Я. Фиалки в тигеле // Русские писатели о переводе: XVIII—XX вв. Л. : Советский писатель, 1960. С. 532—550.
38. Красовицкая Т. Ю. Власть и культура. М.: Наука. 1992. 298 с.

39. Брюсов В. Сфинксы и вишапы. Некоторые черты культуры древнейшего Кавказа // Арт&Факт. 2007. 2 апр. URL: <https://artifact.org.ru/soglasiya-i-raznoglasiya/sravnenie-versiy/83-valerij-bryusov-sfinksy-i-vishapy.html> (дата обращения: 19.03.2024).
40. Поэзия Армении / пер. В. Я. Брюсова; под ред. и с предисл. О. Т. Ганалаяна. Ереван: Айпетрат, 1963. 413 с.
41. Ларионова Л. Г. Неизвестные инскрипты Брюсова в фондах ГПИ библиотеки // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 452—466.
42. Брюсов В. Я. Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков: историко-литературный очерк // Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов / под ред. В. Брюсова. М.: Московский армянский комитет, 1916. С. 21—95.
43. Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа: от VI в. до Р.Х. по наше время. М.: Московский армянский комитет, 1918. 123 с.
44. Молодяков В. Валерий Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2020. 544 с.
45. Городецкий С. Об Армении и армянской культуре / под ред. Г. Б. Гарибджаняна. Ереван: Айастан, 1974. 219 с.
46. Городецкий С. Избранные произведения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. 574 с.
47. Литературное наследство. Т. 74. Из творческого наследия советских писателей / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1965. 742 с.
48. Архив А. М. Горького при ИМЛ им. А. М. Горького РАН. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Д. 283.
49. Сборник финляндской литературы / под ред. В. Брюсова и М. Горького. Петроград: Парус, 1917. 490 с.
50. Линде Б. Встречи с русскими писателями // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 217: Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник: к столетию со дня рождения (1868—1968) / отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1968. С. 23—25.
51. Еврейская антология: сборник молодой еврейской поэзии / под ред. В. Ф. Ходасевича и Л. Б. Яффе. М., 1918. 208 с.
52. Известия. 1921. 22 ноября.
53. Временник ТЕО Наркомпроса. 1918. № 1. С. 13.
54. Сережников В. К. 10 лет работы на культуру живого слова. М., 1923. 71 с.
55. Сережников В. К. Коллективная декламация: теория и практика в научно-популярном изложении: руководство для преподавателей художественного чтения и драматического искусства, кружководов, музыкальных композиторов, композиторов речи, режиссеров, поэтов, работников просвещения и культработников (избачей и др.). М.: Моск. театральное изд-во, 1927. 222 с.
56. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1364. Оп. 4. Д. 755.

References

1. Larin I. Dvenadtsataya noch' Aleksandra Bloka [Alexander Blok's Twelfth Night], *Znamya* [Znamya], 2011, no. 8, p. 195—206.
2. Ushakin S. «Ne vzletevshie samolety mechtay»: o pokolenii formal'nogo metoda (chast' pervaya) ["Dream planes that didn't take off": on the generation of the formal method (part one)], *Gefter* [Gefter], 2016, 6 apr. Available at: <https://gefter.ru/archive/18082> (accessed: 18.09.2024)
3. Shklovsky: Witness to an era: interviews with Serena Vitale / trans. J. Richards. Champaign, Dalkey Archive Press, 2012, 120 p.
4. Falikov B. Kruchenykh, Malevich, Matyushin: "Prichudlivaya igra" [Kruchenykh, Malevich, Matyushin: "Bizarre Game"], *Teatr* [Theater], 2017, 15 iyulya. Available at: <https://oteatre.info/kruchenykh-malevich-matyushin-prichudlivaya-igra/> (accessed: 19.03.2024).
5. Ouspensky P.D. Letters from Russia, 1919. London, Routledge & K. Paul, 1978, 59 p.
6. Toporkov A.K. Idealy sovremennoy demokratii [The ideals of modern democracy]. M., Revolyutsiya i Kul'tura, 1918, 108 p.
7. Yugurta [Toporkov A.K.] Poeziya i literature [Poetry and literature], *Gostinitsa dlya puteshestvuyushchikh v prekrasnom* [A hotel for travelers in the beautiful], 1923, no. 2, p. 19—20.
8. Nemov A. [Toporkov A.K.] Ideya slavyanskogo vozrozhdeniya [The idea of Slavic revival]. Moscow, 1915—1916, 60 p.
9. Dobrenko E. (ed.), Tikhonova G. (ed.). Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postsovetetskaya epokhi [History of Russian Literary Criticism: Soviet and Post-Soviet Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 792 p.
10. Karmanova M.O. Otnoshenie tvorcheskoy intelligentsii k reforme russkogo yazyka 1918 goda: Sovetskoe gosudarstvo kak istoriko-kul'turnyy fenomen [The Attitude of Creative Intellectuals to the Russian Language Reform of 1918: The Soviet State as a Historical and Cultural Phenomenon], *Istoriya: fakty i simvol'y* [History: facts and symbols], 2018, no. 3 (16), p. 130—138.

11. Ivanov Vyach. Nash yazyk [Our language], *Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [From the Depths. Collection of articles on the Russian Revolution]. Moscow ; Petrograd, 1918, p. 89.
12. Braun F.A. Novaya orfografiya [New spelling], *Rul'* [Roul], 1921, no. 143.
13. Kul'man N.K. O russkom pravopisanii [About Russian spelling]. Berlin, Russkaya mysl', 1923, 16 p.
14. Shklovskiy V. Lenin kak dekanonizator [Lenin as decanonizer], *LEF* [LEF], 1924, no. 1, p. 53—56.
15. Eykhenbaum B. Osnovnye stilevye tendentsii v yazyke Lenina [The main stylistic tendencies in Lenin's language], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 57—70.
16. Yakubinskiy L. O snizhenii vysokogo stilya u Lenina [On the decline of Lenin's high style], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 71—81.
17. Tynyanov Yu. Slovar' Lenina-polemista [Lenin's polemicist's dictionary], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 81—110.
18. Kazanskiy B. Rech' Lenina: opyt ritoricheskogo analiza [Lenin's speech: an experience of rhetorical analysis], *LEF* [LEF], 1924, no. 1(5), p. 111—139.
19. Braginskaya N.V. Mezhdru svidetelyami i sud'yami: replika po povodu knigi: V.M. Alpatov. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Between witnesses and judges: a rejoinder to the book: V. M. Alpatov. Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, M. M. Bakhtin v Saranske: issledovaniya, dokumenty, materialy : sb. nauch. tr. Mordov. gos. un-ta, O.E. Osovskiy (ed.), Saransk, 2006, p. 39—60.
20. Yakubinskiy L. Yazyk i ego funktsionirovaniye : izbrannyye raboty [Language and its functioning : selected works], ed. by A. A. Leon'tev. Moscow, Nauka, 1986, 205 p.
21. Kalinin I. Ugnetennoye dolzhno govorit': massovyy prizyv v literaturu i formirovaniye sovet'skogo sub'ekta, 1920-e — nachalo 1930-kh godov [The Oppressed Must Speak: mass conscription into literature and the formation of the Soviet subject, 1920 — early 1930s], *Tam, vnutri: praktika vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, Inside: practices of internal colonization in Russian cultural history]. Moscow, NLO, 2012, p. 587—664.
22. Kalinin I.A. Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii [How Lenin's language is made: the stuff of history and the reception of ideology], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature* [Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature], 2018, no. 15(4), p. 605—617.
23. Yarov S. Ritorika vozhd'ey: V. I. Lenin i I. V. Stalin kak oratory [Rhetoric of Leaders: Lenin and Stalin as orators], *Zvezda* [Zvezda], 2007, no. 11, p. 168—179.
24. Boris Eykhenbaum kak sovet'skiy sub'ekt: neskol'ko mysley o rabote E. A. Toddesa "B.M. Eykhenbaum v 30—50-e gody: k istorii sovet'skogo literaturovedeniya i sovet'skoy gumanitarnoy intelligentsii" [Boris Eichenbaum as a Soviet Subject: Some Thoughts on E. A. Toddes's paper "B. M. Eichenbaum in the 30—50s: Toward a History of Soviet Literary Studies and the Soviet Humanitarian Intelligentsia"], *NLO* [NLO], 2014, no. 6(130).
25. Obshchee delo [A common cause], 1921, 21 fevralya.
26. Shklovskiy V. Kuda shagaet Dziga Vertov [Where Dziga Vertov goes], *Shklovskiy V. Za 60 let: raboty o kino* [Over 60 years: writings about movies]. Moscow, Iskusstvo, 1985, p. 79—82.
27. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF), coll. A-2306, aids 2, fol. 102.
28. Vinokur G. O revolyutsionnoy frazeologii: odin iz voprosov yazykovoy politiki [On revolutionary phraseology: a question of language policy], *LEF* [LEF], 1923, no. 2, p. 104—119.
29. GARF [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. A-2306, aids 51, fol. 180.
30. Ivnev R. Dnevnik 1906—1980 [Diary 1906—1980]. Moscow, Ellis Lak, 2012, 880 p.
31. GARF [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. A-2306, aids 6, fol. 4.
32. Literaturnyy otdel Narkomprosa: k istorii ego sozdaniya [Literary department of Narkompros: the history of its creation], *Voprosy literatury* [Literature questions], 1969, no. 2, p. 247—249.
33. Vospominaniya o N.S. Gumileve: zapis' L.V. Gornunga ot 11.09.23 g. [Memories of N. S. Gumilev : record of L.V. Gornung from 11.09.23], *Nikolay Gumilev : elektronnoe sobranie sochineniy* [Nikolai Gumilev : collected works : electronic collection of works]. Available at: <https://gumilev.ru/biography/166/#bp7> (accessed: 17.03.2024).
34. Dzvankauskaya M.V., Myasnikov A.S., Rybinskiy M.I. A.M. Gor'kiy — organizator va "Vsemirnaya literatura" (1918—1921 gg.) [A. M. Gorky — organizer of the publishing house "World Literature" (1918—1921)], *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archive], 1958, no. 2, p. 67—95.
35. Chukovskiy N.K. Literaturnye vospominaniya [Literary Memoirs]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1989, 336 p.
36. Sivovolov B.M. Valeriy Bryusov i peredovaya russkaya literatura ego vremeni [Valery Bryusov and the advanced Russian literature of his time]. Khar'kov, 1985, 135 p.
37. Bryusov V.Ya. Fialki v tigele [Violets in the crucible], *Russkie pisateli o perevode: XVIII—XX vv.* [Russian writers on translation: XVIII—XX centuries]. Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1960, p. 532—550.
38. Krasovitskaya T.Yu. Vlast' i kul'tura [Power and culture]. Moscow, Nauka. 1992. 298 p.

39. Bryusov V. Sfinksy i vishapy. Nekotorye cherty kul'tury drevneyshego Kavkaza [Power and culture], *Art&Fakt [Art&Fact]*, 2007, 2 apr. Available at: <https://artifact.org.ru/soglasiya-i-raznoglasiya/sravnenie-versiy/83-valerij-bryusov-sfinksy-i-vishapy.html> (accessed: 19.03.2024).
40. Poeziya Armenii [Poetry of Armenia], ed. O.T. Ganalanyan. Erevan, Aypetrat, 1963, 413 p. (in russ.)
41. Larionova L.G. Neizvestnye inskripty Bryusova v fondakh GPI biblioteki [Brusov's unknown inscriptions in the library's GPI collections], *Literaturnyy fakt [Literary fact]*, 2019, no. 1(11), p. 452—466.
42. Bryusov V.Ya. Poeziya Armenii i ee edinstvo na protyazhenii vekov: istoriko-literaturnyy ocherk [Poetry of Armenia and its unity throughout the centuries: historical and literary essay], *V. Bryusov (ed.) Poeziya Armenii s drevneyshikh vremen do nashikh dney v perevode russkikh poetov [Poetry of Armenia from ancient times to the present day in translation of Russian poets]*. Moscow, Moskovskiy armyanskiy komitet, 1916, p. 21—95.
43. Bryusov V. Letopis' istoricheskikh sudeb armyanskogo naroda: ot VI v. do R.Kh. po nashe vremya [Chronicle of the historical destinies of the Armenian people: from the VI century B.C. to our time]. Moscow, Moskovskiy armyanskiy komitet, 1918, 123 p.
44. Molodyakov V. Valeriy Bryusov [Valery Bryusov]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2020, 544 p.
45. Gorodetskiy S. Ob Armenii i armyanskoy kul'ture [On Armenia and Armenian culture], G. B. Garibdzhyana (ed.). Erevan, Ayastan, 1974, 219 p.
46. Gorodetskiy S. Izbrannye proizvedeniya, in 2 vol. [Selected Works: in 2 vol.] Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987, vol. 2, 574 p.
47. Literaturnoe nasledstvo, vol. 74. Iz tvorcheskogo naslediya sovetskikh pisateley [Literary Heritage. vol. 74. From the creative heritage of Soviet writers]. Moscow, Nauka, 1965, 742 p.
48. Arkhiv A.M. Gor'kogo pri IML im. A.M. Gor'kogo RAN [A.M. Gorky Archive at the A.M. Gorky IML of the Russian Academy of Sciences], coll A.N. Tikhonova, aids 2, fol. 283.
49. Bryusov V. (ed.), Gor'kiy M. (ed.). Sbornik finlyandskoy literatury [A collection of Finnish literature]. Petrograd, Parus, 1917, 490 p.
50. Linde B. Vstrechi s russkimi pisatelyami [Meetings with Russian writers], *Uchenye zapiski Tartusko-gosudarstvennogo universiteta*, issue 217, *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. XIII: Gor'kovskiy sbornik: k stoletiyu so dnya rozhdeniya (1868—1968) [Scientific Notes of Tartu State University. Vyp. 217: Works on Russian and Slavonic philology. XIII: Gorky's collection: to the centenary of his birth (1868—1968)]*, (ed.) Z.G. Mints. Tartu, 1968, p. 23—25.
51. Khodasevich V.F. (ed.), Yaffe L.B. (ed.). Evreyskaya antologiya: sbornik molodoy evreyskoy poezii [Jewish anthology: a collection of young Jewish poetry]. Moscow, 1918, 208 p.
52. Izvestiya [Izvestia], 1921, 22 noyabrya.
53. Vremennik TEO Narkomprosa [Vremennik TEO of the People's Commissariat of Education], 1918, no. 1, p. 13.
54. Serezhnikov V.K. 10 let raboty na kul'turu zhivogo slova [10 years of working for the culture of the living word]. Moscow, 1923. 71 s.
55. Serezhnikov V. K. Kollektivnaya deklamatsiya : teoriya i praktika v nauchno-populyarnom izlozhenii : rukovodstvo dlya prepodavateley khudozhestvennogo chteniya i dramaticheskogo iskusstva, kruzhkovodov, muzykal'nykh kompozitorov, kompozitorov rechi, rezhisserov, poetov, rabotnikov prosveshcheniya i kul'trabotnikov (izbachey i dr.) [Collective recitation : theory and practice in popular science : a guide for teachers of art reading and drama, circle leaders, music composers, speech composers, directors, poets, educators and cultural workers (izbicha and others)]. Moscow, Moskovskoe teatral'noe publ., 1927, 222 p.
56. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI) [Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)], coll. 1364, aids 4, fol. 755.

Информация об авторе

Красовицкая Тамара Юсуфовна — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Information about the author

Tamara Yu. Krasovitskaya — Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 07.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 07.02.2024.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ VS ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ

ARCHIVAL MATERIALS VS FALSIFICATION OF HISTORY

Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 142—152.
Siberia Humanitarian. 2024;(1):142—152.

Архивные материалы vs фальсификация истории

Научная статья
УДК 355.425 (47) «1942 / 1944»
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-142-152

Патриотизм советских женщин в годы войны как исторический факт: Евдокия Владимировна Висикирская, участница севастопольского подполья

Вячеслав Александрович Иванов

Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Российская Федерация,
slavik1855@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется проблема фальсификации исторических событий, подчеркивается актуальность архивной работы по восстановлению исторической правды. В этом контексте на основании широкого массива источников из Государственного архива Республики Крым, Архива города Севастополя, музейных учреждений Российской Федерации рассматривается роль Евдокии Владимировны Висикирской в подпольном движении Севастополя в 1942—1944 гг. Автор показывает, что деятельность Е. В. Висикирской в севастопольском антифашистском подполье многогранна: помощь советским военнопленным, пропагандистско-агитационная, диверсионная работа, участие в акциях саботажа. На основе анализа архивных документов выявлены причины раскрытия и ликвидации севастопольского подполья весной 1944 г. нацистскими спецслужбами, а также обстоятельства спасения Е. В. Висикирской от ареста.

Ключевые слова: Евдокия Владимировна Висикирская, подпольное движение, Коммунистическая подпольная организация в тылу у немцев (КПОВТН), Василий Дмитриевич Ревякин, Николай Михайлович Терещенко, Севастополь, 1942—1944 гг., фальсификация истории, историческая правда

Для цитирования: Иванов В. А. Патриотизм советских женщин в годы войны как исторический факт: Евдокия Владимировна Висикирская, участница севастопольского подполья // Сибирь гуманитарная. 2024. № 1. С. 142—152. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-142-152.

Archival materials vs falsification of history

Original article

Patriotism of Soviet women during the war as a historical fact: Evdokia Vladimirovna Visikirsкая, a participant of the Sevastopol Underground

Vyacheslav A. Ivanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation, slavik1855@gmail.com

Abstract. The article analyzes the problem of falsification of historical events, emphasizes the relevance of archival work to restore the historical truth. In this context on the basis of a wide array of sources from the State Archive of the Republic of Crimea, Sevastopol City Archive, museum institutions of the Russian Federation the role of Evdokia Vladimirovna Visikirsкая in the underground movement of Sevastopol in 1942—1944 is considered. The author shows that the activity of E.V. Visikirsкая in the Sevastopol antifascist underground is multifaceted: assistance to Soviet prisoners of war, propaganda and agitation, sabotage work, participation in acts of sabotage. Based on the analysis of archival documents, the reasons for the disclosure and liquidation of the Sevastopol underground in the spring of 1944 by Nazi special services, as well as the circumstances of E.V. Visikirsкая's rescue from arrest are revealed.

Keywords: Evdokia Vladimirovna Visikirsкая, underground movement, Communist underground organization behind German lines (KPOVTN), Vasily Dmitrievich Revyakin, Nikolai Mikhailovich Tereshchenko, Sevastopol, 1942—1944, falsification of history, historical truth

For citation: Ivanov V.A. Patriotism of Soviet women during the war as a historical fact: Evdokia Vladimirovna Visikirsкая, a participant of the Sevastopol Underground. *Siberia Humanitarian*. 2024;(1):142—152. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-1-142-152.

Борьба советских женщин в рядах антифашистского движения в годы Второй мировой войны до сих пор остается крайне дискуссионной темой для отечественной историографии. Как справедливо отмечал известный исследователь С. В. Аристов, в СССР «был сформирован канонизированный пантеон избранных героев, а имевшие место подпольные операции обросли легендами, служившими поддержанию мифа о солидарной борьбе коммунистов разных стран в борьбе с нацизмом» [1, с. 89]. Эти строки С. В. Аристова были посвящены советским военнопленным-женщинам в нацистском концентрационном лагере «Равенсбрюк», однако они вполне применимы и к вопросу гитлеровской оккупации, так как в советской политической системе плен и оккупация мало чем различались.

Несмотря на то что тема борьбы советских партизан и подпольщиков (включая севастопольское подполье) была достаточно разработана, после 1991 г. ситуация кардинальным образом стала меняться [1—19]. С одной стороны, расширился доступ к архивным документам: хранилища партийных и ведомственных архивов открыли свои двери для исследователей, с другой стороны, вслед за так называемой архивной революцией произошла политико-идеологическая революция, затронувшая и научный процесс. В составе независимой Украины произошла смена парадигмы с концепции интернационализма и антифашизма на концепцию «украиноцентризма», где в центре изучения исторического прошлого на первое место ставился не Советский Союз, а независимая Украина.

Украинские историки с 1991 г. в своих работах начинают уравнивать советское и националистическое партизанско-подпольное движение, что само по себе является дискуссионной научной проблемой. Во-первых, первые и вторые были непримиримыми политическими противниками, а во-вторых,

нацистская Германия никогда не была для украинского националистического движения врагом, скорее, наоборот — практически все время она воспринималась как союзник. Но, несмотря на факты, после 2014 г. миф о том, что Организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА) выиграли Вторую мировую войну, стал выдаваться за истину, а Советский Союз окончательно был объявлен «империей зла». Политическая эпоха 1917—1991 гг. стала рассматриваться исключительно в негативном контексте. Естественно, в таких условиях говорить об объективном изучении партизанского движения и деятельности героев подполья в Крыму не приходилось.

Тем не менее сотрудники Музея героической обороны и освобождения Севастополя вели разработку этой темы, однако среди их трудов известны только путеводители и одна научная статья. После распада Советского Союза ведущую роль в исследовании севастопольского подполья играла Н. Ф. Задорожная, которая еще в 1985 г. возглавила отдел истории севастопольской подпольной организации 1942—1944 гг. Именно благодаря ей создавались новые экспозиции, посвященные севастопольскому подполью, формировалась и пополнялась уникальная научно-справочная картотека, проводилась кропотливая работа по расшифровке дневниковых записей руководителя подпольной организации В. Д. Ревякина, создавались путеводители по музею, фиксировалась хроника оккупационного периода Севастополя день за днем [20]. В середине 1990-х гг. Н. Ф. Задорожная получила доступ к уникальным рассекреченным архивным документам партийных организаций и спецслужб, ранее недоступных исследователям [21]. Это позволило ей глубоко проанализировать деятельность Коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН) с учетом ранее неизвестных фактов.

Исследования, проводимые под руководством Н. Ф. Задорожной в тот период при активной поддержке Севастопольского городского совета, не пользовались успехом у украинских историков, так как не вписывались в украинизированную концепцию борьбы населения оккупированных территорий Украины в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время дело Н. Ф. Задорожной продолжает ее ученица — историк-краевед А. Ф. Селиванова, опубликовавшая ряд статей о севастопольском подполье [22 ; 23].

Переписывание истории в угоду своим политическим амбициям, фальсификация и волюнтаристская интерпретация фактов и результатов Великой Отечественной войны требуют сегодня шаг за шагом, судьба за судьбой восстанавливать историческую правду, обращаясь к свидетельствам и документам прошлого. Настоящая статья посвящена Евдокии Владимировне Висикирской, одной из тысяч советских женщин, ставших на путь борьбы с врагом, участнице подпольного движения Севастополя.

Евдокия Владимировна Висикирская (фото 1) родилась в Севастополе в семье рабочего медно-котельной мастерской Севастопольского порта. В 1910—1914 гг. училась в женском городском училище. Ее отец, Владимир Онуфриевич Висикирский, участник революции 1905 г., был выслан царским правительством из города. Обратим внимание на этот факт — Е. В. Висикирская росла в семье профессионального революционера, человека, обладающего опытом подпольной работы. После высылки отца Евдокии пришлось оставить учебу в женском городском училище и начать помогать матери, так как семья состояла из шести человек [24, л. 1].

1 июля 1942 г. значительная часть Севастополя была оккупирована. 13 июля 1942 г. произошло событие, которое определило дальнейшую связь Е. В. Висикирской с севастопольским подпольем. «В этот день немцы гнали по улицам города большую часть советских военнопленных, среди которых я увидела товарища Н. М. Терещенко. Подойти к нему не было никакой возможности, так как гитлеровцы не подпускали близко», — вспоминала она [24, л. 4]. Галина Васильевна Прокопенко [21, с. 30 ; 24, л. 4], оказывающая советским военнопленным помощь, сообщила Е. В. Висикирской, что Н. М. Терещенко находится в лагере военнопленных под фамилией Михайлов, так как ему, как партийному работнику, в случае разоблачения грозил расстрел [5, с. 248 ; 20, с. 28 ; 25, л. 42, 47].

Е. В. Висикирская и Г. Прокопенко решили оказать Н. Терещенко помощь. С конца июля до конца декабря 1942 г. они собирали продукты и передавали их в лагерь [24, л. 4 ; 25, л. 41, 46 ; 26, л. 5].

В декабре 1942 г. на квартиру к Е. В. Висикирской пришли Г. Прокопенко и Нина Николаенко и сообщили ей, что Н. М. Терещенко организует в лагере военнопленных подпольную группу. Ей было предложено вступить в ряды подпольщиков. Именно в этот период, согласно воспоминаниям Е. В. Висикирской, она присоединяется к севастопольскому подполью, тесно сотрудничая с организацией Н. М. Терещенко [24, л. 4].

Оказывая помощь советским военнопленным, женщина рисковала: у нее не было официального трудоустройства, вследствие чего ей грозила принудительная депортация в Третий рейх. Весной 1943 г., чтобы решить эту проблему, Е. В. Висикирская обратилась за помощью к знакомому Жичнину, бывшему военнопленному, для того чтобы он достал ей фиктивные справки с места работы. Однако начальник биржи труда Шульгин и переводчица Клименко заинтересовались, почему Е. В. Висикирская находится в основном дома, а не на работе. Жичнин помог женщине устроиться в «Крымэнерго» на пригородное хозяйство, где она проработала до сентября 1943 г. Остальное время, до марта 1944 г., в качестве прикрытия Е. В. Висикирская использовала больничный лист [24, л. 4].

Работая с группой Терещенко, Евдокия Владимировна выполняла разнообразные задания, сопряженные с риском и требующие стойкости и мужества. Первое задание Н. М. Терещенко заключалось в следующем: пригото-

Фото 1. Висикирская Евдокия Владимировна — связная подпольной организации Севастополя, 1944—1945 гг.
Государственный центральный музей современной истории России
Photo 1. Vysikirskaia Evdokia Vladimirovna, a liaison of Sevastopol underground organization, 1944—1945.
State Central Museum of Contemporary History of Russia

вить ему конспиративную квартиру и паспорт на случай побега из лагеря военнопленных. Для Терещенко Е. В. Висикирская подготовила свою квартиру. Паспорт на имя Василия Александровича Шишова помог достать Жичинин. Вторым заданием было взять у Г. Прокопенко гранаты и перенести их к дому Анненкова на базаре, что Е. В. Висикирская успешно и сделала. Нередкими были задания разведывательного плана: собирать сведения, следить за людьми, работающими на немцев. Кроме всего прочего, Е. В. Висикирской было поручено распространять листовки. Это задание было весьма ответственным, так как каждая листовка была на вес золота. Печатались они в ограниченном количестве подпольщицей Н. Николаенко вплоть до 29 октября 1943 г. [24, л. 5]

Давая характеристику Евдокии Владимировне Висикирской 3 августа 1945 г., ее соратник по подпольной борьбе Гаврильченко писал следующее: «Оставшись на оккупированной территории г. Севастополя, она не пала духом, не растерялась, а, следуя примеру своего отца, который еще в царской России состоял в подпольной большевистской организации, вступила в подпольную коммунистическую организацию под руководством товарища Терещенко» [24, л. 3].

В октябре 1943 г., когда части Красной Армии заблокировали пути отступления из Крыма, у гитлеровцев началась паника. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Н. М. Терещенко совершил побег из лагеря для военнопленных и пришел на квартиру Е. В. Висикирской. Адрес этой квартиры Терещенко сообщил и другим военнопленным, своим доверенным лицам, в качестве первого укрытия после побега из лагеря. При этом задачей Евдокии Владимировны было принять и разместить бежавших по другим квартирам. Понимая, что для Н. М. Терещенко после побега необходимо более надежное убежище, женщина обратилась за помощью к своим соседям, семьям Томик и Субботиных, которые проживали также на Азовской улице. Е. В. Висикирская знала, что семьи Томик — Франц Францевич, Мария Яковлевна и Владимир Францевич (сын) и Субботиных — Ольга Яковлевна и Олег настроены патриотично, антифашистски, оказывают помощь советским военнопленным. Е. В. Висикирская с товарищами строят во дворе убежище и маскируют его. Н. М. Терещенко, живя у Е. В. Висикирской, пользовался также и этим убежищем [20, с. 32 ; 24, л. 5 ; 25, л. 45].

29 октября 1943 г. Н. М. Терещенко, добравшись до Е. В. Висикирской, написал записку Василию (Александр — псевдоним Ревякина) Дмитриевичу Ревякину (фото 2) с просьбой встретиться для переговоров [6, с. 170 ; 10, с. 187—188]. 1 ноября 1943 г. они встретились на квартире у Е. В. Висикирской [24, л. 5]. В силу того, что Терещенко не имел больше возможности общаться с военнопленными, он передал руководство подпольной организацией и свои связи В. Д. Ревякину. Таким образом, с 1 ноября 1943 г. Е. В. Висикирская перешла под руководство В. Д. Ревякина, который не терял связи с Н. М. Терещенко [24, л. 6]. Гаврильченко сообщает: «В ноябре 1943 г. в связи со сложившимися обстоятельствами товарищ Висикирская перешла в организацию товарища Ревякина под непосредственное его руководство. Не останавливаясь перед трудностями, выполняла все задания, получаемые от товарища Ревякина. В маленькой, еле вмещающей в себя три человека, комнатке Висикирской скрывались бежавшие из лагерей военнопленные. Здесь нашел себе приют и большевик, работник городского комитета партии города Севастополя товарищ Терещенко. Рискуя жизнью, давала приют Висикирская настоящим сыновьям Родины, из которых никакими мерами воздействия враг не мог выбить беззаветной любви к Родине и веры в победу, в светлое будущее» [5, с. 244—245 ; 24, л. 3].

Для большей конспирации Е. В. Висикирская вместе с товарищами по КПОВТН принимает решение перевести Терещенко на Углицкую улицу. Для организации встреч с В. Д. Ревякиным, другими членами подпольных групп Терещенко вызывал Е. В. Висикирскую, назначал день и час свидания, эти сведения она сообщала подпольщикам, в назначенный час на расвете происходила встреча у нее на квартире [24, л. 6].

После издания немцами приказа об аресте рабочих, находящихся на улице или дома, Н. М. Терещенко вызвал Е. В. Висикирскую и поручил ей достать через собес и горуправу инвалидную книжку: «Я сам показываться туда не могу, возьмите мой паспорт и сделайте все, что нужно для дальнейшего сохранения моей жизни. Если вас задержат с паспортом, т. к. на нем есть моя фотокарточка, пом-

ните, товарищ Висикирская, клятву, что в подполье умирает один», — сказал ей Н. М. Терещенко [24, л. 6]. Е. В. Висикирская обратилась к врачу, являющемуся участником севастопольского подполья, которым выдал справку [24, л. 6] о том, что «Шишов болеет эпилепсией и, что сейчас он постельно больной» [24, л. 7]. С полученной справкой Е. В. Висикирской удалось достать инвалидную книжку на шесть месяцев, вплоть до 24 апреля 1944 г., благодаря которой Н. М. Терещенко удалось избежать угрозы быть задержанным [24, л. 7].

Н. М. Терещенко поручает Е. В. Висикирской перенести ранее приобретенный для подпольной типографии шрифт к В. Д. Ревякину. Доставленный Н. Николаенко 8 ноября 1943 г. ей на квартиру, шрифт на следующий день был перенесен к В. Д. Ревякину [24, л. 6]. «Это было большой помощью, так как шрифта не хватало», — вспоминала Е. В. Висикирская [24, л. 6]. В дальнейшем Е. В. Висикирская выполняла также и задания В. Д. Ревякина: доставала бумагу для печати газеты «За Родину», помогала печатать ее, распространяла ее выпуски, кроме того, через приемник принимала сводки Совинформбюро для печати в газете [5, с. 249—251].

О содержании печатных материалов подпольщиков Севастополя свидетельствует листовка от 21 марта 1943 г.: «Дорогие братья, сестры, отцы, матери! Трудящиеся г. Севастополя, стонущие под ярмом гитлеровских поработителей! К вам обращаемся мы, ваши кровные товарищи по классу и оружию, товарищи по совместной борьбе с кровавыми поработителями, с величайшим призывом выступить с нами, вместе с вашими истинными освободителями, единым боевым фронтом за свержение этого нацистского кровавого ярма, упавшего всей тяжестью на наши плечи. Трудящиеся

Фото 2. Василий Ревякин — руководитель Коммунистической подпольной организации в тылу у немцев, 1941—1942 гг.
Государственный центральный музей современной истории России

Photo 2. Vasily Revyakin, head of the Communist underground organization behind German lines, 1941—1942. State Central Museum of Contemporary History of Russia

г. Севастополя, мы с вами, оказавшись под лапой этих извергов, за небольшой период времени на собственном опыте испытали всю тяжесть этих „освободителей”. Для нас с вами больше, чем для кого-либо другого, понятен смысл войны, которую ведут гитлеровские полчища. ...Мы лишены возможности вместе с Красной Армией с оружием в руках отблагодарить „своих освободителей”. Но тем не менее от нас зависит многое. Мы свою ненависть можем выразить в самых различных формах и тем самым оказать помощь нашим героическим борцам освободить занятую немецкими оккупантами территорию, а вместе с тем и нас самих. Трудящиеся г. Севастополя! День расплаты с врагом настал. Враг получил смертельную рану от ударов Красной Армии, но он не добит и стремится у нас в тылу оправиться, собраться с силами; враг ухитряется обманом направить на спасение своей шкуры нас с вами на битву со своими кровными братьями и отцами. Он призывает нас к борьбе против себя. Не идите на этот кровавый обман, а вставайте на борьбу с этим врагом с тем, чтобы вместе с Красной Армией окончательно добить его и поднять над г. Севастополем победоносное Красное Знамя» [27, л. 250—251]. Как видим, севастопольские подпольщики призывали жителей города подниматься на решительную борьбу с нацистскими оккупантами. Е. В. Висикирская была одной из тех, кто распространял эту информацию. «Распространяя газету „За Родину” в Центральном районе города, где, как собаки-ищейки, всегда рыскали жандармы, Висикирская ставила под угрозу свою жизнь, но это не могло остановить ее. Чем труднее было задание, тем с большей охотой выполняла его Евдокия Владимировна. Очень уважал и ценил ее за это Ревякин...», — писал в характеристике Гаврильченко [24, л. 3—5].

Кроме пропагандистской работы Е. В. Висикирская выполняла другие опасные задания подполья. Например, задание Н. М. Терещенко достать яд для отравления воды на балиндерах (баржах), где работали немцы [24, л. 7]. В. Д. Ревякин поручил Е. В. Висикирской приготовить яд для Клары — осведомителя СД. Яд и натертое стекло были переданы подпольщице Тютрюмовой, которая должна была вложить отраву в пищу Кларе. Также В. Д. Ревякин дал задание собрать сведения о местах расположения немецких зениток, вражеских аэродромов, немецких учреждений [24, л. 7], а также вести учет тайных агентов СД, полицейских и лиц, работающих на врага, следить за ними. Позже Е. В. Висикирская рассказывала: «Я следила за Литвиненко, Сирежко, Жорой-цыганом и др.» [24, л. 8].

27 января 1944 г. к ней пришел В. Д. Ревякин и рассказал о бывшем военнопленном, еврее польского происхождения Людвиге, который уже восемь месяцев прячется у четы Ревякиных. Но дальнейшее его пребывание у них опасно, так как некая Клара постоянно доносит на них в СД, в связи с этим у них уже был обыск. Он предложил Е. В. Висикирской поселить Людвигу у себя до отправки в лес. 28 января 1944 г. ранним утром к Е. В. Висикирской был приведен Людвиг [28, л. 1]. По воспоминаниям Е. В. Висикирской, В. Д. Ревякин при этом сказал следующее: «Товарищ Висикирская, вам надлежит сохранить ему жизнь, у него расстреляны три брата, мать, отец, жена и ребенок. Когда проводники возвратятся из леса, мы отправим его в лес» [24, л. 7]. В. Д. Ревякин также спросил, сможет ли Е. В. Висикирская содержать Людвигу материально. На что та дала слово сохранить военнопленного, а также содержать его материально [24, л. 7].

8 марта 1944 г. к Е. В. Висикирской пришла Лидия Ревякина (Нефедова) с запиской от В. Д. Ревякина, в которой он поздравлял ее с праздником и сообщал отличную новость — из леса пришли проводники за военнопленными [24, л. 8].

10 марта 1944 г. в 7 часов вечера Е. В. Висикирская доставила Людвигу на квартиру В. Д. Ревякина. Восемь военнопленных были уже в сборе, 11 марта они отправились в путь. 12 марта 1944 г. В. Д. Ревякин собрал

членов КПОВТН и сообщил им, что во главе штаба стоит капитан Глухов, который будет давать указания подпольщикам. Согласно отчету Е. В. Висикирской, каждому были даны задания [24, л. 8]. Е. В. Висикирская должна была передать в лагерь для военнопленных информацию о необходимости подготовки к побегам. Первоначальным укрытием для бежавших была ее квартира. Затем проводники переправляли беглецов в лес для пополнения партизанских отрядов. Также В. Д. Ревякин поручил Е. В. Висикирской найти квартиру, где можно было установить радиоприемник, и приготовить список тайных агентов врага, которых она лично знает. За всей этой информацией В. Д. Ревякин должен был зайти 14 марта 1944 г. [24, л. 8 ; 29, л. 7—8 ; 30, л. 7].

Е. В. Висикирской была подготовлена квартира на Морозовой горке, № 5 у Леонида Фролова. Она также успешно связалась с лагерем для военнопленных и приготовила списки. Но встретиться с В. Д. Ревякиным не удалось: в 6 часов утра 14 марта 1944 г. на квартиру к женщине пришла Г. Прокопенко и сообщила, что ночью В. Д. Ревякин был арестован [24, л. 8 ; 26, л. 1—2 ; 29, л. 8—9 ; 31, л. 2].

Получив такие тревожные известия, Е. В. Висикирская, чтобы избежать ареста, решает скрыться. В первую очередь она вынесла из квартиры все, что могло свидетельствовать о ее участии в подпольной работе, кое-что из вещей и покинула свой дом [24, л. 8]. Она держала связь с Галиной Прокопенко и наблюдала за тем, что происходит [24, л. 9].

16 марта 1944 г. Е. В. Висикирская узнала, что Л. Ревякину привезли в больницу и оставили под охраной, как важное политическое лицо [4, с. 121—122 ; 5, с. 252].

17 марта 1944 г. Александра Ивановна Какина предупредила Е. В. Висикирскую о том, что 16 числа к ней на квартиру приезжали агенты СД, взломали двери и, не обнаружив ее, организовали засаду [24, л. 9]. Врагами за Е. В. Висикирской была организована слежка. Вера Константиновна Радовая помогла ей укрыться у Леонида Фролова. Рискую собственной жизнью, Л. Фролов решил во что бы то ни стало спасти Е. В. Висикирскую. Агенты СД держали засаду на квартире последней вплоть до апреля 1944 г. За помощь Е. В. Висикирской В. К. Радова была арестована, от нее требовали фотографии и описание внешности подпольщицы, предлагали деньги за информацию. Однако все усилия спецслужб врага оказались безрезультатными. В. К. Радова отрицала связь с Е. В. Висикирской и не раскрывала место ее нахождения. В итоге В. К. Радову отпустили, дав приказ найти Е. В. Висикирскую и сообщить о ней. По истечении двух недель с квартиры была снята засада, при этом из квартиры вывезли все, вплоть до веника [24, л. 9].

Е. В. Висикирская укрывалась в подвале у Л. Фролова с 17 марта по 9 мая 1944 г., изнемогая от переживаний и голода. По ее воспоминаниям, «только 9 мая, когда вошла наша освободительная Красная Армия и город-герой снова стал советским, я смогла выйти из-под земли и полной грудью вдохнуть воздух свободного, счастливого советского города» [24, л. 9].

9 мая 1944 г. после освобождения города Висикирская была задержана советской военной контрразведкой Смерш в связи с расследованием дела КПОВТН. Причиной задержания Е. В. Висикирской Смершем, было то, что Людвиг, один из тех, кого скрывала Евдокия Владимировна, оказался предателем, который и выдал подпольную организацию гитлеровцам. Освобождена она была только 11 ноября 1944 г. [24, л. 2].

Известно, что после освобождения Севастополя на 19 марта 1945 г. Е. В. Висикирская проживала в Севастополе, на улице Азовской, № 73, и работала в «Севгорторге» заведующей магазином № 11. Ее старший сын Владимир Висикирский в это время служил в рядах РККА. Дочь (от первого брака) проживала со своим супругом в городе Поти Грузинской ССР.

На иждивении Е. В. Висикирской находилась ее мать, Ольга Федоровна Висикирская [24, л. 2].

На основании впервые введенных в научный оборот не опубликованных ранее источников из архивов Республики Крым и города федерального значения Севастополя рассмотрена роль Евдокии Висикирской в подпольном движении Севастополя в 1942—1944 гг. Начав с оказания помощи советским военнопленным, Е. В. Висикирская смогла наладить тесную связь с организатором одной из подпольных групп Н. М. Терещенко, который привел ее в ряды КПОВТН. Так наша героиня становится координатором деятельности антифашистских групп. Практически ни одна крупная операция КПОВТН не проходила без ее участия.

Восстановление каждого имени героев Великой Отечественной войны сегодня не только дань памяти, но и борьба за историческую правду. Демонизация Советского Союза, нивелирование колоссальных усилий советских людей опровергаются документами, подтвержденными и зафиксированными фактами и свидетельствами очевидцев событий. Мы видим, что борьбу с врагом вели простые советские люди, участники партизанского движения и подполья и их единственной мотивацией были любовь к Родине и вера в победу Красной Армии.

Список источников

1. Аристов С. В. Обреченные, но не сломленные: сопротивление советских военнопленных — узниц Равенсбрюка // Современная научная мысль. 2021. № 5. С. 89—92.
2. Удод В. П. Дом севастопольских подпольщиков. Симферополь : Крым, 1968. 28 с.
3. Сапранкова К. Г., Удод В. П. Их подвиги бессмертны: из истории деятельности коммунистического подполья в Севастополе // Вопросы истории КПСС. 1974. № 2. С. 91—98.
4. Игумнова Е., Удод В. Севастопольское подполье // За родной Севастополь / сост. П. Е. Гармаш. М. : Молодая гвардия, 1975. С. 118—122.
5. Чирва И. С. Крымское подполье 1941—1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. : сборник / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь : Крымиздат, 1963. С. 204—261.
6. Яковлев В. Преступления. Борьба. Возмездие. Симферополь : Крымиздат, 1961. 240 с.
7. Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья: о подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : [сб. ст.] / сост. В. Е. Быстров. Вып. 2. М. : Политиздат, 1968. С. 51—95.
8. Негроров Н. Д. Легендарный Севастополь. М. : Просвещение, 1968. 199 с.
9. Румянцев Н. М. Люди легендарного подвига: краткие биографии и описания подвигов Героев Советского Союза тех, кто родился, жил и живет в Саратовской области. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1968. 592 с.
10. Історія міст і сіл Української РСР : в 26 т. Т. 12. Кримська область / відп. ред. П. Т. Тронько. Київ : Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1974. 833 с.
11. Руденко Н. Н. Слово правды в борьбе с фашизмом. Пропагандистская деятельность политорганов Красной армии среди войск противника на территории СССР 1941—1944. Киев : Наукова думка, 1980. 192 с.
12. Гармаш П. Е. Подвиг подпольщиков // Севастополь — город-герой. М. : Воениздат, 1983. С. 97—101.
13. Доронина Э. Н., Ляхович А. А. По улицам Севастополя: путеводитель. Симферополь : Таврия, 1983. 112 с.
14. Подвигом прославленные: Герои Советского Союза — партизаны и подпольщики Украины в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Н. Немятый и др. Киев : Политиздат Украины, 1985. 382 с.
15. Крым: памятники славы и бессмертия / сост. С. Н. Шаповалова. Симферополь : Таврия, 1985. 2-е изд., доп. 240 с.
16. Земсков В. Н. Ведущая сила всенародной борьбы: Борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941—1944 гг.). М. : Мысль, 1986. 271 с.
17. Веникеев Е. В. Севастопольские маршруты : путеводитель. Симферополь : Таврия, 1988. 144 с.

18. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь / отв. ред. И. Н. Шкадов. М. : Воениздат, 1988. Т. 2. Любовь — Яшук. 863 с.
19. Шестаков Н. Подполье выходит на связь: малоизвестные факты о боевых действиях в тылу врага подпольной организации, руководимой коммунистом Героем Советского Союза В. Д. Ревякиным // Флаг Родины. 1988. 26 апр.
20. Задорожная Н. Ф. Дом-музей севастопольских подпольщиков 1942—1944 гг. : путеводитель. Севастополь : Борисов, 2007. 96 с.
21. Екатерина Алтабаева поздравила Надежду Задорожную с 80-летием // Безформата. URL: <https://sevastopol.bezformata.com/listnews/altabaeva-pozdravila-nadezhdu-zadorozhnuyu/69162303/> (дата обращения: 22.01.2024).
22. Селиванова А. Ф. 70 лет назад была создана подпольная организация // Севастопольские известия. 2013. 20 марта. С. 5.
23. Селиванова А. Ф. Севастопольским подпольщикам посвящается // Севастопольские известия. 2011. 16 ноября. С. 5.
24. Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. П-849. Оп. 3. Д. 31.
25. ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 9.
26. ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 15.
27. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-434. Оп. 23. Д. 15.
28. Севастополю 200 лет, 1783—1983 : сборник документов и материалов / отв. ред. А. И. Сигора. Киев : Наукова думка, 1983. 410 с.
29. ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 75.
30. АГС. Ф. Р-434. Оп. 23. Д. 3.
31. ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 49.

References

1. Aristov S.V. Obrechennye, no ne slomlennye: soprotivlenie sovetskikh voennoplennykh — uznits Ravensbryuka [Doomed but not broken: the resistance of Soviet prisoners of war at Ravensbrück], *Sovremennaya nauchnaya mysl' [Modern scientific thought]*, 2021, no. 5, p. 89—92.
2. Udod V.P. Dom sevastopol'skikh podpol'shchikov [House of Sevastopol underground fighters]. Simferopol', Krym, 1968, 28 p.
3. Saprankova K.G., Udod V.P. Ikh podvigi bessmertny: iz istorii deyatelnosti kommunisticheskogo podpol'ya v Sevastopole [Their feats are immortal: from the history of the Communist underground in Sevastopol], *Voprosy istorii KPSS [Issues of the history of the CPSU]*. 1974, no. 2, p. 91—98.
4. Igumnova E., Udod V. Sevastopol'skoe podpol'e [Sevastopol underground], *Za rodnoy Sevastopol' [To my native Sevastopol]*, ed. P. E. Garmash. Moscow, Molodaya gvardiya, 1975, p. 118—122.
5. Chirva I.S. Krymskoe podpol'e 1941—1944 gg. [Crimean underground 1941—1944], *Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuz 1941—1945 gg. [Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941—1945]*, ed. I.S. Chirva. Simferopol', Krymizdat, 1963, p. 204—261.
6. Yakovlev V. Prestupleniya. Bor'ba. Vozmezhdie [Crimes. Struggle. Retribution]. Simferopol', Krymizdat, 1961, 240 p.
7. Shamko E.N. Plamya nad Krymom [Flames over Crimea], *Geroi podpol'ya: o podpol'noy bor'be sovetskikh patriotov v tylu nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v gody Velikoy Otechestvennoy vojny [Heroes of the underground: about the underground struggle of Soviet patriots in the rear of the Nazi invaders during the Great Patriotic War]*, ed. V.E. Bystrov, issue 2. Moscow, Politizdat, 1968, p. 51—95.
8. Negrobov N.D. Legendarnyy Sevastopol' [Legendary Sevastopol]. Moscow, Prosveshchenie, 1968, 199 p.
9. Rumyantsev N.M. Lyudi legendarnogo podviga: kratkie biografii i opisaniya podvigov Geroev Sovetskogo Soyuz tekhn, kto rodilsya, zhil i zhivet v Saratovskoy oblasti [People of the legendary feat: brief biographies and descriptions of heroic deeds of Heroes of the Soviet Union who were born, lived and live in the Saratov region]. Saratov : Privolzhskoe knizhnoe publ., 1968, 592 p.
10. Istoriya mist i sil Ukraïns'koï RSR [History of cities and villages of the Ukrainian SSR], vol. 12. Krims'ka oblast' [Crimean region], ed. P.T. Tron'ko. Kiïv, Golovna redaktsiya URE AN URSR, 1974, 833 p.
11. Rudenko N.N. Slovo pravdy v bor'be s fashizmom. Propagandistskaya deyatelnost' politorganov Krasnoy armii sredi voysk protivnika na territorii SSSR 1941—1944 [Word of truth in the fight against fascism. Propaganda activities of the Red Army political organs among the enemy troops in the USSR 1941—1944]. Kiev, Naukova dumka, 1980, 192 p.
12. Garmash P.E. Podvig podpol'shchikov [The feat of the underground], *Sevastopol' — gorod-geroy [Sevastopol is a hero-city]*. Moscow, Voenizdat, 1983, p. 97—101.
13. Doronina E.N., Lyakhovich A.A. Po ulitsam Sevastopolya: putevoditel' [On the streets of Sevastopol]. Simferopol', Tavriya, 1983, 112 p.

14. Podvigom proslavlennye: Geroi Sovetskogo Soyuz — partizany i podpol'shchiki Ukrainy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Glorified by the feat: Heroes of the Soviet Union - partisans and underground fighters of Ukraine during the Great Patriotic War], ed. V.N. Nemyatyy et al. Kiev , Politizdat Ukrainy, 1985, 382 p.
15. Krym: pamyatniki slavy i bessmertiya [Crimea: monuments of glory and immortality], ed. S.N. Shapovalova. Simferopol', Tavriya, 1985, 240 p.
16. Zemskov V.N. Vedushchaya sila vsenarodnoy bor'by: Bor'ba sovetskogo rabocheho klassa na vremenno okkupirovannoy fashistami territorii SSSR (1941—1944 gg.) [The Leading Force of the Nationwide Struggle: The Struggle of the Soviet Working Class in the Nazi-occupied Territory of the USSR (1941—1944)]. Moscow, Mysl', 1986, 271 p.
17. Venikeev E.V. Sevastopol'skie marshruty [Sevastopol routes]. Simferopol', Tavriya, 1988, 144 p.
18. Geroi Sovetskogo Soyuz: kratkiy biograficheskiy slovar' [Heroes of the Soviet Union: a brief biographical dictionary], ed. I.N. Shkadov. Moscow, Voenizdat, 1988, vol. 2. Lyubov — Yashchuk, 863 p.
19. Shestakov N. Podpol'e vykhodit na svyaz': maloizvestnye fakty o boevykh deystviyakh v tylu vruga podpol'noy organizatsii, rukovodimoy kommunistom Geroem Sovetskogo Soyuz V.D. Revyakinym [The underground goes on line: little-known facts about the fighting behind enemy lines of the underground organization led by the communist hero of the Soviet Union V.D. Revyakin], *Flag Rodiny [The flag of the Motherland]*, 1988, 26 apr.
20. Zadorozhnaya N.F. Dom-muzei sevastopol'skikh podpol'shchikov 1942—1944 gg. [House-museum of Sevastopol underground fighters of 1942—1944]. Sevastopol' , Borisov, 2007, 96 p.
21. Ekaterina Altabaeva pozdravila Nadezhdu Zadorozhnyuyu s 80-letiem [Ekaterina Altabayeva congratulated Nadezhda Zadorozhnaya on her 80th birthday], *Bezformata [Bezformata]*. Available at: <https://sevastopol.bezformata.com/listnews/altabaeva-pozdravila-nadezhdu-zadorozhnyuyu/69162303/> (accessed: 22.01.2024).
22. Selivanova A.F. 70 let nazad byla sozdana podpol'naya organizatsiya [70 years ago an underground organization was created], *Sevastopol'skie izvestiya [Sevastopol News]*, 2013, 20 marta, p. 5.
23. Selivanova A.F. Sevastopol'skim podpol'shchikam posvyashchaetsya [To the underground fighters of Sevastopol is dedicated], *Sevastopol'skie izvestiya [Sevastopol News]*, 2011, 16 noyabrya, p. 5.
24. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym (GA RK) [State Archive of the Republic of Crimea (SA RK)], coll. P-849, aids 3, fol. 31.
25. GA RK [State Archive of the Republic of Crimea (SA RK)], coll. P-849, aids 3, fol. 9.
26. GA RK [State Archive of the Republic of Crimea (SA RK)], coll. P-849, aids 3, fol. 15.
27. Arkhiv goroda Sevastopolya (AGS) [Archive of the City of Sevastopol (ACS)], coll. R-434, aids 23, fol. 15.
28. Sevastopolyu 200 let, 1783—1983 : sbornik dokumentov i materialov, ed. A.I. Sigora. Kiev, Naukova dumka, 1983, 410 p.
29. [State Archive of the Republic of Crimea (SA RK)], coll. P-849, aids 3, fol. 75.
30. [Archive of the City of Sevastopol (ACS)], coll. R-434, aids 23, fol. 3.
31. [State Archive of the Republic of Crimea (SA RK)], coll. P-849, aids 3, fol. 49.

Информация об авторе

Иванов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Российская Федерация. E-mail: slavik1855@gmail.com

Information about the author

Vyacheslav A. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation. E-mail: slavik1855@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.01.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 29.01.2024.

The article was submitted 16.01.2024; approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 29.01.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкова Анна Сергеевна — кандидат политических наук, независимый исследователь, член Археологического и исторического общества Грейстоунза, Грейстоунз, Республика Ирландия. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Джорджевич Александра — докторант, Белградский университет, факультет политических наук, Белград, Республика Сербия. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Живанович Милана — доктор исторических наук, Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Иванов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Российская Федерация. E-mail: slavik1855@gmail.com

Кампос Регина Хелена де Фрейтас — PhD, профессор педагогической психологии, Федеральный университет штата Минас-Жерайс, президент центра психологических исследований и документации им. Елены Антиповой (Федеральный университет штата Минас-Жерайс), координатор группы специалистов по истории психологии Бразильской психологической ассоциации, г. Белу-Оризонти, Федеративная Республика Бразилия. E-mail: regihfc@terra.com.br

Красовицкая Тамара Юсуфовна — доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Мандель Наталья Владимировна — педагог-психолог, Областной центр диагностики и консультирования, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: mandel_natalya@mail.ru

Смедегаард Юлия — независимый исследователь в области международного образования, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. E-mail: juliakeld@gmail.com

Сорокина Марина Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

Олджай Тюркан — доктор филологических наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Талалай Михаил Григорьевич — Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация. E-mail: talalaym@mail.ru

Черказьянова Ирина Васильевна — доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация. E-mail: cherk@inbox.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Anna S. Bykova — Candidate of Political Studies, independent researcher, member of the Greystones Archaeological and Historical Society, Greystones, Republic of Ireland. E-mail: abykovaireland@gmail.com

Aleksandra Djordjevic — doctoral student, University of Belgrade, Faculty of Political Sciences, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Milana Zivanovic — Doctor of Historical Sciences, Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Vyacheslav A. Ivanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation. E-mail: slavik1855@gmail.com

Regina Helena de Freitas Campos — PhD, professor of Educational Psychology, Federal University of Minas Gerais, president of the Center for Psychological Research and Documentation named after Elena Antipova (Federal University of Minas Gerais), coordinator of the group of specialists in the history of psychology of the Brazilian Psychological Association, Belo Horizonte, Federal Republic of Brazil. E-mail: regihfc@terra.com.br

Tamara Yu. Krasovitskaya — Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: tkrasovitskaya@mail.ru

Natalya V. Mandel — educational psychologist, Regional Center for Diagnostics and Counseling, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: mandel_natalya@mail.ru

Julia Smedegaard — independent researcher in the field of international education, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. E-mail: juliakeld@gmail.com

Marina Yu. Sorokina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Türkan Olcay — doctor of philological sciences, professor, Istanbul University, Istanbul, Türkiye Cumhuriyeti. E-mail: turkanolcay@gmail.com

Michail G. Talalay — Institute of General History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: talalaym@mail.ru

Irina V. Cherkazyanova — Doctor of Historical Sciences, A. S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation. E-mail: cherk@inbox.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов¹) (полностью);
— наименование организации (организаций²), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подраз рубрики);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png.**
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavet L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipr86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-1-42-54.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.

